

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

РУССКИЙ ЯЗЫК

В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

№ 1

Москва
2019

Главный редактор — Молдован А. М., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Алексеев А. А. — д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Андерсен Х. — Ph.D., профессор, Калифорнийский университет, Лос Анжелес, США

Апресян Ю. Д. — академик РАН, профессор, Институт проблем передачи информации РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Богуславский А. — D.Sc., профессор, Варшавский университет, академик Польской академии наук, Польша

Богуславский И. М. — д. ф. н., профессор, Мадридский технический университет, Испания; Институт проблем передачи информации РАН

Вайс Д. — Ph.D., профессор, Цюрихский университет, Швейцария

фон Вальденфельс Р. — Dr. phil., профессор, Йенский университет им. Фридриха Шиллера, Германия

Варбот Ж. Ж. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Вежицкая А. — Ph.D., профессор, Австралийский национальный университет, Канберра, Австралия

Гиппиус А. А. — член-корреспондент РАН, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Ди Сальво М. — Ph.D., профессор, Миланский университет, Италия

Добровольский Д. О. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Журавлёв А. Ф. — д. ф. н., профессор, Институт славяноведения РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Иткин И. Б. — к. ф. н., Институт востоковедения РАН; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Кайперт Х. — Dr., профессор, Боннский университет, член-корреспондент Геттингенской академии наук, член-корреспондент Баварской академии наук, Германия

Касаткин Л. Л. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Кленин Э. — Ph.D., профессор, Калифорнийский университет, Лос-Анджелес, США

Крысин Л. П. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Мелиг Х.-Р. — Ph.D., профессор, Кильский университет, Германия

Мельчук И. А. — Ph.D., профессор, Монреальский университет, Канада

Мечковская Н. Б. — д. ф. н., профессор, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Падучева Е. В. — д. ф. н., профессор, Всероссийский институт научной и технической информации РАН

Плунгин В. А. — академик РАН, профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Институт языкознания РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Рождественская Т. В. — д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Сичинава Д. В. — к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Тимберлейк А. — Ph.D., профессор, Калифорнийский университет, Беркли; Колумбийский университет, Нью Йорк, США

Толстая С. М. — академик РАН, профессор, Институт славяноведения РАН

Томмола Х. — D.Sc., профессор, Университет Тампере, Финляндия

Флайер М. — Ph.D., профессор, Гарвардский университет, Кембридж, США

Шайкевич А. Я. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Шмелев А. Д. — д. ф. н., профессор, Московский государственный педагогический университет; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Ответственный секретарь — Пичхадзе А. А., д. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
VINOGRADOV RUSSIAN LANGUAGE INSTITUTE

RUSSIAN LANGUAGE AND LINGUISTIC THEORY

№ 1

Moscow
2019

EDITORIAL BOARD

Chief Editor — Alexander M. Moldovan, D.Sc. (Russian Language), Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Full Member of the RAS, Moscow, Russia.

Anatoly A. Alexeev, D.Sc. (Russian Language), Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia;

Henning Andersen, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, University of California, Los Angeles, USA;

Yury D. Apresyan, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Institute for Information Transmission Problems of the RAS; Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Full Member of the RAS, Moscow, Russia;

Andrzej Bogusławski, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Full Member of the Polish Academy of Sciences, Warsaw University, Poland;

Igor M. Boguslavsky, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Technical University of Madrid, Spain; Institute for Information Transmission Problems of the RAS, Moscow, Russia;

Dmitry O. Dobrovolsky, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Michael S. Flier, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, Harvard University, Cambridge, USA;

Alexey A. Gippius, D.Sc. (Russian Language), National Research University Higher School of Economics, Corresponding Member of the RAS, Moscow, Russia;

Ilya B. Itkin, Ph.D (Comparative and Contrastive Linguistics and Linguistic Typology), Institute of Oriental Studies of the RAS; National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia;

Leonid L. Kasatkin, D.Sc. (Russian Language), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Helmut Keipert, Dr. (Slavonic Studies), Professor em., University of Bonn, Corresponding Member of the Göttingen Academy of Sciences, Corresponding Member of the Bavarian Academy of Sciences, Germany;

Emily Klenin, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, University of California, Los Angeles, USA;

Leonid P. Krysin, D.Sc. (Russian Language), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Nina B. Mechkovskaya, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Belarusian State University, Minsk, Belarus;

Hans Robert Mehlig, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, Kiel University, Kiel, Germany;

Igor Meľčuk, Ph.D. (General Linguistics), Professor em., University of Montreal, Canada;

Elena V. Paducheva, D.Sc. (General Linguistics), Professor, All-Russian Institute for Scientific and Technical Information of the RAS, Moscow, Russia;

Vladimir A. Plungian, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS; Lomonosov Moscow State University, Full Member of the RAS, Moscow, Russia;

Tatyana V. Rozhdestvenskaya, D.Sc. (Russian Language), Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia;

Maria Di Salvo, Ph.D. (Slavonic Studies), Professor em., University of Milan, Italy;

Anatoly Ya. Shaykevich, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Alexey D. Shmelev, D.Sc. (Russian Language), Professor, Moscow State Pedagogical University; Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Dmitri V. Sitchinava, Ph.D (Comparative and Contrastive Linguistics and Linguistic Typology), Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Alan Timberlake, Ph.D. (Linguistics), Professor em., University of California, Berkeley; Columbia University, New York, USA;

Svetlana M. Tolstaya, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Institute of Slavic Studies of the RAS, Full Member of the RAS, Moscow, Russia;

Hannu Tommola, D.Sc. (Russian Language and Literature), Professor em., University of Tampere, Finland;

Zhanna Zh. Varbot, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Ruprecht von Waldenfels, Dr. phil. (Slavic Linguistics), Professor, Friedrich Schiller University, Jena, Germany;

Daniel Weiss, Ph.D (Slavic Languages), Professor, University of Zurich, Switzerland;

Anna Wierzbicka, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Australian National University, Canberra, Australia;

Anatoly F. Zhuravlev, D.Sc. (Slavic Languages), Institute of Slavic Studies of the RAS; Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia.

Executive secretary — Anna A. Pichkhadze, D.Sc. (Russian Language), Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia.

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования

<i>Igor A. Mel'čuk.</i> Russian <i>U Y-a est' / – X</i> Constructions	7
<i>Е. В. Урысон.</i> Иерархия значений многозначного слова: к постановке проблемы	46
<i>Н. М. Стойнова.</i> Будущее несовершенного вида и инфинитивное сочетание с глаголом <i>стать</i> как конкурирующие конструкции в современном русском языке	58
<i>Т. В. Крылова.</i> Различия между научными и наивно-языковыми представлениями о классификации живых существ	83
<i>М. Ю. Князев, Е. А. Рудалева.</i> Корпусное исследование влияния регистра на выбор способа оформления сентенциального актанта в русском языке	147
<i>Н. Н. Логвинова.</i> Конкуренция обстоятельств срока с предлогами <i>в</i> и <i>за</i> в русском языке в XVIII–XX вв.	184

Информационно-хроникальные материалы

Хроника 50-х Виноградовских чтений в МГУ (<i>Н. К. Ониненко</i>)	208
--	-----

Рецензии

Г р и ш и н а Е. А. Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения (корпусные исследования) (<i>С. И. Буркова</i>)	212
Большой словарь церковнославянского языка Нового времени. Т. I. А–Б / Под ред. А. Г. Кравецкого, А. А. Плетневой (<i>Я. А. Пенькова</i>)	226

Обзоры

Житие Василия Нового в древнейшем славянском переводе (<i>М. С. Мушинская</i>)	232
Адреса университетов и институтов	235
Правила подачи статей	236

CONTENTS

Articles

<i>Igor A. Mel'čuk.</i> Russian <i>U Y-a est' / – X</i> Constructions	7
<i>Elena V. Uryson.</i> Hierarchy of meanings of a polysemic word: setting the problem	46
<i>Natalya M. Stoyanova.</i> Imperfective future and the infinitive construction of the verb <i>stat'</i> ('become') in modern Russian: competing markers	58
<i>Tatiana V. Krylova.</i> Differences between scientific and naive-language concepts of living beings classification.....	83
<i>Mikhail Yu. Knyazev, Ekaterina A. Rudaleva.</i> Register as a predictor of the complement clause type in Russian: a corpus study.....	147
<i>Natalia N. Logvinova.</i> Distribution of Russian telic-extent adverbials with the prepositions <i>v</i> and <i>za</i> in the 18–20th centuries	184

Reports

Highlights of the 50th Vinogradov Conference (<i>Nadezhda K. Onipenko</i>).....	208
---	-----

Reviews

<i>Elena A. Grishina.</i> Russian gesticulation in linguistic aspect: corpus studies (<i>Svetlana I. Burkova</i>).....	212
The Large Dictionary of the Church Slavonic of the New Age. Volume 1. A–B. Ed. Alexandr G. Kravetsky, Alexandra A. Pletneva (<i>Yana A. Pen'kova</i>)	226

New books

<i>Vita Basilii Iunioris: Versio Palaeoslavica</i> (<i>Maria S. Mushinskaya</i>)	232
Adresses of universities and institutes.....	235
Notes for contributors	237

ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI 10.31912/rjano-2019.1.1

IGOR MEL'ČUK

Observatoire de linguistique Sens-Texte, Université de Montréal
(Canada, Montréal)
igor.melcuk@umontreal.ca

RUSSIAN *U Y-a EST'* / *- X* CONSTRUCTIONS

The paper considers the problem of choice between the construction *U Y-a est' X* lit. 'At Y is X' (with the form *est'* of the verb BYT' 'be') and the construction *U Y-a X* lit. 'At Y X' (with the zero form of the verb BYT'). This choice is determined by the meaning to be expressed, that is, practically it can be reduced to the choice of the corresponding one of several verbs BYT' 'be'. As the first approximation, the starting meaning 'Y is a semantic actant of X' (*U Ivana_Y temperatura_X / èkzamen_X / dvoe detej_X* 'At Ivan [high] temperature / [an] exam / two kids') is expressed by the verb BYT' **II.3** and by the construction *U Y-a X*; the meaning 'Y has X' (*U Ivana_Y est' dača_X / special'nyj pomoščnik_X / vremja_X* 'At Ivan is [a] summer.house / [a] special assistant / time') is expressed by the verb BYT' **III.2** and by the construction *U Y-a est' X*. The paper also presents the vocable BYT', with 13 lexemes; five of these, which participate in the constructions under analysis, are accompanied with full lexicographic descriptions. A series of particular cases is analyzed in which the choice of the appropriate construction is complicated by additional conditions. Formal semantic rules for the production of both constructions are supplied.

Keywords: Russian language, semantics, syntax, semantics-syntax interface, the verb BYT' 'be', zero form of the verb, constructions *U Y-a est' / - X*

To Alěša, with love.

**U menja zavtra est' trudnyj èkzamen*
lit. 'At me tomorrow is difficult exam'. =
'I have a difficult exam tomorrow'.

My grandson Alex Blostein

This paper is written within the Meaning-Text framework; it is impossible to explain here the notations and formalisms used. The reader is kindly referred to [Mel'čuk 2012–2015].

1. The problem stated

The scientific problem discussed in this paper arose, as is often the case, from a very practical, down-to-earth difficulty:

Русский язык в научном освещении. № 1. 2019. С. 6–45.

How to explain to my nice grandchildren, speaking (sometimes halting) Russian, when you have to say in Russian *U Y-a est' X* 'At Y is X' and when *U Y-a X* 'At Y X', i. e., without an overt verb form?

As common wisdom has it, in different contexts, either only the **est'**-construction is correct — (1a), or only the no-overt-verb construction is — (1b), or both constructions are correct with different meanings — (1c), or, finally, both are correct with (roughly) the same meaning — (1d):

- (1) a. *U Ivana est' èta kniga* 'At Ivan is this book' = 'Ivan has this book'. ~
 **U Ivana èta kniga* 'At Ivan this book'.

NB: 1. Here and below, all example sentences are supposed to fit into a **communicatively neutral context** — that is, to be uttered, among other things, with a neutral declarative prosody (interrogative and exclamative sentences are excluded from consideration). Thus:

- (i) **U Ivana èta kniga* ‘Ivan has this book’.

But the expression *U Ivana èta kniga* is correct, if ‘u Ivana’ is a *Focalized Rheme*, as in an answer to the question *Where could this book be?*,¹ for instance:

- (ii) *U Ivána* **Sem-RHEME**_{focalized} *èta kniga* 'At Ivan this book'. $\approx$ 'It is Ivan who has this book'.

Sentence (ii) expresses a meaning different from that of sentence (1a): (1a) speaks of Ivan and tells us that he has this book, while (ii) indicates that the location of the book is ‘at Ivan’.

- (iii) *U Ivana èta_{Rh}-Focus kniga* ‘At Ivan this book’. ≈ ‘Ivan has exactly this book’.

Sentence (iii) tells us that the book Ivan has is exactly this book — a meaning that again is different from that of sentence (1a).

2. Since the present paper concentrates on the grammatical correctness of the two constructions, our examples are lexically the simplest possible; therefore, some of them do not sound quite natural out of context.

¹ The **Semantic Rheme** of a sentence *S* is the part of the meaning 'S' (of this sentence) that the Speaker presents as stated by means of *S*; the **Rhematic Focus** is the part of Sem-**R** that supplies the value of the unknown element in the underlying question to which *S* can be an appropriate answer; *Focalized* is the part of the meaning 'S' that the Speaker presents as logically prominent. For instance:

- (i) $\text{John}_{\text{Sem-T}}$ $\text{was seen there last Friday}_{\text{Sem-R}}$
 (ii) $\text{John}_{\text{Sem-T}}$ $\text{was seen there } \text{last Friday}_{\text{Sem-R}}$
 (iii) $\text{As for John, he}_{\text{Sem-T, focalized}}$ $\text{was seen there last Friday}_{\text{Sem-R}}$
 (iv) $\text{It was there}_{\text{Sem-R, focalized}}$ $\text{that John was seen last Friday}_{\text{Sem-T}}$

For more details, see [Mel'čuk 2001].

3. The asterisks in examples (1) are not mine: they correspond to the judgments of grammaticality found in most publications on the *U Y-a est'/- X* constructions. It will be shown in this paper that the expressions under consideration are ungrammatical only with respect to a given meaning.

- b. *U Ivana golubye glaza* 'At Ivan blue eyes' = 'Ivan has blue eyes'. ~
 **U Ivana est' golubye glaza*.
- c. (i) *U Ivana est' takoj nož* 'At Ivan is such knife' = 'Ivan has such a knife'. ~
 **U Ivana takoj nož*.
 (ii) *Ostorožno, u Ivana nož* 'Careful, at Ivan knife' = 'Careful, Ivan has a knife' [a warning]. ~
 **Ostorožno, u Ivana est' nož*.
- d. (i) *U Ivana k tebe est' vopros* 'At Ivan to you is question' = 'Ivan has a question for you'. ≡
 (ii) *U Ivana k tebe vopros* 'At Ivan to you question' = 'Ivan has a question for you'.

The literature concerning the two constructions is vast; I will mention only four major titles: the pioneering studies [Селивёрстова 1973; 1990: 66 — 88; Янко 2001: 309 — 326], and [Апресян В. 2017]. The works by Yanko and V. Apresjan, which propose detailed and well illustrated analyses of the *U Y-a est'/- X* constructions, together with a good presentation of the relevant knowledge and a complete bibliography, have been especially useful for me. In particular, Yanko [Янко 2001] establishes the main semantic contrast between the two constructions: roughly, "*U Y-a X*" means 'Y is a participant of situation X', while "*U Y-a est' X*" means 'Y has at his disposal a useful X'; V. Apresjan [Апресян В. 2017] supplies an exhaustive inventory of semantic classes of possible Xs. I used many of Yanko's and V. Apresjan's examples and some of their proposals and conclusions, while trying to make another step forward.

In a nutshell, the problem that this paper is intended to solve can be formulated as follows:

┌ To state the formal rules necessary and sufficient to produce all and only correct occurrences of both *U Y-a est'/- X* constructions.

Formally, both constructions I am interested in have the following surface-syntactic structure:

└ oblique-objective ┘
 U-prepositional → Y BYT'-subjective → X

— The preposition U 'at', which is essential for these constructions, is semantically empty (= does not correspond to a semanteme): it is governed by the corresponding verb BYT' and does not appear in the deep-syntactic structure.

— Both constructions have to be examined in the present tense of the indicative mood, since in the past and future tenses, as well as in the subjunctive-

conditional, all BYT' verbs (see Subsection 2.2) have the same inflectional forms: *byl, byla, bylo, budu, budeš*, ... Only in the present indicative is it possible to tease them apart: some BYT' verbs in some particular contexts feature the zero lex $\emptyset^{\text{BYT}}$, some use the lex *est*', and still some other allow both lexes depending on the context. This difference is described by means of distinguishing several BYT' verbs: the *U Y-a est' X* construction contains BYT'II.3, BYT'II.4 or BYT'III.1, and the *U Y-a X* construction BYT'II.3, BYT'II.5 or BYT'III.2; the lexicographic definitions of these verbs will be given below, Subsection 2.2.

— X and Y can have various dependents, actants as well as modifiers, and these dependents can be relevant for the grammaticality and pragmatic acceptability of a given construction. Thus, **U Ivana sosed* 'At Ivan neighbor' is incorrect for the meaning 'Ivan has a neighbor' (the correct expression: *U Ivana est' sosed* 'At Ivan is neighbor'), while *U Ivana novyj sosed* 'At Ivan new neighbor' = 'Ivan has a new neighbor' is impeccable.

— The *U Y-a X* construction should not be confused with a case of syntactically induced ellipsis of the *est*' form. Thus, in sentence (2), the clauses 2 and 3 feature the *U Y-a est' X* construction that has undergone ellipsis:

- (2) [*U menja est' serdce*]₁, a [*u serdca — pesnja*]₂, a [*u pesni — tajna*]₃
 'At me is heart, and at heart song, and at song secret' [a popular Soviet tango of 1930s].

Before we plunge into the heart of the matter, two warnings:

— The English glosses to Russian examples (throughout the paper) are mostly literal. Several English words that correspond to one Russian word are united by periods: *budet* 'will.be'.

— My approach is strictly synthetic — from meaning to text. Therefore, if a text *T* is supplied with the gloss 'g', this means that 'g' can be expressed by *T*, not that 'g' is the only meaning of *T*.

2. Preparing the solution

2.1. Terms to avoid

In a study like the present one, the use of precise notions and, consequently, precise terminology is vital. Therefore, first of all, the following three terms frequently used in the discussions of the *U Y-a est'/- X* constructions must be banned, because of their misleading connotations:

- The term **copula* as applied to the verbs BYT' 'be' found in the *U Y-a est'/- X* constructions. The fact is that these BYT' are by no means copulas! (Several BYT' verbs are, of course, copulas, but these do not appear in our constructions; for an inventory of BYT' lexemes, see Subsection 3.2)
- The term **zero verb* as applied to the absence of an overt verb form in the *U Y-a X* construction. This construction contains not a **zero verb*, but the

zero form of one of the verbs BYT' — namely, $\emptyset^{\text{BYT'II.3}}$, $\emptyset^{\text{BYT'II.5}}$ or $\emptyset^{\text{BYT'III.2}}$, which are the present tense wordforms of the verbs BYT'II.3, BYT'II.5 and BYT'III.2 (they are by no means zero verbs; on zero lexemes, see [Mel'čuk 2006: 447 — 495]).

- The term **possessive construction* as applied to both our constructions. The notion of “possession” is semantically too vague to be used in this case. Even the sentence *U Ivana est' èta kniga* ‘At Ivan is this book’, which is the closest example of “possession,” can be continued ..., *no ona emu ne prinadležit* ‘..., but it does not belong to him’. The semantic relation between Y and X manifested in the constructions under analysis is not “possession,” but a very general and vague “involvement.” This meaning is considered indecomposable — a semantic primitive; in our description it is expressed by the semanteme ‘have’ (in Russian, it is ‘imet'sja’ ≈ ‘be.had’).

2.2. The verb BYT' in Russian

A *U Y-a est'/- X* construction is controlled, as will be shown, by one of the five lexemes of the verbal vocable BYT' ‘be’: respectively, BYT'II.3, BYT'II.4, BYT'II.5, BYT'III.1, and BYT'III.2. Therefore, it is necessary to present here a short description of the vocable BYT'. This description has been elaborated on the basis of Ju. Apresjan's paper [Апресян 2014] (where a detailed characterization of syntactic, lexical-combinatorial, prosodic and morphological properties of the different BYT' is offered) — with some changes².

² Modifications made in this paper with respect to Ju. Apresjan's [Апресян 2014] list:

- From Apresjan's 16 BYT' lexemes the following 9 are left out:

Byt' 2.2 (*On uže byl v dva časa* ‘He already was [here] at two o'clock’) is considered to be a particular case of **byt' 2.1** ‘be.located (= our BYT'IV ‘be.located’).

Byt' 4.2 and 4.4 (*Bylo pjat' časov* ‘[It] was five o'clock’ and *S nim beda* ‘With him accident’) are considered to be particular cases of **byt' 4.3** ‘take place, happen’ (= our BYT'II.2 ‘take place’).

Byt' 5.1 (the inevitability of an event: *Byt' groze* ‘To.be to.thunderstorm’ = ‘A thunderstorm will happen’) is considered to be a particular manifestation of the syntactic construction $V_{\text{INF}} \rightarrow N_{\text{DAT}}$, which is available with many different verbs (*Vojne eščë gremet' i pylat'* ‘The war will still be rumbling and flaming’ or *Žit' im i žit'* ‘They will still live and live’). BYT' in this construction is **byt' 4.3** ‘take place, happen’.

Byt' 5.2 (the inevitability of a bad event: *Nam kryška* lit. ‘To.us kaput’ = ‘We are done in’) is considered to be a particular case of **byt' 1.1** (the copula; our BYT'I.1), used as a light verb with such nouns as KRYŠKA ‘≈ kaput’, KAPUT ‘kaput’, KONEC ‘end’ or XANA ‘≈ kaput’.

Byt' 5.3 and 5.4 — the lexical items BUDET (‘enough’, as in *Enough crying!*) — are considered to be lexemes of a separate vocable BUDET (*Budet s tebjä* ‘You've had enough’; *Budet tebe plakat'* ‘Enough to.you to.cry’).

Byt' 6.1 and 6.2 (BYT' as an auxiliary) are also considered to be particular uses of **byt' 1.1** (the copula; our BYT'I.1).

In the examples below, all BYT' verbs are cited in the present tense of the indicative mood, since the problematic phenomena in the two constructions manifest themselves only in the present. For each lexeme of BYT' its possible inflectional forms of the present tense are indicated — both in the default (= general) case and in some special cases, that is, under special conditions, which are specified in the corresponding lexical entry. The present tense BYT' forms are:

- 1) a zero form $\emptyset^{\text{BYT'}}$ ³
- 2) **est'** for both a singular and a plural subject
- 3) **est'/sut'** for a singular/plural subject, respectively
- 4) **budet**, actually the future tense form of BYT'; it is used in a few specific cases in the sense of the present, such as *Dvaždy tri budet šest'* 'Two.times three is [lit. 'will.be'] six'. | *A vy kto budete?* 'And you who are [lit. 'will.be']?' | *V něm 20 kilo budet* 'In it 20 kg is [lit. 'will.be']' = 'It weighs about 20 kilos'. This use is stylistically marked (colloquial).

These forms, except **budet**, are not conjugated by person: they are the same for any person. Not all of them are possible for all verbs of BYT': BYT'1.1 has $\emptyset^{\text{BYT'}}$ and **est'**, BYT'1.2 and BYT'1.3 — $\emptyset^{\text{BYT'}}$ and **est'/sut'**, BYT'1.4 — $\emptyset^{\text{BYT'}}$ and **budet**, etc.

The four wordforms above are **suppletive lexes** of the corresponding verbal lexemes; the selection of the appropriate one is performed by deep-morphological rules, based on the information stored in the lexicographic entries for the verbs BYT'.

Since an in-depth characterization of the BYT' lexemes is far beyond the goal of this paper, several important details are ignored. Thus, the use of the pronoun *ěto* 'it' with some of the copulas, but not with the others — as, e. g., in *Romb — ěto čtyřxugol'nik* 'Diamond it [is] quadrangle' vs. **Ivan — ěto vrač* 'Ivan it [is] doctor' — is left out; see [Mel'čuk 2012].

BYT' 'be'

I. Copula	
1. BYT'1.1 'X←1–Y' ['X is Y'] BYT'1.1 is semantically empty—that is, its signified contains no semantemes; it has no source in the starting semantic	<i>Ěta kniga_X interesnaja_Y</i> 'This book interesting'. <i>Kuren_X vredno_Y</i> 'Smoking harmful'. <i>Kur_X vredno_Y</i> 'To.smoke harmful'. <i>I_X pjatero_Y</i>

- Six BYT' lexemes are added: two copular lexemes (BYT'1.3 — BYT'1.4, based on [Mel'čuk 2012]), three "existential" lexemes BYT'II.3 — BYT'II.5 and the "availability" lexeme BYT'III.2 are introduced as a result of the present research.
- Apresjan's lexicographic numbering of the lexemes inside the BYT' vocable has been changed in order to make the semantic bridges better visible.

³ Useful remarks about cooccurrence properties of BYT' zero forms (different from analogous properties of overt forms) are found in [Летучий 2013].

structure and is used to “verbalize” non-verbal semantically predicative lexemes L(‘Y’). The present tense form: Ø ^{BYT^{1.1}} ; est’ under special conditions < * sut’ >.	‘Of.them five’ = ‘They are five’. <i>Ivan_X, kak vseгда, bez_Y deneg</i> ‘Ivan, as always, without money’. <i>Ves_X granitnoj plity — 40 tonn_Y</i> ‘Weight of granit slab 40 tons’. <i>Ivanu_Y kaput_X</i> ‘To.Ivan kaput’ = ‘Ivan is kaput’. <i>Ivanu len’_Y idti_X tuda</i> ‘To.Ivan laziness to go there’ = ‘Ivan is too lazy to go there’.
2. BYT ^{1.2} ‘X is.identical.to Y’ The present tense form: Ø ^{BYT^{1.2}} ; est’/sut’ under special conditions.	<i>Čelovek_X u okna — Ivan_Y</i> ‘Man at window Ivan’. <i>Ėtot čelovek_X (i est’)</i> <i>Ivan_Y</i> ‘This man (surely) is Ivan’. <i>Edinstvennaja svjataja bor’ba_X — bor’ba_Y s dremotoj</i> ‘Only holy fight fight against sleepiness’. <i>Naša edinstvennaja nadežda_Y — Ivan_X</i> ‘Our only hope Ivan’.
3. BYT ^{1.3} ‘X is.an.element.of class Y’ Syn: JAVLJAT’SJA ‘be’ The present tense form: Ø ^{BYT^{1.3}} ; est’/sut’ under special conditions.	<i>Ivan_X — filosof_Y</i> ‘Ivan philosopher’. <i>Kniga_X sprava — učebnik_Y ispanskogo</i> ‘Book on.the.right textbook of.Spanish’. <i>Tak kak romb_X —/est’</i> <i>parallelogram_Y, to...</i> ‘Since diamond Ø/is parallelogram, ...’ <i>Kity_X —/sut’</i> <i>mlekopitajuščie životnye_Y</i> ‘Whales Ø/are mammals’. <i>Boks_X — diskusija_Y s očen’ veskimi argumentami</i> ‘Box discussion with very weighty arguments’.
4. BYT ^{1.4} ‘X is.equivalent.to Y’ The present tense form: Ø ^{BYT^{1.4}} ; the future tense form budet is used under special conditions.	<i>“Window”_X po-russki Ø/budet</i> <i>“okno”_Y</i> ‘Window in.Russian Ø/will.be okno’. <i>Dva_X plus dva Ø/budet četyre_Y</i> ‘Two plus two Ø/will.be four’.
5. BYT ^{1.5} ‘Y’s age.is X’ The present tense form: Ø ^{BYT^{1.5}} ; est’ under special conditions < * sut’ >.	<i>Ivanu_Y sorok let_X</i> ‘To.Ivan 40 years’ = ‘Ivan is 40 years old’.
II. Existence	
6. BYT ^{II.1} ‘entity X exists [in the world]’ [“there is/are X(s)”] Syn: SUŠČESTVOVAT’ ‘exist’; IMET’SJA ≈ ‘be.present’, ‘be.had’	<i>(Est’) svežee pivo_X</i> ‘(Is) fresh beer’. <i>V džungljax (est’) opasnye xiščniki_X</i> ‘In jungle (is) dangerous predators’. <i>V Afrike_Y (est’) akuly_X, v Afrike_Y (est’) gorilly_X!</i> ‘In Africa (is) sharks, in Af-

The present tense form: est' < *sut' >; Ø^{II.1} under special conditions.	rica (is) gorillas!' <i>Est' eščě na svete poezda_X!</i> 'Is still in world trains!' <i>Ved'my_X vsě-taki est'!</i> 'Witches by.all.means is!' = '... exist!' <i>Est' eščě porox_X v poroxovnicax!</i> 'Is still powder in powder.bboxes!'
7. BYT'II.2 'situation X exists' [“X takes place”] Syn: IMET' MESTO' 'take.place' The present tense form: Ø^{BYT'II.2}; est' under special conditions < *sut' >.	<i>Pjat' časov_X</i> '5 o'clock' <Bylo/Budet pjat' časov 'It was/will.be 5 o'clock'>. <i>Zima_X</i> 'Winter' [<i>Ivan skazal, čto sejčas zima</i> 'Ivan said that now winter'.]
8. BYT'II.3 'X-p_i→Y' [“X has Y as an actant”] BYT'II.3 is semantically empty: it expresses no semantemes. The present tense form: Ø^{BYT'II.3}; est' under special conditions < *sut' >.	<i>U Ivana_Y gripp_X</i> 'At Ivan flu'. <i>U Ivana_Y zavtra èkzamen_X</i> 'At Ivan tomorrow exam' [either Ivan is an examiner or an examinee]. <i>U Ivana_Y molodaja mat'_X</i> 'At Ivan young mother'. <i>U doma_Y dve dveri_X</i> 'At house two doors'. <i>U Ivana_Y slabye myšcy_X</i> 'At Ivan weak muscles' [Ivan's muscles are weak].
9. BYT'II.4 'entities X-p_i→Y, some of Xs being Z' BYT'II.4 is semantically almost empty (like BYT'II.3), adding to 'X' the semanteme 'some.of [Xs]' and a constraint on actant X ('entities'). Syn: IMET'SJA 'be.had' The present tense form: est' < *sut' >.	<i>U Ivana_Y est' slabye_Z myšcy_X</i> 'At Ivan is [some] weak muscles' [some of Ivan's muscles are weak]. <i>U ètoj knigi_Y est' mjatye_Z stranicy_X</i> 'At this book is [some] crumpled pages'.
10. BYT'II.5 'situation X or a situation that involves X affects Y' The present tense form: Ø^{BYT'II.5}	<i>U Ivana_Y zavtra èkzamen_X syna</i> 'At Ivan tomorrow [his] son's exam'. <i>U Ivana_Y zavtra Maša_X</i> 'At Ivan tomorrow Masha' [an event involving Masha that affects Ivan will take place tomorrow].
III. Availability	
11. BYT'III.1 'X useful.to Y is.had.by Y' Syn: IMET'SJA 'be.had' The present tense form: est' < *sut' >.	<i>U Ivana_Y est' dom_X za gorodom</i> 'At Ivan is house in country'. <i>Est' u nas_Y eščě doma dela_X!</i> 'Is at us still at.home business!' <i>U doma_Y est' dve dveri_X</i> 'At house is two doors'. <i>U ètoj rakety_Y est' kryl'ja_X</i> 'At this missile is

	wings'. <i>U Ivana_Y est' krasivyy galstuk_X</i> 'At Ivan is beautiful tie' [somewhere in a closet]. <i>U Ivana_Y est' gde žit'_X</i> 'At Ivan is where to live'. <i>A u Ivana est' Maša</i> 'And at Ivan is Masha'.
12. BYT'III.2 'X useful.to or usable.by Y is.had.by Y, Y handling X at the moment of speech or the moment specified in speech' The present tense form: $\emptyset^{BYT'III.2}$.	<i>Smotri, u Ivana_Y kamen'_X</i> 'Watch.out, at Ivan rock'. <i>U Ivana_Y krasivyy galstuk_X</i> 'At Ivan beautiful tie' [he is wearing it]. — <i>Da u reběnka nožnicy v rukax!</i> 'But at child scissors in hands!'
IV. Location	
13. BYT'IV 'X is.located.in Y' Syn: NAXODIT'SJA 'be.located.in' The present tense form: $\emptyset^{BYT'IV}$.	<i>Deti_X s utra na ozere_Y</i> 'Kids from morning at lake'. <i>Reka_X Xingu</i> — <i>v Brazili_Y</i> 'Xingu River in Brazil'. <i>U Ivana_Y sejčas Maša_X</i> 'At Ivan now Masha'.

Comments

1. The vocable BYT' features four lexeme groupings: **I.** copula, **II.** existence, **III.** availability, and **IV.** location; this is a fairly traditional set. The lexeme BYT'I.1 is semantically empty, and the lexemes BYT'II.1, BYT'III.1 and BYT'IV express semantic primitives (which agrees with Anna Wierzbicka's views — see, for instance, [Goddard, Wierzbicka 2014: 12]:

BYT'I.1: 'X←I-Y' | BYT'II.1: 'X exists' | BYT'III.1: 'X is.had.by Y' ⁴ |
BYT'IV: 'X is.located.in Y'

This fact allows me to include these lexemes in one vocable (together with all other BYT' verbs): even if there are no explicit semantic bridges between them, formally — syntactically and morphologically — they are closely related.

2. The lexeme BYT'I.1 — the pure copula — verbalizes non-verbal semantically predicative lexemes; DSynt-actant **II** [$\Leftrightarrow$ 'Y'] of the verb BYT'I.1 must be a genuine semantic predicate. BYT'I.1 also describes the grammatical (as an auxiliary verb) and semi-grammatical (as a support verb) uses of BYT':

— BYT' as an auxiliary in the passive. For instance, *Dom $\emptyset^{BYT'I.1}$ /byl/budet postroen* 'The house is/was/will.be built' and in the imperfective future tense *My budem^{BYT'I.1} stroit' dom* 'We will.be building the house'.

— BYT' as a support (= light) verb with predicative adverbs of the type MOŽNO $\approx$ 'is.possible' or XOLODNO $\approx$ 'is.cold'. For instance, *Možno vojti?* '[Is it] possible to.go.in?', with the surface-syntactic structure including an empty zero dummy subject $\emptyset_{(neu,sg)}^{empty} \approx$ 'it':

$\emptyset_{(neu,sg)}^{empty} \leftarrow$ **subjectival**–BYT'I.1–**copular-attributive-objectival**→MOŽNO

⁴ BYT'III.1 also expresses the semanteme 'useful [to X]'.

(i) a. *Eë glaza sijali* 'Her eyes were shining'. ~
Glaza u neë sijali 'Eyes at her were shining'.

In other words, the semantically equivalent phrases *u Ivana mama* $\equiv$ *mama u Ivana* both mean 'Ivan's mom'; such phrases are not considered in this paper.

Sentence (4), semantically fairly close to (3), is communicatively and syntactically quite different:

- (4) $[U \text{ Ivana}_Y]_{\text{Sem-T}} \emptyset^{BYT'II.3} \text{ sovsem molodaja mama}_X$ 'At Ivan quite young mom' $\approx$
'Ivan has a quite young mom'.

Sentence (4) represents the *U Y-a X* construction. It does not state that Ivan's mom has the property of being very young, but states something about Ivan — namely, that he is in the situation of having a quite young mother⁶. In (4), the semantic Theme of the sentence is 'Ivan', while the meaning 'Ivan's mom' is part of the semantic Rheme.

• Existential construction

(PREP_(loc) Y) BYT'II.1 X '(PREP_(loc)) Y there.is X':

V'etoj kvartire est' gaz/ljudi 'In this apartment [there.]is gas [gas cooking]/people'.

The $U \rightarrow N_{\text{GEN}}$ phrase can be readily added also to this construction:

- (5) $U \text{ Ivana } v \rightarrow kvartire \text{ est' } \rightarrow \text{gaz} \langle \text{ljudi} \rangle$
'At Ivan in apartment is gas <people>' = 'In Ivan's apartment there is gas <there are people>'.

- b. *Ež golubye glaza sijali* 'Her blue eyes were shining'. ~
**Golubye glaza u než sijali* 'Blue eyes at her were shining'.

The presence of a restrictive modifier does not preclude the $U \rightarrow N_{\text{GEN}}$ as Possessive Attribute:

- (ii) *Ež levaja ruka drožala* 'Her left hand was trembling'. ~
Levaja ruka u než drožala 'Left hand at her was trembling'.

⁶ The situation with this construction is in fact more complex. If sentence (4) is negated, the result is the negation of the property 'being that young':

- (i) *Nepravda, mat' u Ivana sovsem ne takaja molodaja*
'Not true, Ivan's mother is not that young'.

At the same time, the negation of (ii) produces (iii) or (iv):

- (ii) *U Ivana šikarnaja dača* 'At Ivan luxurious summer.house'.

- (iii) *Nepravda, u Ivana net nikakoj šikarnoj dači*
'Not true, at Ivan no any luxurious summer.house'.

- (iv) *Nepravda, dača u Ivana sovsem ne takaja šikarnaja*
'Not true, Ivan's summer.house is not that luxurious'.

However, it is impossible to discuss here the problem of the scope of negation in the constructions under analysis.

But in (5), just as in (3), the phrase *u Ivana* is a Possessive Attribute of *kvar-tira* — not our cup of tea.

• **Locative construction**

X BYT'IV PREP_(loc) Y 'X is.located PREP_(loc) Y':
Naša mebel' na čerdake 'Our furniture in attic'.

Consider sentences (6) with $U \rightarrow N_{GEN}$ phrases:

- (6) a. *Naša mebel' u Ivana na čerdake* 'Our furniture is at Ivan in attic' =
 '...in Ivan's attic'.
 b. *Naša mebel' u Ivana* 'Our furniture is at Ivan's.place'.
 c. *Naša mebel' u Ivana, na čerdake* 'Our furniture is at Ivan's.place, in the attic'.

(6a) contains the free phrase $U \rightarrow N_{GEN}$ 'at N', playing the role of a Possessor Attribute ('at Ivan in attic' = 'in Ivan's attic') — as in (5). (6b) contains the syntactic idiom ' $U \rightarrow N_{GEN}$ ' 'at N's place'; this is not the free $U \rightarrow N_{GEN}$ phrase discussed in this paper, but a locative actant of the verb BYT'IV. Finally, (6c) features two pseudo-coordinate locative phrases, the first being the syntactic idiom ' $U \rightarrow N_{GEN}$ ', and the second a semantic elaboration of the first. The idiom ' $U \rightarrow N_{GEN}$ ' is of course ignored in what follows. Thus, such sentences as *U Ivana est' gaz* 'At Ivan's [there.]is gas', *Maša sejčas u Ivana* 'Masha now at Ivan's', etc. will not be considered.

NB: The borderline between the existential and the locative constructions is rather murky, so that fairly often it is difficult to tell one from the other. However, for the present paper, this fact is irrelevant.

2.4. The importance of the communicative structure

Both the *U Y-a est'/- X* constructions are linked in an essential way with the semantic-communicative structure [Sem-CommS] of the corresponding utterance.

On the one hand, the central fact here is as follows: Communicatively, the meaning 'Y' is always (a part of) the Sem- (and the Synt-)Theme of the sentence produced, but syntactically it is realized **not** as DSynt-actant I of the BYT' verb that controls the *U Y-a est'/- X* construction. For Russian, the preferred way of expressing the Sem-Theme is by DSyntA I (and the SSynt-Subject). However, in the *U Y-a est'/- X* constructions the Sem-Theme 'Y' is syntactically implemented not as DSyntA I and the surface subject, but as DSyntA II, turned on the surface into an oblique object. For this reason, the lexicographic definitions of the BYT' lexemes that participate in the *U Y-a est'/- X* constructions are formulated "against the communicative current," which is normally not done: these definitions start not with the Sem-Theme 'Y', but with 'X', which corresponds to DSyntA I, but does not express the Sem-Theme.

On the other hand, the choice of the surface present tense form **est'** of the verb BYT'II.3 over its zero form in several cases is conditioned by the *Focalized* character of the meaning involved.

3. The solution

3.1. Preliminary remarks

A solution to the problem stated above (the end of Section 1) is based on the following two postulates:

- The question to be answered is exclusively “**How to say this?**”, rather than “How is this understood?”. Everything linked to the understanding or interpretation of the constructions under analysis is avoided.
- The description proceeds from a **given** meaning to the corresponding text(s). The problem of constructing an appropriate meaning for a given situation is not discussed.

In addition, two fundamental observations have to be insisted upon.

Observation 1

All sentences implementing both the *U Y-a est'/- X* constructions that are marked as ungrammatical in numerous publications are in fact syntactically and morphologically absolutely correct. What is wrong with them is that they express an inappropriate meaning — a meaning that does not correspond to the situation being described.

But the production, for a given situation, of a correct linguistic meaning to be expressed is not part of a linguist's preoccupations (we are supposed to only deal with a correct expression of a given meaning).

Here are three hackneyed examples of “ungrammatical” variants of the *U Y-a est'/- X* constructions, accompanied by parallel examples which demonstrate that in an appropriate context — that is, corresponding to an appropriate meaning — the problematic expressions are fully grammatical.

- (7) a. **U Ivana est' xorošaja doč'* ‘At Ivan is good daughter’ = ‘Ivan has a good daughter’.
 b. *Dlja ètogo u Ivana est' xorošaja doč', kotoruju možno pozvat' na pomošč'*
 ‘For this at Ivan is good daughter, whom is possible to call for help’.
- (8) a. **U Ivana est' gripp* ‘At Ivan is flu’ = ‘Ivan has flu’.
 b. *Razrešenija uiti u Ivana net, zato u nego est' gripp, na kotoryj on možet soslatsja*
 ‘Permission to leave at Ivan is not, yet at him is flu, which he can pretext’.
- (9) a. (i) *?U Ivana est' familija* ‘At Ivan is family.name’.
 (ii) **U Ivana familija* ‘At Ivan family.name’.
 (iii) **U Ivana est' russkaja familija* ‘At him is Russian family.name’.
 b. (i) *Dlja ètogo u Ivana est' familija i svjazi*
 ‘For this at Ivan is family.name and connections’.
 (ii) *U vsej svoi problemy, u Ivana — familija*
 ‘At everybody own problems, at Ivan family.name’.

- (iii) *Dlja ètogo u Ivana est' russkaja familija i pravil'nye znakomstva*
 'For this at Ivan is Russian family.name and right acquaintances'.

Before proceeding, let me insist on the following universally known, but often forgotten fact:

Generally speaking, the asterisk “*,” this symbol of ungrammaticality, indicates not only morphological and/or syntactic incorrectness, but marks as well linguistic expressions **incorrect — i. e. ungrammatical — only with respect to a given meaning**.

An expression $*\tilde{L}(\sigma')$ either may be incorrect morphologically and/or syntactically, or else it may be morphologically and syntactically perfect, but inappropriate for the meaning ‘ σ ’. It is the latter case that is typical of the ungrammaticality of the Russian expressions having the *U Y-a est'/- X* form. In point of fact, it proved impossible to find an example where one of the *U Y-a est'/- X* constructions is absolutely ungrammatical: it is only **semantically** ungrammatical, because it does not correspond to the intended meaning. Create an appropriate context, and this construction turns out fully acceptable.

Next, consider the second fundamental fact.

Observation 2

The grammaticality of the *U Y-a est'/- X* constructions is not fully determined by their lexical “filling”: the meaning and other properties of the expression X are not crucial, even if they are quite relevant on many occasions (all semantically essential properties of possible Xs are considered in [Анпеев 2017]). In order to ensure a grammatical use of these two constructions it is necessary that the meaning to express and the corresponding verb BYT' be selected in an appropriate way.

The *U Y-a BYT' X* constructions differ only by the lexemes of the verb BYT'; therefore, our problem can be reduced to the lexicographic descriptions of these lexemes BYT' and the choice of the BYT' verb corresponding to the given meaning.

3.2. Lexicographic description of the relevant verbs BYT'

3.2.1. Semantic contrasts between the relevant verbs BYT'

Considering pairs of semantically contrasting sentences with one of the *U Y-a est'/- X* constructions, we can isolate semantic components present in the definitions of the five BYT'.

“Utilitarian” character of BYT' III.1 [Янко 2001]

Let me begin with sentences (10), where both X and Y are instantiated by human proper names; these have no meaning of their own and thus contribute nothing to the meaning of the construction:

- (10) a. *U Ivana_Y est'^{BYT' III.1} Maša_X* ‘At Ivan is Masha’.

- b. *U Ivana_Y Ø^{BYT'II.5} Maša_X* 'At Ivan Masha'.
 [My ljudi svobodnye, a u Ivana — Maša 'We are free people while Ivan has Masha'.]

Sentence (10a) can be continued ... *i poèтому on **možet** mnogo rabotat'* <sovsem ne rabotat'> '... and therefore he **can** work a lot <not work at all>', but the continuation [?]... *i poèтому on **vynužden** mnogo rabotat'* <sovsem ne rabotat'> '... and therefore he **has.to** work a lot <not work at all>' does not sound right: in the *U Y-a est' X* construction, X is presented as an entity that somehow is "usable" by Y, since X enables Y to do what Y is supposed/intends to do. At the same time, sentence (10b) readily admits both continuations: it is less specific; here, X denotes any situation concerning Y one way or another. The comparison of the two sentences allows us to conclude that BYT'III.1 denotes the availability of **an entity** X that is somehow positive for Y, while BYT'II.5 is about **a fact** X, or a situation, that affects Y. ('Masha' in (10b) refers to an unspecified situation of which Masha is a participant.) This conclusion is corroborated by (11), where both X and Y denote inanimates:

- (11) a. *U ètoj bajdarki_Y **est**^{BYT'III.1} mačta_X* 'At this kayak is mast'.
 b. *U ètoj bajdarki_Y Ø^{BYT'II.3} mačta_X* 'At this kayak mast'.

Sentence (11a) can be continued by ... *tak čto **možno** ispol'zovat' parus* '... so that a sail **can** be used', but not by ... *tak čto ona **ne projdët** pod nizkim mostom* '... so that it **won't pass** under a low bridge'; (11b) allows for both continuations. These observations correspond to Yanko's statement [ЯНКО 2001: 310] that the constructions under analysis differ as follows: the *U Y-a est' X* construction denotes the existence of an entity that is somehow available to Y. (Yanko calls this BYT' "utilitarian.") In contrast, the *U Y-a X* construction describes, in Yanko's words, "a current phenomenon X of the world," to which Y is related (in our terms, the situation of which Y is a participant).

The pairs of sentences in (12)–(13), where the **est'** form is used, confirm what we already know:

- (12) a. *U Ivana_Y **est**^{BYT'III.1} Maša_X* 'At Ivan is Masha'. [= (10a)]
 b. *U Ivana_Y **est**^{BYT'II.3} vragi_X* 'At Ivan is enemies'.
 (13) a. *U ètoj bajdarki_Y **est**^{BYT'III.1} mačta_X* 'At this kayak is mast'. [= (11a)]
 b. *U ètoj bajdarki_Y **est**^{BYT'II.3} proboiny_X* 'At this kayak is holes'.

Both (12a) and (13a) state that there is X available to Y — that is, X "useful" for Y; these sentences include BYT'III.1. However, X in (12b) and (13b) X is not at all "useful" for Y — this BYT' is not utilitarian in Yanko's sense; these sentences contain BYT'II.3, implemented by the **est'** variant of its present tense form (*est' vragi* is obtained by special case 3.2) or 3.3), and *est' proboiny* by special case 5.2) in the lexicographic entry for BYT'II.3, p. 23).

The result: the semantic component 'useful' has to be introduced into the definition of the verb BYT'III.1; the verbs BYT'II.3 and BYT'II.5 do not need this

type of component. The contrast of verbs BYT'II.3 vs. BYT'III.1 is well illustrated by E. Savvina's example:

- (14) a. *U Ivana vynosnoj* 'At Ivan day.off' = 'It's Ivan's day off'.
 b. *U Ivana est' vynosnoj(, čtoby s"ezdit' k materi)*
 'At Ivan is day.off to go.see mom' = 'Ivan has a day off to go and see his mom'.

"Partial" character of BYT'II.4 [Селивёрстова 1973]

Sentences in (15) indicate the necessity of the semantic component 'some of [Xs are Z-y]' in the definition of BYT'II.4:

- (15) a. *U Ivana_Y Ø^{BYT'II.3} sedye volosy_X* 'At Ivan white hairs' =
 'Ivan has white hair' or 'Ivan has white hairs'.
 The form *volosy* is ambiguous between VOLOS_{Y(pl. tantum)} '[the] hair'
 and VOLOS_{PL} ['hairs'].
 b. *U Ivana_Y est^{BYT'II.4} sedye volosy_X* 'At Ivan is white hairs' = 'Ivan has
 some white hairs'.

"Actual" character of BYT'III.2 [Анпресян 1995: 523]

And, finally, the contrast seen in (16) allows us to introduce another semantic component — 'Y is handling X at the moment of speech or the moment specified in speech'; it is covered by the verb BYT'III.2:

- (16) a. *U Ivana_Y est^{BYT'III.1} nož_X*
 'At Ivan is knife' [somewhere — maybe in his pack or at home].
 b. *U Ivana_Y Ø^{BYT'III.2} nož_X*
 'At Ivan knife' [in his hand; this sentence is a typical warning].

Now I am in a position to propose the lexical entries for our five verbs BYT'.

3.2.2. Lexical entries for the five verbs BYT':
 BYT'II.3-5 and BYT'III.1-2

BYT'II.3

Definition

U Y-a X: 'situacija $X-\rho_i \rightarrow Y_{\text{Sem-T}}$ ["X imeet Y aktantom ρ_i "]' =
 'situation $X-\rho_i \rightarrow Y_{\text{Sem-T}}$ ["X has Y as actant ρ_i "]

$\text{BYT'II.3} \in \text{Func}_i(\text{L}('X'))$

Comments

1. 'X' denotes a situation — that is, either a fact or an entity inherently involved in a fact. To put it differently, 'X' is a predicate or a quasi-predicate, while 'Y' can be anything: either a (quasi-)predicate or a semantic name: *U ètogo želaniya_Y — otčëtlivye kontury_X* 'At this desire clear-cut contours' ('Y' is a predicate), *U ètoj stat'i_Y mnogo nedostatkov_X* 'At this paper many

drawbacks' ('Y' is a quasi-predicate), or *U Ivana_Y — golubye glaza_X* 'At Ivan blue eyes' ('Y' is a semantic name).

2. 'Y' is the communicatively dominant node of the Semantic Theme of the meaning to be expressed, the rest of this meaning being the Semantic Rheme (and maybe the Semantic Specifiers). 'Y' plays the same role in all definitions of the lexemes BYT' below.

3. $\mathbf{p_i = 1, 2, 3}$: *U Ivana èkzamen* 'At Ivan exam' ('Ivan←1-exam' or 'Ivan←2-exam': *kto₁ èkzamenuet kogo₂*); *U Ivana prikaz* 'At Ivan order' ('Ivan←3-order': *kto₁ prikazyvaet čto₂ komu₃*).

4. The verb BYT'II.3 appears as an element of the value of the lexical function Func_1 applied to L('X').

Government Pattern

$X^{TM} \text{ I}$	$Y^{TM} \text{ II}$
–subj→N _{NOM} oblig	–obl-obj→U N _{GEN} oblig

U Ivana_Y gore_X 'At Ivan misfortune'. | *U Ivana_Y grip_X* 'At Ivan flu'. | *U Ivana_Y žažda_X* 'At Ivan thirst'. | *U Ivana_Y est' drug_X* 'At Ivan is friend'. | *U Ivana_Y est' terpenie_X* 'At Ivan is patience'.

Morphology

The present tense form is:

In the general (= default) case — $\emptyset^{\text{BYT'II.3}}$: *U Ivana_Y durnoe nastroyenie_X* 'At Ivan $\emptyset$ bad mood' = 'Ivan is in a bad mood'. | *U ètogo veščestva_Y sladkij vkus_X* 'At this substance sweet taste'. | *U Ivana_Y vesnuški_X* 'At Ivan freckles'. | *U Ivana_Y problemy_X na rabote* 'At Ivan problems at work'.

In a special case — $\text{est}^{\text{BYT'II.3}}$ (for both numbers of the subject ⟨*sut'⟩): *U Ivana_Y est' problemy_X na rabote* 'At Ivan is problems at work'. | *U ètogo gaza_Y est' cvet_X* 'At this gas is color'.

Special cases

- **Est'** is obligatory

Independently of X's meaning (= for all Xs)

1. BYT'II.3 expresses the Rhematic Focus (see Footnote 1):

Uvy, u Ivana_Y est' rak_X 'Sorry, Ivan does have cancer'.

2. BYT'II.3_{PRES} is conjoined with BYT'II.3_{PAST/FUT}:

U Ivana_Y byli i do six por est' furunkuly_X 'Ivan had and still has boils'.

Depending on X's meaning (= only for some Xs)

3. 'X': **either** 3.1) X is an inherent characteristic of Y,
or 3.2) X is something external with respect to Y — that is, neither a property/state nor a regular part of Y,
or 3.3) 'Y' is SemA 2 of 'X';

and L('X') has no modifier ("modifier" must be understood here quite liberally — anything that depends on L('X') in the deep-syntactic structure by the DSyntRel **ATTR**):

- 1) *U Ivana_Y est^{BYT_{IL.3}/*Ø^{BYT_{IL.3}}} xarakter_X* 'At Ivan is/*Ø character' = 'Ivan has a strong character'.
- vs.
- U Ivana_Y *est^{BYT_{IL.3}/Ø^{BYT_{IL.3}}} sil'nyj xarakter_X* 'At Ivan *is/Ø strong character'⁷.
- 2) a. *U Ivana_Y est^{BYT_{IL.3}/*Ø^{BYT_{IL.3}}} vozmožnost'_X pomoč' nam* 'At Ivan is/*Ø possibility to help us'.
- b. *U Ivana_Y est^{BYT_{IL.3}/*Ø^{BYT_{IL.3}}} koronki_X* 'At Ivan is/*Ø crowns [on teeth]'.
- 3) *U ètix sobytij_Y est^{BYT_{IL.3}/*Ø^{BYT_{IL.3}}} svideteli_X* 'At these events is/*Ø witnesses' ['events←2—witnesses'].

■ **Est'** is possible

4. 'X': **either** 4.1) X is a mental phenomenon [of Y],
or 4.2) X is neither a property/state nor a regular part of Y,
or 4.3) 'Y' is SemA 2 of 'X';

and L('X') has a modifier:

- 1) *U Ivana_Y na ètu temu est^{BYT_{IL.3}/Ø^{BYT_{IL.3}}} drugoe mnenie_X*
 'At Ivan on this topic is/Ø different opinion'.
- 2) a. *U Ivana_Y est^{BYT_{IL.3}/Ø^{BYT_{IL.3}}} prekrasnaja vozmožnost'_X pomoč' nam*
 'At Ivan is/Ø excellent possibility to help us'.
- b. *U Ivana_Y est^{BYT_{IL.3}/Ø^{BYT_{IL.3}}} neskol'ko zolotyx koronok*
 'At Ivan is/Ø several gold crowns'.
- 3) *U ètix sobytij_Y est^{BYT_{IL.3}/Ø^{BYT_{IL.3}}} mnogočislennye svideteli_X*
 'At these events is numerous witnesses'.
5. 'X': **either** 5.1) X is the desire of Y to perform the corresponding action
or 5.2) X is a non-inherent particularity of Y⁸:
- 1) *U Ivana_Y est^{BYT_{IL.3}/Ø^{BYT_{IL.3}}} (drugoj) vopros_X*
 'At Ivan is/Ø (different) question' [here *vopros* means 'the desire to ask a question'].

⁷ This contrast cannot be described by a purely semantic condition because of the following equivalence:

(i) *U Ivana_Y est' xarakter_X*. ≡ (ii) *U Ivana_Y sil'nyj xarakter_X* 'At Ivan strong character';

in (i), *xarakter* is **XAKTER1b** 'strong character', while (ii) contains **XAKTER1a** 'character'. Several nouns can appear in such pairs: **AVTORITET** 'authority', **MOZGI** 'brains', **SERDCE** 'heart', **TALANT** 'talent', **VOZMOŽNOST'** 'possibility', **VYBOR** 'choice', etc.

⁸ The expression "non-inherent particularity" is an abbreviation for a set of several semantemes that must be included in the corresponding definitions to indicate the non-inherent character of the property/state/entity in question. For instance: 'X's Y-y accent (in Z)' = 'Y-y mode of pronunciation (of language Z) that X **can** have' [*John's British accent in French*], where the semanteme 'can' shows that having an accent is not an inherent particularity of X.

- 2) a. *U Ivana_Y est'^{BYT'II.3}/Ø^{BYT'II.3} akcent_X* 'At Ivan is/Ø [foreign] accent'.
 b. *U Ivana_Y est'^{BYT'II.3}/Ø^{BYT'II.3} mnogo krasnyx rodinok_X* 'At Ivan is/Ø many red birthmarks'.

Three important caveats

1. A possibility to use the present form **est'** instead of a zero present form in a special case does not automatically accrue to all BYT' lexemes. Thus, BYT'IV 'be.located [somewhere]' does not allow **est'** under any circumstances. Therefore, this possibility should be lexicographically indicated.

2. The proposed description of the distribution of the two present tense forms of BYT'II.3 (**Ø^{BYT'II.3}** vs. **est'^{BYT'II.3}**) is approximate; it is an attempt at useful generalizations, which I think are possible only partially.

3. In order to avoid confusion, let me remind the reader that the above conditions for the choice between the forms **Ø^{BYT'II.3}** vs. **est'^{BYT'II.3}** of the lexeme BYT'II.3 should not and do not describe the cases of impossibility to combine the lexeme BYT'II.3 itself with L('X') — that is, they do not preclude such expressions as **U Ivana_Y est'/- dobrot_X* 'At Ivan is/Ø goodness' = 'Ivan is good'. This is the task for semantic rules that control lexical cooccurrence by means of lexical functions (see Subsection 3.3).

Examples

U Ivana_Y — (nebol'saja/vysokaja) temperatura_X 'Ivan has a (slight/high) fever'. | *U Ivana_Y est'^{Rhem-F} (nebol'saja/*vysokaja) temperatura_X* 'Ivan has a (slight/*high) fever' (cf. example (29), p. 37) [e.g., as an objection to the statement 'Ivan has no fever']. | *U Ivana_Y byla i (do six por) est' temperatura_X* 'Ivan had and (still) has a fever'. | *U ètoj židkosti_Y est'/*Ø vkus_X* 'This liquid has taste'. | *U ètoj židkosti_Y Ø/*est' vkus_X mēda* 'This liquid has a taste of honey'. | *U ètogo stola_Y Ø/*est' tri jaščika_X* 'This table has three drawers'.

BYT'II.4

Definition

<i>U Y-a est' X-y:</i> 'suščnosti X-1 → <u>Y</u> _{Sem-T} '	'nekotorye iz X-ov — Z-ovye'	['X-y imejut Y aktantom 1, pričēn nekotorye iz X-ov — Z-ovye']
'entities Xs-1 → <u>Y</u> _{Sem-T} '	'some of Xs are Z-y'	['Xs have Y as actant 1, some of Xs being Z-y']

Government Pattern

X ↔ I	Y ↔ II
—subj → N _{PL, NOM} oblig	—obl-obj → U N _{GEN} oblig

U Ivana_Y est' gnilye_Z zuby_X 'Ivan has **some** rotten teeth' [other teeth are OK; the sentence *U Ivana gnilye zuby* — with BYT'II.3 — means that all of Ivan's teeth are rotten].

Morphology

The present tense form: *est'* for both numbers of the subject ⟨**sut*⟩.

Examples

U Ivana_Y est' ploxie_Z studenty_X 'Ivan has **some** bad students'. | *U ètoj strojki_Y est' i blagorodnye_Z celi_X* 'This construction has also **some** noble goals'. | *U ètogo zdanija_Y est' zamečatel'nye/čudoviščnye_Z svojstva_X* 'This building has **some** extraordinary/awful properties'.

BYT'II.5**Definition**

U Y-a X: 'Situacija X ili situacija, svjazannaja s X-om, zatragivaet $\underline{Y}_{\text{Sem-T}}$ ' =
'Situation X or a situation involving X affects $\underline{Y}_{\text{Sem-T}}$ '

Government Pattern

$X \Leftrightarrow \text{I}$	$Y \Leftrightarrow \text{II}$
$-\text{subj} \rightarrow \text{N}_{\text{NOM}}$ oblig	$-\text{obl-obj} \rightarrow \text{U N}_{\text{GEN}}$ oblig

U Ivana_Y Ø nogi_X 'At Ivan legs' [Ivan is somehow affected by a situation involving his legs: for instance, they hurt him or, on the contrary, they are very good and give him some advantage].

Morphology

The present tense form: $\emptyset^{\text{BYT'II.4}}$.

Examples

*U Ivana_Y Ø/*est' razvod_X ego dočeri* 'Ivan has to deal with the divorce of his daughter'. | *U nas_Y uže Ø/*est' osen'_X* 'We already have fall here'.

BYT'III.1**Definition**

U Y-a est' X: 'Suščnost' X, poleznaja dlja Y-a, imeetsja u suščnosti $\underline{Y}_{\text{Sem-T}}$ ' =
'Entity X useful to Y is.had.by entity $\underline{Y}_{\text{Sem-T}}$ '

Comment

'Useful' must be taken in the broadest sense possible: $\approx$ 'enabling Y to do what he intends or is supposed to do'.

Government Pattern

$X \Leftrightarrow \text{I}$	$Y \Leftrightarrow \text{II}$
$-\text{subj} \rightarrow \text{N}_{\text{NOM}}$ oblig	$-\text{obl-obj} \rightarrow \text{U N}_{\text{GEN}}$ oblig

U Ivana_Y est' neobxodimye znanija_{PL-X} 'At Ivan is necessary knowledge'.

Morphology

The present tense form: **est'** for both numbers of the subject ⟨***sut'**⟩.

Examples

U Ivana_Y est' vremja_X 'At Ivan is time' = 'Ivan has time'. | *U Ivana_Y est' èta kniga_X* 'Ivan has this book'. | *Čtoby dobivat'sja svoego, u Maši_Y est' ogromnye sinie glaza_X* 'In.order to.get her.way, Masha has enormous dark blue eyes'. | *U človeka_Y est' лёгkie_X* 'Humans have lungs'.

BYT'III.2**Definition**

U Y-a X: 'Suščnost' X, kotoraja polezna dlja Y-a ili kotoruju Y možet ispol'zovat', imeetsja u suščnosti $\underline{Y}_{\text{Sem-T}}$, pričëm Y manipuliruet X-om v moment t_0 ' | ' t_0 is the moment of speech or the moment specified by speech' =
'Entity X useful to Y or usable by Y is.had by entity $\underline{Y}_{\text{Sem-T}}$, Y handling X at the moment t_0 '

Government Pattern

$X \Leftrightarrow \text{I}$	$Y \Leftrightarrow \text{II}$
– subj → N_{NOM} oblig	– obl-obj → $U N_{\text{GEN}}$ oblig

Morphology

The present tense form: $\emptyset^{\text{BYT'III.2}}$.

Examples

U Ivana_Y pistol'et_X 'Ivan has a pistol' [a warning]. | *Esli u napadajuščego_Y nož_X, nel'zja pytat'sja vyxvatit' ego* 'If the attacker has a knife, you shouldn't try to take it away'.

Our lexicographic description of the relevant BYT' verbs can be summarized in the following table:

BYT'II.3 :

"X has Y as its Sem-actant" *U Ivana gripp* 'At Ivan flu'. $\emptyset^{\text{BYT'}}$ in the general case, **est'** in a special case
U Ivana est' vkus 'At Ivan is taste'.

BYT'II.4 :

"Xs have Y as their Sem-actant, some of Xs being Z-y" *U Ivana est' gnilye zuby* **est'**
'At Ivan is some rotten teeth'.

BYT'II.5 :

"Situation (involving) X affects Y" *U Ivana razvod dočeri* $\emptyset^{\text{BYT'}}$
'At Ivan divorce of daughter'.

BYT'III.1:

“X useful for Y is had by Y” *U Ivana est' novyj galstuk* **est'**
 ‘At Ivan is new tie’.

BYT'III.2:

“X useful for Y or usable by Y is had by Y, X being handled by Y at moment t_0 ” *U Ivana novyj galstuk* **Ø^{BYT'}**
 ‘At Ivan new tie’.

Among these verbs, it is BYT'II.3 that creates all the difficulties; the remaining four BYT' verbs are quite well-behaved. This is linked to the fact that BYT'II.3 does not express a semanteme, as other BYT' do, but a semantic relation. This fact buttresses our decision to describe BYT'II.3 “in isolation.” Interestingly, the existence of sentences such as (17) does not force the reunion of BYT'II.3 and BYT'II.5 under one lexeme with a disjunctive definition (on disjunctive definitions, see [Mel'čuk 2012–2015, II: 324ff]):

- (17) *U Ivana_Y operacija_X i razvod_X. Maši* ‘At Ivan surgery and Masha’s divorce’,

where Ivan is a participant of surgery (as a patient or as the surgeon) and is affected by Masha’s divorce, in which he is not a participant. BYT'II.3 and BYT'II.5 seem to satisfy the Green-Apresjan Criterion [Mel'čuk 2012–2015, II: 330–333]. Namely, they appear to be “superposed” and allow the conjoined dependents of both (OPERACIJA ‘surgery’ is coming from BYT'II.3, and RAZVOD ‘divorce’ from BYT'II.5), without creating a humorous effect (= a pun), as, e.g., in *She took a lover and two aspirins*. However, the lexicographic information for BYT'II.3 and BYT'II.5 is very different, and this allows us to keep both lexemes apart. Moreover, (17) can be easily interpreted in the sense that the surgery also affects Ivan — that is, in the sense of BYT'II.5, which facilitates its acceptance.

3.3. Semantic rules for the verbs BYT' in the *U Y-a est'/-X* constructions

The next step is the formulation of semantic rules for the verbs BYT'II.3-5 and BYT'III.1-2, used in the *U Y-a est'/-X* constructions. These rules establish correspondences between

- the starting Sem-structure, which includes one of the following two semanteme configurations:
 either ‘X-**p_i**→Y’ or ‘X←1-σ-2→Y’ | ‘σ’ = ‘affect’/‘be.had’;
- and
- a corresponding DSynt-tree of the form $L('X') \leftarrow I - L_{BYT'}^{BYT'} - II \rightarrow L('Y')$, where both lexemes $L('X')$ and $L('Y')$ are nouns, and $L_{BYT'}^{BYT'}$ is one of the five verbs BYT', described in Subsection 3.2.

Accordingly, there are two major types of semantic rules:

- I. For the case where the element in the starting Sem-structure to be expressed is a semantic relation **p_i** between ‘X’ and ‘Y’: ‘X-**p_i**→Y’.

- II. For the case where the element in the starting Sem-structure to be expressed is a semanteme 'σ' linking 'X' and 'Y': 'X←1-σ-2→Y'; this 'σ' either is 'affect' or 'be.had' (= Rus. 'imet'sja').

Notations

- ρ_i : the semantic relation subordinating 'Y' to 'X' ($i = 1, 2, 3, \dots$)
- **Shading** indicates the context of the rule: elements that are not processed by the rule, but whose presence is necessary for the rule to apply.

- I. 'X' and 'Y' are linked by a semantic relation ρ_i
(= 'Y' is a Sem-actant of 'X')

Sem-rules **1** and **2** both express a semantic relation ρ_i between 'X' and 'Y'.

Sem-rule **1** covers a common case — the lion's share of the uses of the *U Y-a est' / - X* construction, such as *U Ivana_Y zapor_X* 'At Ivan constipation', *U Ivana_Y kanikuly_X* 'At Ivan holidays', *U Ivana_Y kurčavye volosy_X* 'At Ivan curly hair', *U Ivana_Y zamečatel'naja žena_X* 'At Ivan excellent wife', *U Ivana_Y est' xarakter_X* 'At Ivan is character', etc.

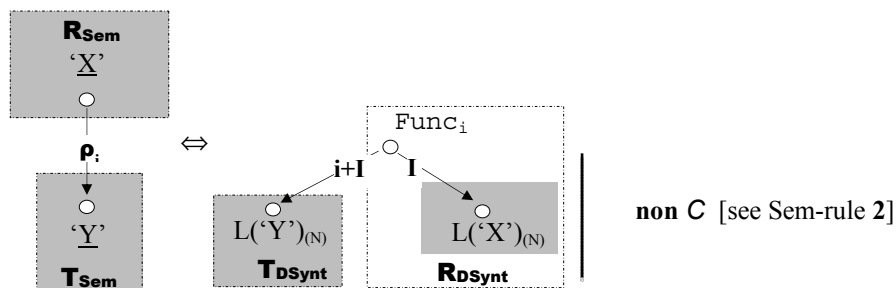
Sem-rule **2** is foreseen for a particular case, where the noun L('X') is in the plural and has a modifier L('Z'); then the following contrast is possible (this contrast was first brought to the attention of linguists in [Селивѣрстова 1973] and [Апутьюнова 1976: 279–280]):

- (18) a. *U Ivana_Y nepravil'nye_Z ubeždenija_X* 'At Ivan wrong convictions':
rather **all** of Ivan's convictions are wrong.
b. *U Ivana_Y est' nepravil'nye_Z ubeždenija_X* 'At Ivan is wrong convictions':
some of Ivan's convictions are wrong.

To ensure the proper application of Sem-rule **2**, it is supplied with a special condition — "C"; Sem-rule **1** requires, quite naturally, the condition "non C."

Sem-Rule 1: The common case

Sem-rule **1** expresses the semantic relation ρ_i between 'X' and 'Y', which are both communicatively dominant nodes in their respective semantic-communicative areas, by the empty lexical-functional (= support) verb Func_i .

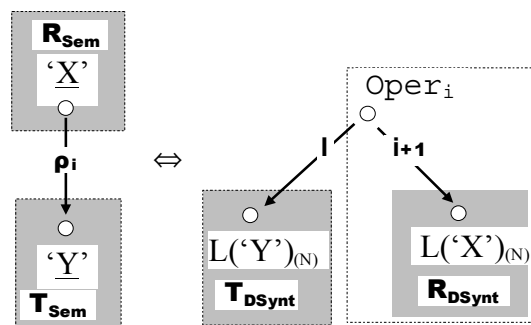

- 1) a. $U\text{ Ivana}_Y \emptyset^{BYT'II.3} \text{ syp}'_X$ 'At Ivan rash'.
- b. $U\text{ Ivana}_Y \text{ est}^{BYT'II.3} \text{ syp}'_X$ 'At Ivan is rash' [BYT'II.3 expresses the Rematic Focus].
- 2) $U\text{ Ivana}_Y \emptyset^{BYT'II.3} \text{ est}^{BYT'II.3} \text{ otpusk}_X$ 'At Ivan leave' = 'Ivan is on leave'.
- 3) a. $U\text{ Ivana}_Y \emptyset^{BYT'II.3} \text{ est}^{BYT'II.3} \text{ sil}'nyj \text{ xarakter}_X$ 'At Ivan strong character'.
- b. $U\text{ Ivana}_Y \text{ est}^{BYT'II.3} \text{ xarakter}_X$ 'At Ivan is character' [strong character; special case 3.1)].
- 4) $U\text{ arbuza}_Y \text{ vsjudu} \emptyset^{BYT'II.3} \text{ est}^{BYT'II.3} \text{ puzo}_X$ [V. Orlov] 'At watermelon everywhere belly'.
- 5) $U\text{ Ivana}_Y \emptyset^{BYT'II.3} \text{ est}^{BYT'II.3} \text{ gorb}_X$ 'At Ivan hump' [special case 5.2)].
- 6) $U\text{ ètogo doma}_Y \emptyset^{BYT'II.3} \text{ est}^{BYT'II.3} \text{ dyra}_X \text{ v kryše}$ 'At this house hole in roof' [special case 5.2)].
- 7) a. $U\text{ Ivana}_Y \emptyset^{BYT'II.3} \text{ est}^{BYT'II.3} \text{ mnenie}_X \text{ čto...}$ 'At Ivan Ø/is opinion that ...'
- b. $U\text{ Ivana}_Y \emptyset^{BYT'II.3} \text{ est}^{BYT'II.3} \text{ drugoe mnenie}_X$ 'At Ivan Ø/is different opinion'.
- 8) $U\text{ ètogo sobytija}_Y \text{ est}^{BYT'II.3} \text{ svideteli}_X$ 'At this event is witnesses'.
- 9) $U\text{ ètogo teksta}_Y \text{ est}^{BYT'II.3} \text{ dva avtora}_X$ 'At this text two authors'.
- 10) $U\text{ Ivana}_Y \emptyset^{BYT'II.3} \text{ est}^{BYT'II.3} \text{ prikaz}_X$ 'At Ivan Ø/is order'.

Most often, $\mathbf{p}_i = 1$, and Func_1 is needed; however, the examples 8) and 9) demonstrate the case of $\mathbf{p}_i = 2$ (and Func_2 : 'svidetel'–2→sobytie', 'avtor–2→tekst'), while the example 10) shows $\mathbf{p}_i = 3$ (and Func_3 : 'prikaz–3→Ivan').

Only the rule with Func_1 is given here, since the verbs that are values of two other lexical-functional empty verbs (= support verbs) — Oper_i and Labor_{ij} — cannot participate in the $U\text{ }Y\text{-}a\text{ est}'\text{-}X$ constructions for a purely syntactic reason: $L('Y')$ must be their syntactic subject, while in the said constructions the noun $L('Y')$ is an oblique object of the verb.

For those expert readers who would like to see the Oper_i rule as well, here it is:

- 1) $Ivan_Y \text{ imeet mnenie}_X \text{ čto...}$
'Ivan has opinion that...'
- 2) a. $Ivan_Y \emptyset^{BYT'IV} \text{ v otpuske}_X$ 'Ivan on leave'.
- b. $Ivan \text{ naxoditsja v otpuske}$.
- 3) $\text{Èto mnenie}_X \text{ xarakterizujetsja čet'yr'mja osobennostjami}_X$
'This opinion is characterized by four particularities'.

A semantic relation ρ_i between a (quasi-)predicative semanteme 'X' and its Sem-actant 'Y' is expressed lexically (that is, by a semantically empty support verb $L(\rho_i)$) if 'X' and 'Y' are in different Sem-communicative areas — namely, 'X' is in the Sem-Theme and 'Y', in the Sem-Rheme. In this case, the needed verb is $\text{Func}_i(L('X'))$, whose syntactic pattern fits the *U Y-a est'/- X* construction. As any lexical function, the Func_i verb has all elements of its value explicitly specified in the lexical entry for its keyword, $L('X')$. Note that:

— On the one hand, the value of Func_i quite often includes verbs different from BYT'II.3 , BYT'II.4 , BYT'III.1 and BYT'III.2 : *U Ivana imeetsja mnenie* 'At Ivan there.is opinion', *U Ivana najdetsja vremena dlja Maši* 'At Ivan will.find.itself time for Masha', *Na Ivane ležit vina za požar* 'On Ivan is.lying guilt for fire', *Ivanu prinadležit vsja vlast'* 'To.Ivan belongs all authority', *Ivana b'et oznob* 'Ivan_{ACC} is.beating [a] chill_{NOM}' = 'A chill is.shaking Ivan', *V duše Ivana živēt nadežda* 'In soul of.Ivan is.alive hope', *Pobeda dostaetsja Ivanu* 'Victory comes to.Ivan', etc.

— On the other hand, even if BYT'II.3 is possible in the *U Y-a X* construction in most cases where Y is an actant of X, this is by no means true in all cases. Thus, several names of human qualities and psychological/physiological states — such as ŽESTOKOST' 'cruelty', DOBROTA 'goodness', NEŽNOST' 'tenderness', ČISTOPLOTNOST' 'cleanliness', GNEV 'anger', GOLOD 'hunger', BOL' 'pain', etc. — do not combine with BYT'II.3 in the role of X. In other words, $\text{Func}_1(\text{ŽESTOKOST'}/\text{DOBROTA}/\dots) = \text{— [no value] (19a)}$; to express the intended meaning a different support verb — XVATAT' — is needed (19b):

- (19) a. *U Ivana_Y *est^{BYT'II.3}/Ø^{BYT'II.3} žestokost'_X pozvat' Mašu*
'At Ivan *is/Ø cruelty to.invite Masha'.
b. *U Ivana_Y xvataet žestokost'_X pozvat' Mašu*
'At Ivan is.enough cruelty to.invite Masha'.

However, this constraint is not purely semantic: thus, such human quality noun as SKLONNOST' 'propensity' and illness nouns (which designate physiological states) cooccur with BYT'II.3 :

- (20) a. *U Ivana_Y est^{BYT'II.3}/Ø^{BYT'II.3} sklonnost'_X k trjukam* 'At Ivan is/Ø propensity to tricks'.
b. *U Ivana_Y *est^{BYT'II.3}/Ø^{BYT'II.3} kor'_X* 'At Ivan *is/Ø measles'.

There are as well pairs of semantically close nouns such that one accepts BYT'II.3 as an element of the value of Func_i and the other does not:

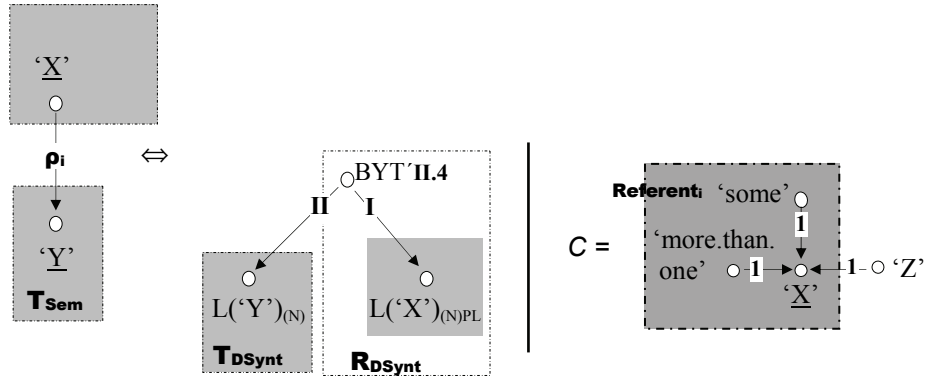
- (21) a. *U Ivana Ø^{BYT'II.3} prekrasnaja reputacija* 'At Ivan excellent reputation'.
vs.
**U Ivana Ø^{BYT'II.3} vseobščaja izvestnost'* 'At Ivan universal renown'.
b. *U Ivana Ø^{BYT'II.3} neprerekaemyj avtoritet sredi studentov*
'At Ivan undisputed authority among students'.
vs.
**U Ivana Ø^{BYT'II.3} rešajuščee vlijanie na studentov*
'At Ivan decisive influence on students'.

The corresponding constraints seem to be lexical; therefore, Sem-rule 1 is necessary. The recourse to Func_1 and, consequently, to the lexical entries for $L('X')$ s effectively solves the problem of choosing the appropriate verb — in particular, $\text{BYT}^{\text{II.3}}$ in the *U Y-a est' /- X* constructions — to express the semantic relation ρ_i for all cases of 'Y' being an actant of 'X'.

NB: Sem-rule 1 ensures only the choice of the verbal **lexeme**, in the case that is of interest to us — of $\text{BYT}^{\text{II.3}}$. The choice of the appropriate **lex** — that is, $\emptyset^{\text{BYT}^{\text{II.3}}}$ vs. $\text{est}^{\text{BYT}^{\text{II.3}}}$ — is done according to the morphological information in the lexical entry for $\text{BYT}^{\text{II.3}}$, see Subsection 3.2.2, pp. 23–25.

Sem-Rule 2: The particular case ('some of Xs [are Z-y]')

Sem-rule 2 expresses the semantic relation ρ_i between 'X' and 'Y' (as in the previous rule, both are communicatively dominant nodes in their respective Sem-Comm-areas) plus the semanteme of "partiality" — 'some of Xs [are Z-y]' — by the verb $\text{BYT}^{\text{II.4}}$.

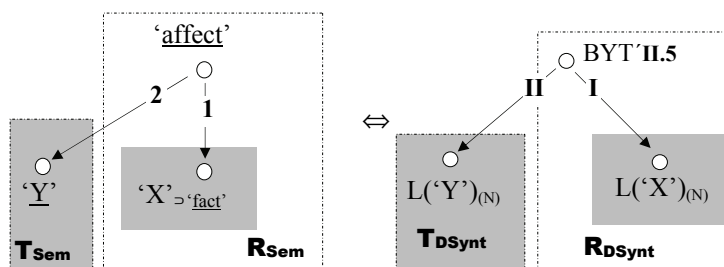
- 1) a. *U Ivana_Y est^{BYT^{II.4}} sedye_Z volosy_X* 'At Ivan is some white hairs'. ≠
 b. *U Ivana_Y ∅^{BYT^{II.3}} sedye volosy_X* 'At Ivan white hair'.
- 2) *U Ivana_Y est^{BYT^{II.4}} nepravil'nye_Z vzgljady_X* 'At Ivan is wrong opinions' [but Ivan also has right opinions].
- 3) *U ètogo xrama_Y est^{BYT^{II.4}} bronzovye_Z dveri_X* 'At this temple is bronze doors' [but there also are some other, non-bronze doors].

II. 'X' and 'Y' are linked by a semanteme ('X affects Y' or 'X is.had by Y')

For the Sem-rules 3 and 4 it is irrelevant whether 'Y' is or is not a semantic actant of 'X'; they express the semantemes linking 'X' and 'Y': Sem-rule 3 expresses the semanteme 'X affects Y', Sem-rules 4.1-4.2, the semanteme 'X is.had by Y', and Sem-rule 4.3, the semanteme configurations 'X is.had by Y, Y handling Y at moment t_0 '.

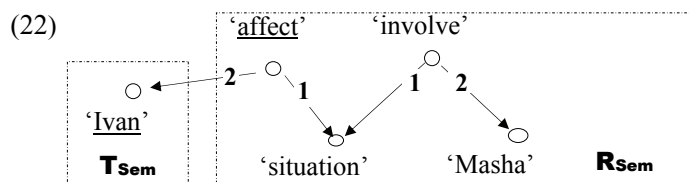
Sem-Rule 3

Sem-rule 3 expresses the meaning ‘situation (involving) X affects Y’ by the verb BYT'II.5. Note that ‘X’ is not the dominant node in the Sem-Rheme.

- 1) *U Ivana_Y Ø^{BYT'II.5} razvod_X Maši* ‘At Ivan Masha’s divorce’.
- 2) *U Ivana_Y Ø^{BYT'II.5} Mašino postuplenie_X v universitet* ‘At Ivan Masha’s entering university’.
- 3) *U nas_Y Ø^{BYT'II.5} odni doždi_X* ‘At us only rains’.
- 4) *U Ivana_Y Ø^{BYT'II.5} Maša_X* ‘At Ivan Masha’ [Ivan is affected by a situation that involves Masha].

The sentence *U Ivana_Y Maša_X* has the semantic representation in (22):

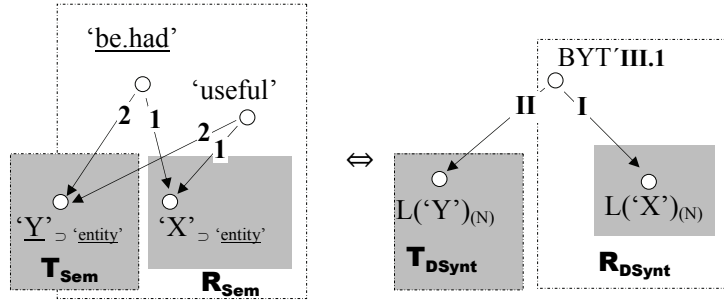
To correctly implement the SemR (22) the following semantic rule of regular metonymy is needed: ‘situation←1-involve-2→Y’ ⇔ L(‘Y’).

Sem-Rules 4.1–4.2

Sem-rules 4.1–4.2 deal with the semanteme Rus. ‘X imeetsja u Y-a’ ≈ ‘X is.had.by Y’. If ‘X’ is or can be characterized as useful for ‘Y’, then Sem-rule 4.1 is applied; otherwise, Sem-rule 4.2. As in Sem-rule 3, the meaning ‘X’ is not the dominant node in the Sem-Rheme.

Sem-Rule 4.1

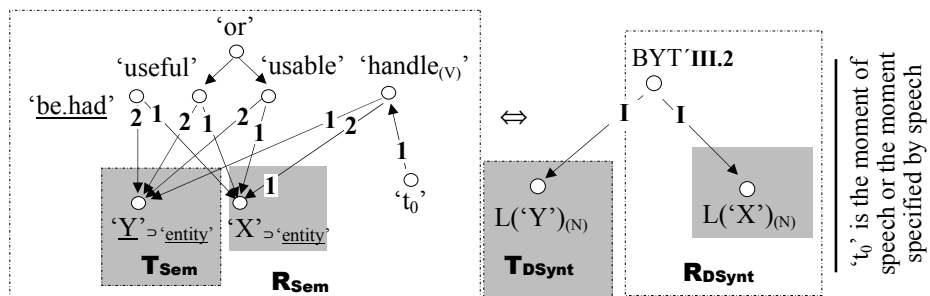
The semanteme configuration ‘entity X useful.to Y is.had.by entity Y_{SemT}’ is expressed by the verb BYT'III.1.

- 1) *Est^{BYT^{III.1}} u nas_Y madam Kaplun_X* [I. Babel] 'Is at us Madam Kaplun'.
- 2) *U Ivana_Y est^{BYT^{III.1}} plastikovye lyži_X* 'At Ivan is plastic skis'.
- 3) *U Ivana_Y est^{BYT^{III.1}} celaja komanda_X programmistov* 'At Ivan is whole team of programmers'.
- 4) *U Ivana_Y est^{BYT^{III.1}} styd_X* 'At Ivan is shame'.
- 5) a. *U Ivana_Y eščë est^{BYT^{III.1}}/*Ø^{BYT^{III.3}} benzín_X* 'At Ivan still is gas'.
- b. *U Ivana_Y eščë est^{BYT^{III.1}}/Ø^{BYT^{III.3}} mnogo benzina_X* 'At Ivan still is/Ø much gas' (cf. (30), p. 38).
- 6) *U Ivana_Y est^{BYT^{III.1}} vyvit_X* 'At Ivan is to.drink' = 'Ivan has some booze'.
- 7) [— *U vas_Y est^{BYT^{III.1}} oružie_X?* 'At you is weapon?'] — *Da, u menja_X est^{BYT^{III.1}} pistol_X* 'Yes, at me is pistol' [not necessarily with me at this moment].
Cf. [— *U vas_Y est^{BYT^{III.1}} oružie_X?* 'At you is weapon?'⁹] — *Da, u menja_Y Ø^{BYT^{III.2}} pistol_X* 'Yes, at me pistol' [it is with me at this moment].

Sem-Rule 4.2

The semanteme configuration 'entity X useful.to or usable.by Y is.had.by entity Y, Y handling X at moment t_0 ' is expressed by the verb **BYT^{III.2}**.

U Ivana_Y Ø^{BYT^{III.2}} nož_X 'At Ivan knife'.

⁹ A question with **BYT^{III.2}** in the given situation is inappropriate: **BYT^{III.2}** implies that the Speaker sees the Addressee handling a weapon, so that the question becomes rhetorical and expresses the Speaker's amazement.

Now I am in a position to formulate the solution to the problem stated at the end of Section 1:

The semantic rules necessary and sufficient to produce all and only correct occurrences of both *U Y-a est'/- X* constructions are in fact lexicographic descriptions of the five lexemes of the verb BYT' — BYT'II.3-5 and BYT'III.1-2.

Note, however, that 100 % accuracy cannot be attained, mainly because of the approximate character of our semantic and pragmatic conditions in the morphological zone of the lexicographic entry for the verb BYT'II.3.

4. Several case studies of the *U Y-a est'/- X* constructions

Let me consider several difficult cases involving the two constructions under consideration, where various factors intervene and blur the picture.

• Polysemy in Action

Polysemy of L('X')

- (23) a. *U Ivana_y Ø^{BYT'II.3}/*est^{BYT'III.1} styd_xpered Mašej*
 'At Ivan shame before Masha' = 'Ivan is ashamed of Masha'.
 b. *U Ivana_y *Ø^{BYT'II.3}/est^{BYT'III.1} styd_xpered Bogom* 'At Ivan is shame before God' = 'Ivan has the ability to be ashamed of God'.

This contrast is explained by the polysemy of the noun STYD 'shame'. Sentence (23a) features STYD1 'feeling of embarrassment...' — that is, it speaks of an actual psychological state of the person; (23b) contains STYD2 'ability to feel shame1'. In (23a) the Speaker communicates about Ivan that he is, at this particular moment, a participant of the concrete situation 'being.ashamed of Masha', which requires BYT'II.3 (by Sem-rule 1). (23b) tells us about Ivan that he has "at his disposal" this particular ability (to be ashamed of God) — that is, BYT'III.1 has to be used (Sem-rule 4.2).

Polysemy of the phrase "U + N_{GEN}"

- (24) a. *U Ivana sejčas Ø^{BYT'IV} Maša* 'At Ivan's now Masha': Masha is now at Ivan's place.
 b. (i) *U Ivana sejčas est^{BYT'III.1} Maša* 'At Ivan now is Masha':
 Ivan now has Masha "at his disposal" — she enables him to do something.
 (ii) *U Ivana sejčas Ø^{BYT'II.3} Maša* 'At Ivan now Masha':
 Ivan is now affected — positively or negatively — by a situation involving Masha.

(24a) contains the syntactic idiom 'U Ivana'¹⁰ 'at Ivan's place' and the verb BYT'IV; in the sentences in (24b) one sees the same constructions as in (24a) with BYT'III.1 and (10b) with BYT'II.5, respectively. (Sentences (24a) and (24b-ii) are homophonous and cannot be distinguished outside of context.)

• **Conversational Implicatures in Action** [Grice 1975]

- (25) a. *U Ivana est^{BYT'III.1} plastikovye lyži* (the example is from [Апресян 1995: 523])
 'Ivan has plastic skis — habitually, that is, not here and not now': this is so-called "virtual, or permanent, belonging".
 b. *U Ivana Ø^{BYT'III.2} plastikovye lyži*
 'Ivan has plastic skis — here and now': this is so-called "actual belonging"¹¹.

This well known contrast makes one think of the semantic component 'not here and not now' in the definition of BYT'III.1. This, however, would be a wrong decision. Sentence (25a) is understood in the sense of "virtual, or permanent, belonging" because of the Gricean Maxim of Quantity: the Speaker is supposed to be as informative as possible; therefore, if he says (25a), with BYT'III.1, this entails that he does not mean that Ivan is using his skis here and now — otherwise, he would have expressed the actantial link between 'Ivan' and 'skis' (Ivan is actually using the skis), as he does in (25b) by selecting BYT'III.2.

• **A Problematic Meaning in Action**

Silly Meaning

Is sentence (26a) grammatical?

- (26) a. *U ètogo doma est^{BYT'III.1} dver' x* 'At this house is door'.

Of course, it is, even if it seems funny, while both sentences in (26b) are absolutely normal:

- b. (i) *U ètogo doma est^{BYT'III.1} dve dveri* 'At this house is two doors'.
 (ii) *U ètogo doma est^{BYT'III.1} gigantskaja bronzovaja dver'*
 'At this house is giant bronze door'.

¹⁰ Interestingly, the locative idiom 'U IVANA' 'at Ivan's' has directional and ablative versions: 'K IVANU' 'to Ivan's' [_{LOCad}('U IVANA')] and 'OT IVANA' 'from Ivan's' [_{LOCab}('U IVANA')].

¹¹ Possible continuations for sentences (25a-b):

- (i) *U Ivana est' plastikovye lyži, tak čto on sumeet (*ne sumeet) katat'sja na ètix sklonax*
 'At Ivan is plastic skis, so that he will.be.able (*will.not be.able) ski on these slopes'.
 (ii) *U Ivana plastikovye lyži, tak čto on sumeet (ne sumeet) katat'sja na ètix sklonax*
 'At Ivan plastic skis, so that he will.be.able (will.not be.able) ski on these slopes'.

The catch in (26a) is its poor meaning, just like that of its English gloss: what indeed is the Speaker communicating when he utters *This house has a door*? Every house has a door, and everyone knows it. But put sentence (26a) in an appropriate context, and it becomes impeccable:

- c. *U ètogo doma est^{BYT'III.1} dver', kryša, četyre steny — dom kak dom*
 'This house has a door, a roof, four walls — quite an ordinary house'.

Inappropriate Meaning

1) Two friends A and B are together; they need to immediately go to a place far away, and A proposes to take B there. In this situation, B can utter any of the sentences in (27a). However, if A and B are planning to go somewhere in a week from the moment of speech, the first variant in (27b) is more natural:

- (27) a. *Ponimaju, u tebjā est^{BYT'III.1}/Ø^{BYT'III.2} mašina* 'I.see, at you_{SG} is/Ø car'.
 b. *Ponimaju, u tebjā est^{BYT'III.1}? Ø^{BYT'III.2} mašina* 'I.see, at you_{SG} is/?Ø car'.

The verb *BYT'III.2* should not be used in the second situation, since the semanteme 'byt'III.2' includes the component 'Y is.holding X at this moment', which makes this meaning inappropriate in the given circumstances.

2) [The example is from [Мелиг 2004: 438–439]; I adapted it for the purpose of this paper.] The Speaker, seeing a fruit in Ivan's hand (but not quite clearly), says (28a); however, if Ivan is not here, he must say (28b):

- (28) a. *U Ivana Ø^{BYT'III.2}/*est^{BYT'III.1} jabloko ili gruša* 'At Ivan apple or pear'.
 b. *U Ivana est^{BYT'III.1}/*Ø^{BYT'III.2} jabloko ili gruša* 'At Ivan is apple or pear'.

The explanation is straightforward: sentence (28a) expresses the meaning "At this moment, Ivan is handling an apple or a pear" and accordingly contains the verb *BYT'III.2*; sentence (28b) expresses the meaning "Ivan has at his disposal an apple or a pear" and contains the verb *BYT'III.1*.

Different Meanings of the Phrase *L('X')→ADJ/ADV*

(29) *BYT'II.3*

- a. *U Ivana_Y Ø^{BYT'II.3}/est^{BYT'II.3}_{Rhem-F} akcent_X* 'At Ivan Ø/is [foreign] accent'.
 b. *U Ivana_Y Ø^{BYT'II.3} lëgkij <sil'nyj> akcent_X* 'At Ivan slight (heavy) [foreign] accent'.
 c. *U Ivana_Y est^{BYT'II.3} lëgkij <*sil'nyj> akcent_X* 'At Ivan is slight (<heavy> [foreign] accent'.

Sentence (29a) tells us that Ivan is a non-native speaker, or, formally, that 'Ivan' is a Sem-actant of the situation 'having an accent'; this warrants the verb *BYT'II.3*, more precisely the form *Ø^{BYT'II.3}*. At the same time, the Speaker may insist on this fact — by means of *BYT'II.3*, which in this case expresses the Rhematic Focus; this gives us *est^{BYT'II.3}*. However, the equivalence *Ø^{BYT'II.3} ≡ est^{BYT'II.3}* does not work in (29b–c): **U Ivana_Y est^{BYT'II.3} sil'nyj akcent_X* 'At Ivan is

heavy [foreign] accent' is jarring. The reason is pragmatic: it is less natural to insist on the fact that somebody has a heavy accent — this is too audible! (Or you could say *Akcent u Ivana sil'nyj* 'At Ivan accent [is] heavy'.) Therefore, in this case using the verb **BYT'II.3** to express a Rhematic Focus is inappropriate. The same factors are at work in *U Ivana est' temperatura* 'At Ivan is fever'. ~ *U Ivana est' nebol'saja temperatura* 'At Ivan is slight fever'. ~ **U Ivana est' vysokaja temperatura* 'At Ivan is high fever'. (But again with the Rhematic Focus on *est'*^{BYT'II.3} the sentences *U Ivana_Y est'*^{BYT'II.3} *sil'nyj akcent_X/vysokaja temperatura_X* are fully grammatical.)

Another example:

- (30) a. *U Ivana_Y est'*^{BYT'III.1}/**Ø*^{BYT'II.2} *vremja_X* 'At Ivan is/**Ø* time' = 'Ivan has time'. ≡
 b. *U Ivana_Y est'*^{BYT'III.1}/*Ø*^{BYT'II.3} *dostatočno vremeni_X* 'At Ivan is/*Ø* enough time'.

Sentence (30a) communicates about Ivan that there is the resource 'time' available to him: the verb must be **BYT'III.1**. However, if the Speaker starts with 'enough ⟨much, little ...⟩ time', he can keep considering time as an available resource and still use **BYT'III.1**, but he also has the option to present 'Ivan' as a Sem-actant of the situation 'having enough ⟨much, little ...⟩ time' and use **BYT'II.3**: the added quantitative adverb/adjective "drags" Ivan into this situation ('enough ⟨much, little ...⟩ time **for Ivan**'). As a result, in (30b), both verbs **BYT'II.3** and **BYT'III.1** are licensed.

• Syntax in Action

- (31) a. *U ètoj židkosti Ø*^{BYT'II.3}/**est'*^{BYT'II.3} *rezkij zapax* 'At this liquid *Ø*/**is* strong smell'.
 b. *U ètoj židkosti *Ø*^{BYT'II.3}/*est'*^{BYT'II.3} *zapax* 'At this liquid **Ø*/*is* smell'.

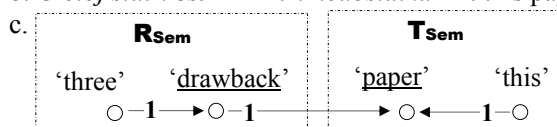
This contrast is taken care of by Sem-rule 1, using Special case 3.1) in **Morphology** for the verb **BYT'II.3**.

5. Equivalence of the *U Y-a est' X* and *U Y-a X* constructions

There is an additional hurdle in the study of the *U Y-a est' X* constructions: the equivalence of both constructions on many occasions. Two cases are to be distinguished: either the two constructions are semantically equivalent, or synonymous (have a common Sem-representation), or they are not synonymous, but pragmatically equivalent (have different Sem-representations, which correspond to the same reality).

• The two constructions **are synonymous**, that is, the corresponding sentences — for instance, (32a) and (32b) — have the same Sem-representation, shown in (32c):

- (32) a. *U ètoj stat'i Ø^{BYT'II.3} tri nedostatka* 'At this paper three drawbacks'. ≡
 b. *U ètoj stat'i est'^{BYT'II.3} tri nedostatka* 'At this paper is three drawbacks'.

One sees here the optional variants of the present tense form of *BYT'II.3*, foreseen by Special case 5.2) in the lexicographic entry for this verb (p. 25).

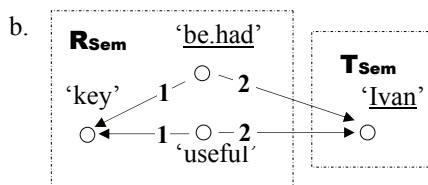
Another similar case:

- (33) a. *U Ivana Ø^{BYT'III.3} durnaja privyčka kovyrjat' v nosu*
 'At Ivan bad habit to.pick in nose'.
 b. *U Ivana est'^{BYT'III.3} durnaja privyčka kovyrjat' v nosu*
 'At Ivan is bad habit to.pick in nose'.

• The two constructions **are not synonymous**, that is, the corresponding sentences have different Sem-representations.

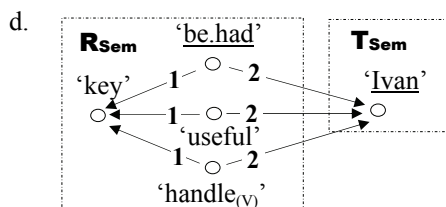
Thus, sentences (34a) and (34c) can both be felicitously used in the same situation, even if their SemRs, shown in (34b) and (34d), are different.

- (34) a. [— *Tut zaperto. — Ničego,*] *u Ivana est'^{BYT'III.1} ključ*
 '[— Here locked. — Never mind,] at Ivan is key':
 (34a) communicates that Ivan has a key at his disposal, no matter whether the Addressee sees or does not see it at the moment.

This SemR is implemented by the verb *BYT'III.1*.

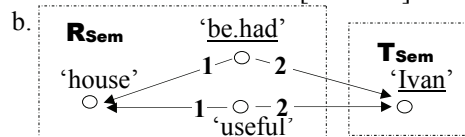
- c. [— *Tut zaperto. — Ničego,*] *u Ivana Ø^{BYT'III.2} ključ*.
 '[— Here locked. — Never mind,] at Ivan key':
 (34c) states that Ivan has a key in his hand (or at least has it immediately accessible — “here and now”), which he is handling at this moment.

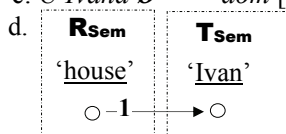
Here the verb *BYT'III.2* is used.

Sentences (35a) and (35c) behave in the same way; in (35c), the noun DOM ‘house’ is taken to be a quasi-predicate denoting Ivan’s property.

(35) a. *U Ivana est^{BYT’III.1} dom [na more]* ‘At Ivan is house [at sea]’.

c. *U Ivana Ø^{BYT’II.3} dom [na more]* ‘At Ivan house [at sea]’.

And now to round up my presentation:

(36) *U každoj strany_Y Ø^{BYT’II.3}/est^{BYT’III.1} svoja mafija_X, a u ètoj mafii_Y Ø^{BYT’III.2}/est^{BYT’III.1} svoja strana* ‘At each country Ø/is own mafia, but at this mafia Ø/is own country’.

6. Conclusions

6.1. A practical conclusion

Dear Alěša, for you the conclusion is fairly simple. Roughly speaking:

- Either you want to communicate that **Y is a participant of the situation X** (in technical terms, ‘Y’ is an actant of ‘X’); then you choose the verb **BYT’II.3**, with its regular zero form **Ø^{BYT’II.3}** in the present.
- Or you want to communicate that **Y has an X at his disposal**; then you choose the verb **BYT’III.1**, with its regular **est^{BYT’III.1}** form in the present.

Barring some less important details, this is an acceptable recipe for dealing with the *U Y-a est’/– X* constructions in Russian.

6.2. Theoretical conclusions

1. The choice between the *U Y-a est’/– X* constructions (i.e., with one of the **BYT’** verbs) is determined by the meaning to be expressed: roughly, “Y has X at Y’s disposal” vs. “Y is a Sem-actant of X”.

2. The *U Y-a est’/– X* constructions are described by means of five verbs **BYT’**:

— For general cases:

BYT’II.3, with the default (= unmarked) present tense form **Ø^{BYT’II.3}** and the marked present tense form **est^{BYT’II.3}**

BYT’II.5, with the present tense form **Ø^{BYT’II.5}**,

and

BYT’III.1, with the present tense form **est^{BYT’III.1}**.

— For particular cases:

BYT'II.4, with the present tense form **est'**^{BYT'II.4} ('some of Xs are Z-y')

and

BYT'III.2, with the present tense form **Ø**^{BYT'III.2} ('Y is handling X at moment t_0 ')³

3. Both constructions are sensitive to fine semantic distinctions between Xs.

Thus, we have:

U Ivana_Y est'^{BYT'II.3}/**Ø*^{BYT'II.3} *xarakter_X* 'At Ivan is/**Ø* character' = 'Ivan has a strong character'. ~

*U Ivana_Y *est'*^{BYT'II.3}/*Ø*^{BYT'II.3} *sil'nyj karakter_X* 'At Ivan **is/Ø* strong character' = 'Ivan has a strong character'.

but

U Ivana_Y est'^{BYT'II.3}/*Ø*^{BYT'II.3} (*novoe*) *vozraženie_X* 'At Ivan is/*Ø* new objection'.

This difference in behavior is due to the fact that 'character' is Y's permanent property, while 'objection' in this sentence denotes Y's desire to perform the action of objecting.

The semantic distinctions laid bare by the *U Y-a est'/- X* constructions force the semanticians to sharpen the whole families of lexicographic definitions; see Footnote 8.

4. The general picture of the *U Y-a est'/- X* constructions is complicated by many-to-many correspondences between the meanings to be expressed and the physical forms in the realm of the verbs BYT'. Thus, the same form appears as a lex of different BYT' lexemes:

Ø in BYT'II.3, BYT'II.5 and BYT'III.2;

est' in BYT'II.3, BYT'II.4, BYT'III.1 and BYT'III.2.

On the other hand, different BYT' forms can express the same meaning, as **Ø**^{BYT'II.3} and **est'**^{BYT'II.3}: *U Ivana (est') vopros* 'Ivan has a question'; or, at the least, they correspond to the same extralinguistic situation, as **est'**^{BYT'III.1} and **Ø**^{BYT'III.2}, cf. examples (34) and (35).

5. The choice of the verb BYT'II.3 in the *U Y-a est'/- X* constructions is lexically determined by L('X') and has to be described by the lexical function $\text{Func}_1(\text{L}('X'))$.

6. As the next step of this research, other constructions including one of the five verbs BYT' have to be considered — in particular, constructions with locative phrases, such as *V ètoj stat'e est'*^{BYT'II.3}/**Ø*^{BYT'II.3} *nedostatki* 'In this paper is/**Ø* drawbacks' vs. *V ètoj stat'e est'*^{BYT'II.3}/*Ø*^{BYT'II.3} *rjad nedostatkov* 'In this paper is/*Ø* number of drawbacks', where the use of BYT'II.3 is the same as in the *U Y-a est'/- X* constructions.

7. The distribution of the present tense forms of BYT'II.3 raises the following morphological problem:

The wordforms **est'**^{BYT'II.3} and **Ø**^{BYT'II.3} are suppletive lexes of the verbal lexeme BYT'II.3; however, the conditions for their use include semantic and syntactic characteristics of DSynt-actant I ($\approx$ the surface subject) of the verb. Is this a typologically normal situation?

It is not, even if similar cases — that is, the cases where the choice of an allolex of a given lexeme is determined by another lexeme — are known; for instance:

— In French, the verb *POUVOIR* ‘can, be able’: the choice of the allolex **puis** [IND.PRES.1.SG] instead of **peux** in an inversion (*Puis-je vous aider?* ‘Can I help you?’ vs. **Peux-je vous aider?*).

— In German, the singular genitive with some proper nouns: the allomorph **-s** is used if the noun has no determiner, and the allomorph **-Ø** if it has (*alle Mächte Europa+s* ‘all powers of Europe’ vs. *alle Mächte des alten Europa+Ø* ‘all powers of the old Europe’; see the discussion in [Meľčuk 2006: 402–403]).

The question remains open about theoretical implications of the existence of such allolexes as **est**^{BYT^{11.3}} and **Ø**^{BYT^{11.3}}.

Acknowledgments

Thanks a zillion to Lidija Iordanskaja, who worked through several previous versions of the paper and contributed many essential improvements; her perspicacious insistence saved me from several blunders. The subsequent versions underwent the scrutiny of V. Apresjan, G. Krejdlin, J. Milićević, E. Savvina, T. Yanko and an anonymous reviewer, whose remarks, objections and proposals helped me avoid many an obscure, inaccurate and clumsy formulation.

Л и т е р а т у р а

Апресян 1995 — Ю. Д. Апресян. Лексикографические портреты (на примере глагола БЫТЬ) // Ю. Д. Апресян. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. С. 503–537.

Апресян 2009 — Ю. Д. Апресян. Исследования по семантике и лексикографии. Т. I. Парадигматика. М., 2009.

Апресян 2014 — Ю. Д. Апресян. БЫТЬ // Активный словарь русского языка / Под ред. Ю. Д. Апресяна. Т. I. М., 2014. С. 394–401.

Апресян В. 2017 — В. Ю. Апресян. Русские посессивные конструкции с нулевым и выраженным глаголом: правила и ошибки // Русский язык в научном освещении. 2017. № 1 (33). С. 86–115.

Арутюнова 1976 — Н. Д. Арутюнова. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М., 1976.

Крейдлин 1979 — Г. Е. Крейдлин. Служебные слова в русском языке (семантические и синтаксические аспекты их изучения: Дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1979.

Летучий 2013 — А. Б. Летучий. Свойства нулевой связки в русском языке в сопоставлении со свойствами выраженного глагола // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2013. № 12 (19). С. 420–434.

Мелиг 2004 — Х. Р. Мелиг. Оппозиция «есть» vs. нулевая форма в русских бытийных предложениях при отнесенности к конкретно-предметным референтам:

сопоставление с соответствующей конструкцией с глаголом *haben* в немецком языке // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура. Сборник статей в честь Н. Д. Арутюновой / Под ред. Ю. Д. Апресяна. М., 2004. С. 437–450.

Селивёрстова 1973 — О. Н. Селивёрстова. Семантический анализ предикативных притяжательных конструкций с глаголом *быть* // Вопросы языкознания. 1973. № 5. С. 95–105.

Селивёрстова 1990 — О. Н. Селивёрстова. Контрастивная синтаксическая семантика: Опыт описания. М., 1990.

Янко 2001 — Т. Е. Янко. Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001.

Goddard, Wierzbicka 2014 — C. Goddard, A. Wierzbicka. Words and Meanings. Oxford, 2014.

Grice 1975 — H. P. Grice. Logic and Conversation // Syntax and Semantics. Vol. 3. Speech Acts / P. Cole, J. Morgan (eds.). New York, 1975. P. 41–58.

Iordanskaja, Mel'čuk 1995 — L. Iordanskaja, I. Mel'čuk. *Glaza Maši golubye* vs. *Glaza u Maši golubye*: Choosing between Two Russian Constructions in the Domain of Body Parts // The Language and Verse of Russia: In Honor of Dean S. Worth on his Sixty-Fifth Birthday [= UCLA Slavic Studies, New Series, vol. 2] / H. Birnbaum, M. S. Flier (eds.). Moscow, 1995. P. 147–171. See also: I. Mel'čuk. The Russian Language in the Meaning-Text Perspective // Wiener Slawistischer Almanach. Wien; Moscow, 1995. P. 135–166.

Mel'čuk 2001 — I. Mel'čuk. Communicative Organization in Natural language. The Semantic Communicative Structure of Sentences. Amsterdam; Philadelphia, 2001.

Mel'čuk 2006 — I. Mel'čuk. Aspects of the Theory of Morphology. Berlin; New York: 2006.

Mel'čuk 2012 — I. Mel'čuk. Bi-nominative Sentences in Russian // Russian Language Studies in North America. New Perspectives from Theoretical and Applied Linguistics / V. Makarova (ed.). London, 2012. P. 85–105.

Mel'čuk 2012–2015 — I. Mel'čuk. Semantics: From Meaning to Text. Vols. 1–3. Amsterdam; Philadelphia, 2012–2015.

Mel'čuk 2015 — I. Mel'čuk. A General Inventory of Surface-Syntactic Relations in World Languages. Part One // Moscow Linguistic Journal. 2015. 17 (2). P. 75–103.

Статья получена 10.11.2018

IGOR MEL'ČUK

RUSSIAN *U Y-A EST' / - X* CONSTRUCTIONS

В статье рассматривается проблема выбора между конструкцией *U Y-a est' X* (с формой *est'* глагола БЫТЬ) и конструкцией *U Y-a — X* (с нулевой формой глагола БЫТЬ). Этот выбор обуславливается исходным выражаемым смыслом, т. е. практически выбором соответствующего глагола из нескольких глаголов БЫТЬ. В первом приближении, смысл 'Y является семантическим актантом X-а' (*У Ивана_Y температура_X / экзамен_X / двое детей_X*) выражается глаголом БЫТЬ_{II.3} и конструкцией *U Y-a — X*; смысл 'у Y-a имеется X' (*У Ивана_Y есть дача_X / специальный помощник_X / время_X*) выражается глаголом БЫТЬ_{III.2} и конструкцией *U Y-a est' X*. Предлагается вокабула глагола БЫТЬ, с 13-ю лексемами; для пяти из них, участвующих в рассматриваемых

конструкциях, даются полные лексикографические описания. Анализируется ряд специальных случаев, когда выбор нужной конструкции осложнен дополнительными условиями; приводятся формальные семантические правила построения обеих конструкций.

Ключевые слова: русский язык, семантика, синтаксис, интерфейс «семантика-синтаксис», глагол БЫТЬ, нулевая форма глагола, конструкции *У У-а есть/– X*.

References

- Apresyan, V. (2017). Russkie posessivnye konstruksii s nulevym i vyrazhennym glagolom: pravila i oshibki. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 1, 86–115.
- Apresyan, Yu. (2014). *Aktivnyj slovar' russkogo yazyka* (Vol. 1). Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury.
- Apresyan, Yu. (1995 [1992]). *Izbrannye Trudy* (Vol. 2). Moscow: Yazyki russkoi kul'tury.
- Apresyan, Yu. (2009). *Issledovaniya po semantike i leksikografii* (Vol. 1). Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
- Arutyunova, N. (1976). *Predlozhenie i ego smysl. Logiko-semanticheskie problemy*. Moscow: Nauka.
- Goddard, C., & Wierzbicka, A. (2014). *Words and Meanings*. Oxford: Oxford University Press.
- Grice, H. P. (1975). Logic and Conversation. In P. Cole, & J. Morgan (Eds.), *Syntax and Semantics* (Vol. 3, pp. 41–58). New York: Academic Press.
- Iordanskaja, L., & Mel'čuk, I. (1995). *Glaza Maši golubye vs. Glaza u Maši golubye: Choosing between Two Russian Constructions in the Domain of Body Parts*. In H. Birnbaum, & M. S. Flier (Eds.), *The Language and Verse of Russia: In Honor of Dean S. Worth on his Sixty-Fifth Birthday* (pp. 147–171). Moscow: Vostočnaja Literatura.
- Kreidlin, G. (1979). *Sluzhebnye slova v russkom yazyke (semanticheskie i sintaksičeskie aspekty ikh izučeniya)* (unpublished doctoral dissertation). Moscow State University, Moscow, Russia.
- Letuchii, A. (2013). Svoistva nulevoi svyazki v russkom yazyke v sopostavlenii so svoistvami vyrazhennogo glagola. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii*, 12, 420–434.
- Mel'čuk, I. (1995). *The Russian Language in the Meaning-Text Perspective*. Vienna; Moscow: Wiener Slawistischer Almanach; Škola "Jazyki russkoj kul'tury".
- Mel'čuk, I. (2001). *Communicative Organization in Natural language. The Semantic Communicative Structure of Sentences*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins.
- Mel'čuk, I. (2006). *Aspects of the Theory of Morphology*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter.
- Mel'čuk, I. (2012). Bi-nominative Sentences in Russian. In V. Makarova (Ed.), *Russian Language Studies in North America. New Perspectives from Theoretical and Applied Linguistics* (pp. 85–105). London: Anthem.
- Mel'čuk, I. (2012–2015). *Semantics: From Meaning to Text* (Vols. 1–3). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins.
- Mel'čuk, I. (2015). A General Inventory of Surface-Syntactic Relations in World Languages. Part One. *Moscow Linguistic Journal*, 17(2), 75–103.

Melig, H. R. (2004). Oppozitsiya “*est'* vs. *nulevaya forma*” v russkikh bytijnykh predlozheniyakh pri otnesenosti k konkretno-predmetnym referentam: sopostavlenie s sootvetstvuyushchei konstruktsiei s glagolom *haben* v nemetskom yazyke. In Yu. Apre-syan (Ed.), *Sokrovennye smysly. Slovo. Tekst. Kul'tura. Sbornik statei v chest' N. D. Aru-tyunovoi* (pp. 437–450). Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury.

Seliverstova, O. (1973). Semanticheskii analiz predikativnykh prityazhatel'nykh kon-struktsii s glagolom BYT'. *Voprosy jazykoznanija*, 5, 95—105.

Seliverstova, O. (1990). *Kontrastivnaya sintaksicheskaya semantika: Opyt opisaniya*. Moscow: Nauka.

Yanko, T. (2001). *Kommunikativnye strategii russkoi rechi*. Moscow: Yazyki sla-vyanskoi kul'tury.

Received on 10. 11. 2018

Е. В. УРЫСОН

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
uryson@gmail.com

ИЕРАРХИЯ ЗНАЧЕНИЙ МНОГОЗНАЧНОГО СЛОВА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ*

В работе на примере некоторых сложных случаев (*сразу*, *поле*, *кругозор*) рассматриваются принципы, по которым можно упорядочивать значения многозначного слова. Первый принцип — иерархизация значений в соответствии с направлением семантической деривации. Второй принцип — упорядочение значений по частоте употребительности и другим параметрам, обычно связанным с этой характеристикой (полнота грамматической парадигмы, ширина сочетаемости, стилистическая нейтральность и т. п.). Продemonстрировано, что при описании конкретных слов эти принципы могут вступать в противоречие друг с другом. Показано, что системное представление объекта может быть получено только при первом подходе. Для решения прикладных задач может оказаться удобным второй подход.

Ключевые слова: полисемия, иерархия значений, семантическая деривация, направление деривации, частотность употреблений.

1. Объект и цель исследования

Объект предлагаемой заметки — структура полисемии многозначного слова. Лексической полисемии посвящено большое количество работ; выявлены существенные закономерности ее организации (см. основные работы в этой области [Покровский 1895; Апресян 1974; Зализняк Анна 2002; Падучева 2004; Кустова 2004]). В фокусе нашего внимания — лишь один из аспектов этой проблемы: порядок подачи значений полисемичного слова.

Значения полисемичного слова подаются в словарях в виде упорядоченной последовательности. Иногда некоторые значения объединяются в блоки, содержащие не менее двух значений. Тогда упорядочиваются и значения внутри блоков, и сами блоки. Лексикограф упорядочивает значения полисемичного слова по интуиции. Цель настоящей работы — эксплицировать критерии выбора первого значения полисемичного слова. Естественно предположить, что на основании тех же критериев упорядочиваются

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-012-00291А.

и остальные значения слова, в том числе и внутри блоков, а также и сами блоки (если таковые выделяются).

На первый взгляд, поставленная задача кажется тривиальной: очевидно, что переносные, т. е. метонимические и метафорические, значения подаются после прямых. Однако у слова может быть более одного непереносного значения, ср. два значения слова *сразу*, представленные в контекстах *Все сразу замолчали* [‘через кратчайший промежуток времени’] и *Все говорили сразу, и ничего нельзя было разобрать* [‘одновременно’]. Для таких случаев требуется эксплицировать критерии выбора первого значения. Кроме того, оказалось, что порой не всегда очевидно даже, в каком порядке подавать прямое и переносное значения слова. Подобные случаи тоже требуют обсуждения.

Для дальнейшего нам понадобится следующее терминологическое уточнение: в соответствии со словоупотреблением, принятым в московской семантической школе, будем называть лексемой слово, взятое в одном из своих значений¹. Многозначное слово представляется тогда как набор лексем.

2. Постановка задачи

С теоретической точки зрения проблема иерархии значений слова сближается с проблемой выбора доминанты синонимического ряда. Критерии выбора доминанты синонимического ряда рассматриваются в работе [Апресян 2004]. Некоторые из них кажутся вполне подходящими для определения первой лексемы многозначного слова. Действительно, кажется очевидным, что первая лексема должна быть наиболее употребительной (по сравнению с другими лексемами того же слова), должна обладать наиболее полной грамматической парадигмой, наиболее широким набором синтаксических конструкций, наиболее широкой сочетаемостью, а кроме того, должна быть наиболее нейтральна стилистически и т. п. Набор этих свойств делает данную лексему в каком-то смысле привилегированной: при восприятии многозначного слова вне контекста она приходит в голову первой.

Правда, основной критерий выбора доминанты синонимического ряда, при прочих равных условиях, — все-таки семантический: доминанта ряда — это «лексема, которая имеет наиболее широкое в данном ряду синонимов значение» [Там же: XXVII]. Ясно, что к первой лексеме многозначного слова подобное семантическое требование в общем случае неприменимо. Например, многозначные глаголы *идти* и *течь*, помимо значения, представленного в контекстах типа *Школьник идет в школу*, *В реке течет вода*, имеют еще и весьма абстрактное значение, указывающее на то, что действие, деятельность или процесс имеет место; ср.: *Тихо! Идет операция*, *Фильм уже идет*; *Жизнь шла (текла)*, *Болезнь течет вяло* и т. п. Ни один

¹ В целом лексема соответствует лексико-семантическому варианту А. И. Смирницкого.

словарь не помещает это абстрактное значение на первое место в структуре полисемии глаголов *идти* и *течь* — наоборот, это абстрактное значение всегда оказывается одним из последних. На роль первого значения слов *идти* и *течь* все словари выбирают самое конкретное значение, ср.: *Школьник идет в школу, Мы идем домой; Вода течет на пол*. К вопросу о возможных семантических требованиях, предъявляемых к первой лексеме многозначного слова, мы вернемся ниже.

Сейчас отметим, что самая высокая употребительность и самая широкая или богатая сочетаемость лексемы как будто могут служить основанием для признания ее первой (главной, центральной, основной) в иерархии лексем многозначного слова. Действительно, она не только приходит в голову первой при восприятии многозначного слова вне контекста, но, по-видимому, раньше других лексем того же слова усваивается детьми, а также иностранцами.

Однако при теоретическом подходе к описанию многозначности употребительность, сочетаемость и подобные признаки лексем во внимание не принимаются. Общепринятое положение описания полисемии — наличие направления семантической деривации: одна лексема слова считается исходной, или корневой (по Е. В. Падучевой), а другая лексема — производной от нее. При этом можно выявить семантические трансформации, которые превращают исходную лексему в производную. Исходные лексемы, принадлежащие к одному и тому же семантическому классу, по-видимому, допускают одни и те же наборы трансформаций, благодаря чему можно говорить о «парадигме многозначности» слов с такой-то исходной лексемой (концепция Е. В. Падучевой [2004]). Тогда первая лексема многозначного слова — это та его лексема, от которой существуют системные семантические переходы к другим лексемам.

Казалось бы, первая по употребительности и сочетаемости лексема многозначного слова является и его исходной, корневой лексемой. И наоборот, корневая лексема многозначного слова будет и самой употребительной. Выяснилось, однако, что так бывает далеко не всегда. В подобных случаях встает вопрос: какой критерий иерархизации лексем нужно положить в основу лексикографического описания слова?

Ответ на этот вопрос во многом зависит от задачи, на решение которой ориентировано лексикографическое описание. Цель предлагаемой заметки — продемонстрировать отдельные примеры и наметить возможный способ описания полисемии в случаях, когда критерий направления производности вступает в противоречие с критерием употребительности.

3. Структура полисемии многозначных слов

Случаи неочевидной структуры полисемии встречаются среди стилистически нейтральных и частотных слов. Рассмотрим некоторые примеры.

3.1. Наречие сразу

Естественно считать, что наречие *сразу* словообразовательно связано с существительным *раз*, представленным в контекстах типа *просить несколько раз, попасть с первого раза, Ни разу не ответил правильно, На третий раз застал их дома, раз за разом продвигаться всё дальше*. Остановимся на этом слове.

Существительное *раз* в приведенных контекстах служит для характеристики действия: оно производится (или могло бы производиться) неоднократно, а слово *раз* указывает на акт данного действия в цепочке его реальных или возможных повторений; числительное, обычное в таких контекстах, указывает на количество актов.

Некоторые контексты со словом *раз* содержат указание на отсутствие возможных (ожидавшихся) повторений действия, ср.: *Угадал с одного <с первого> раза*. Подобные контексты являются центральными для объяснения разных значений слова *сразу*, а кроме того, наречия *разом*.

Если ожидаемых повторений, т. е. последовательных актов действия, нет, то, значит, результат действия достигнут всего за один акт, «за один прием». Именно на это указывает наречие *разом* в одном из своих значений, ср.: *выпить стакан разом, Выпала ему всё разом*. Аналогичное значение есть и у наречия *сразу*. Ср.: *Съел сразу обед и ужин, Выпала ему всё сразу*.

Особый случай представляют собой речевые действия — акты общения. Одним речевым актом общения естественно считать законченное речевое действие, произведенное субъектом в определенный отрезок времени. В норме при общении один субъект в данный момент времени производит одно речевое действие. Указание на один акт общения информативно, если эта норма нарушается: например, в данный отрезок времени одновременно производятся (разными субъектами) несколько речевых действий, т. е. акт общения включает в себя несколько одновременных речевых действий. Это указание выражают наречия *разом* и *сразу* в контекстах типа

- (1) *Все говорили разом.*
- (2) *Все говорили уже сразу, и отдельных голосов нельзя было разобрать* (Куприн, МАС).

Слова *сразу* и *разом* выражают здесь значение ‘одновременно’. Близость данного значения к значению ‘в один прием, за один акт’ очевидна: если несколько действий производятся за один акт, то они могут быть только одновременными. Значение одновременности выражается наречиями *сразу* и *разом* и в некоторых других контекстах, ср.:

- (3) *У нас сразу два праздника — Новый год и день рождения тети.*
- (4) *Он учит сразу три языка.*

- (5) *Было сразу две именинницы: хозяйка [дачи] Ольга Сергеевна и старшая из сестер Муромцевых — Оля* (Нагибин, МАС)².

Отсутствие ожидаемых повторений естественно предполагает еще одно следствие: результат данного действия достигнут быстро, даже мгновенно, и поэтому от начала другого действия или от другого события его отделяет очень небольшой промежуток времени. Ср. *уйти сразу, сразу извиниться*. Заметим, что такое значение есть у наречия *сразу*, но не у наречия *разом*.

Слова со значением времени, как правило, имеют и пространственное значение. Наречие *сразу* не является исключением: в ряде контекстов оно выражает пространственное значение. Ср.:

- (6) *Чемодан стоит сразу у двери.*
 (7) *Катя сидит сразу за первым столом.*
 (8) *До хутора отсюда было рукой подать, лежал он сразу за лесной опушкой* (Авдеев, МАС).
 (9) *Вы знаете, наш лагерь тут недалеко, сразу за речкой* (Михалков, МАС)³.

Таково краткое описание четырех значений наречия *сразу*. В других значениях слово *сразу* в текстах не встречается, и словари их не фиксируют.

Мы выяснили, как слово *раз* семантически мотивирует значения наречия *сразу* и как разные значения *сразу* мотивируют друг друга. Требуется понять, как ранжируются значения слова *сразу* в структуре полисемии.

С точки зрения логики связей между мотивирующим и мотивированным словами естественно считать первой (корневой, по Е. В. Падучевой) ту лексему слова *сразу*, которая ближе всего к значению существительного *раз*, т. е. значение 'всего за один прием'. Ср. *сразу съесть обед и ужин*. Лексема 'одновременно' (ср. *Все говорили разом, У нас сразу два праздника*) логически вытекает из первого значения и тесно с ним связана. Данную лексему естественно объединить в один блок с первой.

Временное значение наречия (ср. *сразу извиниться, сразу уйти*) семантически и логически отстоит на шаг дальше от существительного *раз*, поэтому в иерархии значений оно располагается после двух описанных. Что касается пространственного значения, то оно возводится уже не к самому слову *раз*, а к временному значению наречия *сразу* и, следовательно, является последним в структуре полисемии наречия. Пространственное и временное значения естественно объединить в один блок.

Исходя из этой логики описания, структура полисемии наречия *сразу* представляется так (толкования даются в огрубленном виде):

² Данная лексема отличается от других лексем слова *сразу* синтаксическими свойствами: она безударна и просодически, видимо, входит не в глагольную группу (как в случае *сразу извиниться*), а в именную (ср. *сразу две именинницы*).

³ Пространственная лексема наречия *сразу* описана в работе [Урысон 2017].

Сразу 1.1 'в один прием': Съел сразу обед и ужин.

Сразу 1.2 'одновременно': Говорили все сразу; У нас сразу два именинника.

Сразу 2.1 'через кратчайший промежуток времени': сразу расплакаться.

Сразу 2.2 'на ближайшем расстоянии': Веник сразу за дверью.

Именно так представляется структура полисемии слова *сразу* в существующих толковых словарях.

Однако лексема *сразу 1.1* 'в один прием' ощущается скорее как периферийная; она обслуживает достаточно узкий круг контекстов и к тому же стилистически отмечена как разговорная. Центральной лексемой этого слова мы ощущаем лексему *сразу 2.1* 'через кратчайший промежуток времени' — словосочетания и высказывания именно с этой лексемой приходят в голову первыми при восприятии слова *сразу* вне контекста. По этой же интуиции, лексема *сразу 1.2* 'одновременно' следует за *сразу 2.1* — она стилистически нейтральна и кажется вполне «привычной». Что касается лексемы *сразу 1.1* 'в один прием', то она, согласно этой логике, должна подаваться после *сразу 1.2* 'одновременно'. Наконец, лексема *сразу 2.2*, безусловно, является последней в иерархии: она стилистически отмечена как разговорная и контексты с ней не возникают в сознании с такой же легкостью, как контексты с другими лексемами этого слова.

Ясно, что интуиция, благодаря которой мы воспринимаем *сразу 2.1* как центральную лексему, а скажем, лексему *сразу 2.2* как периферийную, базируется прежде всего на их употребительности. Действительно, в случайной выборке из НКРЯ (художественные тексты 1950—1985 гг.) в 100 примерах со словом *сразу* лексема *сразу 2.2* не встретилась ни разу, *сразу 1.1* встретилась 5 раз, *сразу 1.2* — 11 раз, а *сразу 2.1* — 84 раза.

Исходя из употребительности лексем слова *сразу*, структуру его полисемии можно представить так:

Сразу 1 'через кратчайший промежуток времени': сразу расплакаться.

Сразу 2 'одновременно': Говорили все сразу; У нас сразу два именинника.

Сразу 3 'в один прием': Съел сразу обед и ужин.

Сразу 4 'на ближайшем расстоянии': Веник сразу за дверью.

Подчеркнем, что такое представление структуры полисемии слова *сразу* вполне соответствует определенной языковой и лингвистической интуиции.

Возникает вопрос: какое описание предпочтительнее?

Мы видим, что применение статистического критерия затушевывает даже очевидные логические связи между значениями слова. Так, пространственное значение слова *сразу* оказалось совершенно оторванным от временного — при том что сосуществование в рамках одного слова пространственного и временного значений является, видимо, универсалией. Остались совершенно скрытыми связи и между другими лексемами этого слова.

Подход, принятый в традиционной лексикографии и в теоретических описаниях полисемии, напротив, отображает логику семантической дери-

вации. Как было показано выше, при таком подходе отражаются и некоторые парадигматические (словообразовательные) связи данного слова в лексической системе языка, ср. соотношение наречия *сразу* с наречием *разом* и существительным *раз*. Преимущества «логического» подхода очевидны: он дает более системное описание объекта.

3.2. Существительное поле

Мы рассмотрим только некоторые лексемы слова *поле* — те, которые обозначают участок, пространство на земной поверхности, а также некоторые пространственные лексемы, напрямую связанные с данными. Примеры:

- (10) *Шли по полю, собирали васильки во ржи.*
- (11) *И вот нашли большое поле: / Есть разгуляться где на воле*
(М. Ю. Лермонтов).
- (12) *Владимир ехал полем, пересеченным глубоким оврагом* (Пушкин, СУш).
- (13) *[Шхуна] стоит спокойно среди ледяного поля* (Каверин, МАС).
- (14) *Перед ним расстилались бескрайние снежные поля.*

Словари [МАС; СУш] усматривают здесь разные значения (или подзначения) слова *поле*. В примере (10) — это ‘нива’, точнее ‘участок земли, используемый для посева злаков’. В (11)–(12) — это ‘безлесная равнина, ровное (в отличие от селения, леса) обширное пространство’ [СУш]; точнее ‘достаточно большое открытое ровное пространство, в противоположность лесу’. В (13)–(14) — ‘очень большое открытое ровное пространство’.

Эти три контекста кажутся очень близкими — слово *поле* в них обозначает открытое пространство. Основное различие между данными лексемами — в указании на использование данного пространства, на его освоенность. В случае (10) пространство освоено — оно используется для выращивания злаков (или овощей, ср. *картофельное поле*). В случае (11)–(12) это пространство может быть использовано. В случае (13)–(14) такой потенциальной возможности нет или она не подразумевается — пространство не освоено. Различие между двумя последними случаями кажется весьма тонким — оно как будто выражается не самим словом *поле*, а контекстом. Для дальнейшего рассуждения эти случаи можно объединить.

Вопрос состоит в том, какую лексему признать первой: ‘нива’ или ‘большое открытое ровное пространство’?

Центральной лексемой этого слова мы ощущаем лексему ‘нива’: слово *поле*, взятое вне контекста, скорее понимается именно так. Так же оно понимается и в минимальных контекстах типа *Они шли по полю*. Однако словари подают первой не эту лексему, а ту, которая представлена в контекстах типа (11)–(14). Почему?

Компонент ‘открытое пространство’ предполагает отсутствие на данном пространстве каких-либо объектов, по крайней мере достаточно боль-

ших или в достаточно большом количестве. Оказывается, что именно этот компонент обеспечивает связь между некоторыми пространственными лексемами слова *поле*.

Возьмем лексему *поле*, представленную в случаях *величина левого поля*, *писать без полей*, *делать заметки на полях книги*. Данная лексема в [СУш] толкуется так: 'узкая полоса вдоль края листа бумаги, оставляемая свободной от письма или печати'. Указание на отсутствие (возможных) объектов — мост между данной лексемой *поле* и той, что представлена в (11)–(14).

Аналогичным образом обстоит дело с лексемой *поле* 'фон'. Ср.: *олень на золотом поле*; *по желтому полю синие полосы* [Там же]. Данная лексема также указывает на отсутствие достаточно большого количества объектов, которые бы закрывали (полностью покрывали) данное пространство.

Заметим, что лексема *поле* 'нива' тоже предполагает открытое пространство — иначе его невозможно было бы возделывать. Поэтому корневой, исходной лексемой слова *поле* естественно признать лексему со значением 'достаточно большое открытое ровное пространство'.

Отметим, что [Фасмер] допускает возможность этимологической связи между словами *поле* и *полюй* 'пустой'. Семантическая общность этих единиц очевидна: слово *полюй* тоже указывает на отсутствие каких-либо возможных объектов или вещества внутри данного объекта. Как видим, представление структуры многозначности слова *поле*, даваемое в толковых словарях, улавливает и возможность такой этимологической связи.

Подход, учитывающий представления говорящего об употребительности лексемы, не дает такого системного описания объекта.

3.3. Существительное кругозор

[МАС] и [СУш] выделяют в этом слове две лексемы. Одна из них представлена в контекстах типа:

- (15) [Галя] *Говорила, что Мигулин — правдивый и честный человек, но с узким кругозором* (Ю. Трифонов).
- (16) *Чем беднее ум, жестче навыки, уже кругозор, тем легче человек поддается внушению* (Д. Биленкин).
- (17) *Лучше, говорит, расширь свой кругозор, книжку почитай* (К. Симонов).

Эта лексема слова *кругозор* в первом приближении толкуется так: 'знания субъекта, которыми он свободно пользуется, вырабатывая мнение о чем-либо'.

Другая лексема слова *кругозор* представлена в примерах:

- (18) *Кругозор по обеим сторонам дороги ширился* (Д. Мережковский).
- (19) *Весь его кругозор теперь ограничивался освещенною частью пола, тазом, свечкой и тараканами, дремавшими напротив* (В. Короленко).

Эту лексему в первом приближении можно толковать так: ‘пространство, доступное зрительному восприятию человека, или объекты, находящиеся в этом пространстве, которые видит субъект’⁴.

В (18) слово *кругозор* обозначает видимое пространство; в (19) — объекты, которые в этом пространстве находятся (и которые поэтому видит субъект).

В некоторых контекстах слово *кругозор* обозначает видимое пространство неба, ср.:

- (20) *Темная синева протянулась по кругозору и повисла над лесами и деревнями* (А. И. Эртель).
- (21) *Вся правая четверть кругозора, ярко освещённого солнцем, была охвачена боем: по небу, быстро распускаясь, неслись дымки разрывов* (А. Колмогоров).

По-видимому, в (20)–(21) представлен особый круг употреблений рассматриваемой лексемы. Для простоты мы сейчас от этого отвлекаемся.

Как бы то ни было, в случаях (18)–(21) лексема *кругозор* обозначает физическое пространство, физический (материальный) объект. В случаях (15)–(17) слово *кругозор* указывает на ментальную сферу человека. Очевидно, что в случаях (18)–(21) мы имеем дело с прямым значением слова *кругозор*, а в случаях типа (15)–(17) — с переносным. Это переносное значение, с учетом сказанного, естественно толковать так: ‘знания субъекта, которыми он свободно пользуется, — как бы то, что находится перед его мысленным взором, когда он вырабатывает мнение о чем-либо’.

Хорошо известно, что слова, указывающие на зрительное восприятие, как правило, имеют отдельную лексему, указывающую на понимание или мнение. Ср.: *Вижу поле и лес — Вижу, что вы плохо меня понимаете; Посмотрите, пожалуйста, налево — Как вы на это посмотрите?; Его взгляд выражал недоумение — На его взгляд, ничего страшного не произошло*. Таким образом, полисемия слова *кругозор* вполне системна.

По общеизвестным представлениям о направлении семантической дериивации исходной лексемой слова *кругозор* является та, которая имеет прямое значение, — она представлена в примерах (18)–(21). Лексема с переносным значением образована от исходной и, следовательно, должна подаваться как вторая. Именно так представляют слово *кругозор* [МАС] и [СУш]. Это представление полисемии слова *кругозор* полностью отвечает требованиям системного описания полисемии.

Проблема состоит в том, что оно не вполне удовлетворяет языковой интуиции. Причина в том, что слово *кругозор* в прямом значении устарело; уже [СУш] подавал ее с пометой «устар.». Правда, эту лексему, хотя и очень редко, но можно встретить у современных авторов; ср.:

⁴ [МАС] и [СУш] дают этой лексеме такое толкование: ‘пространство, которое можно окинуть взором’.

- (22) *Дядя Сандро не всегда опускал бинокль, когда в его кругозоре появлялась не его возлюбленная* (Ф. Искандер).
- (23) *Вдруг стало что-то позванивать, и Василий увидел, как из-за елок, заслонявших его кругозор, вышла рябая корова* (Ю. Петкевич).

Тем не менее большинство даже образованных носителей русского языка вряд ли владеют этой лексемой — вполне вероятно, что она им неизвестна. Обсудим возможное представление многозначного слова в таких случаях.

4. Два аспекта структуры полисемии

Во всех рассмотренных случаях исходная лексема многозначного слова не является самой употребительной или «яркой» по сравнению с другими лексемами того же слова — во всяком случае, она отнюдь не приходит в голову первой, когда носитель языка видит данное слово вне контекста. Между тем очевидно, что, описывая структуру полисемии многозначного слова, нужно каким-то образом отражать представление об иерархии лексем с точки зрения их употребительности, широты сочетаемости, нейтральности и т. п.

Иными словами, описывая многозначное слово, требуется отразить два аспекта его полисемии. Первый аспект — это направление семантической деривации. Существующие толковые словари, как правило, помещают исходную лексему выше ее деривата. Второй аспект — это употребительность лексемы. Существующие толковые словари не дают подобной информации о лексемах многозначного слова. На наш взгляд, естественно упорядочивать лексемы по направлению семантической деривации: только такой подход дает системное представление многозначного слова, позволяя в некоторых случаях отразить даже его парадигматические связи в лексике. Информацию об употребительности и подобных характеристиках лексем естественно подавать отдельно от этой «логической» структуры полисемии — например в виде особых помет о частотности при каждой лексеме.

Особую проблему представляет собой разрушение первоначальной структуры полисемии, вызванное уходом из языка корневой лексемы слова, ср. слово *кругозор*. В некоторых таких случаях логические связи между значениями слова бывают уже весьма неочевидны; возникающие в связи с этим вопросы иерархизации значений полисемичного слова рассматриваются в работах [Урысон 1999; 2005; 2016]. На наш взгляд, в этих случаях тоже следует представлять структуру полисемии, исходя из направления семантической деривации. Но тем более необходимо отмечать в словарном описании частотность лексем данного многозначного слова.

Подход к описанию полисемии, опирающийся на сведения о направлении семантической деривации, естественно использовать в теоретической

семантике. Для решения прикладных задач удобен другой подход — использующий сведения об употребительности лексем. Именно в таком порядке — по убыванию частотности — имеет смысл располагать лексемы многозначного слова в учебных словарях для иностранцев (поскольку сначала естественно освоить наиболее употребительные лексемы). В этом порядке удобно располагать лексемы и в компьютерных словарях: если в системе обработки текста, на которую ориентирован такой словарь, многозначность распознается по контексту, то удобно начинать распознавание с самых частотных, т. е. с самых вероятных лексем — поскольку более редкие лексемы могут вообще не встретиться в текстах данной предметной области.

Л и т е р а т у р а

- Апресян 1974 — Ю. Д. А п р е с я н. Лексическая семантика. М., 1974.
- Апресян 2004 — Ю. Д. А п р е с я н. Лингвистическая терминология Словаря // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. 2-е изд. М.; Вена, 2004.
- Зализняк Анна 2002 — Анна А. З а л и з н я к. Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2002.
- Кустова 2004 — Г. И. К у с т о в а. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004.
- МАС — Словарь русского языка: В 4 т. М., 1983
- СУШ — Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940.
- Падучева 2004 — Е. В. П а д у ч е в а. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Покровский 1895 — М. М. П о к р о в с к и й. Семасиологические исследования в области древних языков [первое издание: 1895] // М. М. П о к р о в с к и й. Избранные работы по языкознанию. М., 1959.
- Урысон 1999 — Е. В. У р ы с о н. *Дух и душа*: к реконструкции архаичных представлений о человеке // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М., 1999. С. 11–25.
- Урысон 2005 — Е. В. У р ы с о н. Материалы к описанию русского слова *И* // Язык. Личность. Текст. Сборник статей к 70-летию Т. М. Николаевой. М., 2005. С. 374–390.
- Урысон 2016 — Е. В. У р ы с о н. Изменение структуры полисемии и модальных рамок слова: наречие *впору* в XIX веке и теперь // Русский язык в научном освещении. 2016. № 31(1). С. 24–61.
- Урысон 2017 — Е. В. У р ы с о н. Наречие *сразу*: семантика и грамматика // Труды Института русского языка. Готовские чтения. М., 2017.
- Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. М., 1986.

Статья получена 09.12.2018

ELENA V. URYSON

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
uryson@gmail.com

HIERARCHY OF MEANINGS OF A POLYSEMIC WORD: SETTING THE PROBLEM

The paper deals with principles of arrangement of meanings of a polysemic word in a dictionary. Several complex examples (*srazu*, *pol'e*, *krugozor*) are analyzed. Lexicographical description can be arranged according to two different principles: either hierarchization of meanings according to the direction of semantical derivation, or ranking of meanings on the basis of their usage frequency and related characteristics (completeness of grammatical paradigm, collocation range, stylistic neutrality, etc.). It is shown in the paper that in some cases these principles are in conflict. Systemic representation of word polysemy can be obtained only on the basis of the first principle. The second principle can be useful in applied (e.g. computational) lexicography.

Keywords: polysemy, hierarchy of meanings, semantic derivation, direction of derivation, frequency of use.

References

- Apresyan, Yu. D. (1974). *Leksicheskaya semantika*. Moscow: Nauka.
- Apresyan, Yu. D. (Ed.). (2004). *Novyy ob'yasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka* (2nd ed.). Moscow; Vienna: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
- Evgenyeva, A. P. (Ed.). (1981–1984). *Slovar' russkogo yazyka* (Vols. 1–4). Moscow: Nauka.
- Kustova, G. I. (2004). *Tipy proizvodnykh znacheniy i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
- Paducheva, E. V. (2004). *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
- Pokrovskiy, M. M. (1959). *Izbrannye raboty po yazykoznaniyu*. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Uryson, E. V. (1999). Dusha i dukh: k rekonstruktsii arkhainykh predstavleniy o cheloveke. In N. D. Arutyunova & I. B. Levontina (Eds.), *Logicheskiy analiz yazyka. Obraz cheloveka v kul'ture i yazyke* (pp. 11–25). Moscow: Indrik.
- Uryson, E. V. (2005). Materialy k opisaniyu russkogo slova I. In V. N. Toporov (Ed.), *Yazyk. Lichnost'. Tekst. Sbornik statey k 70-letiyu T. M. Nikolaevoy* (pp. 374–390). Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
- Uryson, E. V. (2016). Izmenenie struktury polisemii i modal'nykh ramok slova: narechie vporu v XIX veke i teper'. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*, 1, 24–61.
- Uryson, E. V. (2017). Narechie srazu: semantika i grammatika. In A. M. Moldovan (Ed.), *Trudy Instituta russkogo yazyka. XIII* (pp. 311–320). Moscow: [s.n.].
- Ushakov, D. N. (Ed.). (1935–1940). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* (Vols. 1–4). Moscow.
- Vasmer, M. (1986) *Etimologicheskyy slovar' russkogo yazyka* (Vols. 1–4). Moscow: Progress.
- Zaliznyak A. A. (2002). *Mnogoznachnost' v yazyke i sposoby ee predstavleniya*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

Received on 09.12.2018

Н. М. СТОЙНОВА

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
stoinova@yandex.ru

**БУДУЩЕЕ НЕСОВЕРШЕННОГО ВИДА
И ИНФИНИТИВНОЕ СОЧЕТАНИЕ С ГЛАГОЛОМ *СТАТЬ*
КАК КОНКУРИРУЮЩИЕ КОНСТРУКЦИИ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ***

Работа посвящена конкуренции грамматикализованной формы будущего несовершенного вида (*буду делать*) и недограмматикализованной футуральной конструкции с глаголом *стать* (*стану делать*) в современном русском языке. На материале Национального корпуса русского языка выделены контексты взаимозаменяемости/невзаимозаменяемости этих двух конструкций и каждому из случаев даны семантические объяснения. Показано, что, функционируя как практически полный синоним будущего НСВ, конструкция со *стать* не претерпевает специальных семантических сдвигов, а последовательно сохраняет основные семантические компоненты, свойственные ей в нефутуральных употреблениях: инхоативный и контрастивный. Синонимия же обеспечивается тем фактом, что та же семантика, но в менее отчетливой форме свойственна и самому будущему времени НСВ.

Ключевые слова: будущее время, будущее несовершенного вида, вспомогательные глаголы, глагол *стать*, фазовые глаголы, грамматикализация.

1. Введение

Форму будущего времени НСВ (*буду делать*) в современном русском языке исследователи практически единодушно включают в глагольную парадигму (ср., однако, [Ferrell 1953; Jakobson 1957]). Формально она тем не менее на первый взгляд практически не отличается от других инфинитивных конструкций и не проявляет принципиально большей степени спаянности — например, свободно допускает перестановку компонентов (*делать буду*) и не требует их линейной смежности (*буду дело делать, буду*

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 17-29-09154 «Динамика языковой системы: корпусное исследование синхронной вариативности и диахронических изменений в текстах разных типов». Автор выражает благодарность анонимным рецензентам журнала «Русский язык в научном освещении», а также участникам семинара «Корпусная грамматика русского языка» в ИРЯ РАН.

долго *делать*). См., например, о будущем НСВ в ряду инфинитивных конструкций [Grenoble 1995].

Ближе всего как по формальным свойствам, так и — в отличие от прочих инфинитивных сочетаний — по семантике к форме будущего НСВ оказывается инфинитивная конструкция с глаголом *стать*. Она, как и конструкция будущего времени, допускает только глаголы НСВ (**буду сделать*, **стану сделать*, ср. с *могу сделать*). Как и конструкция будущего времени, она имеет парадигматические ограничения: только презенс для *быть* (*буду делать*, но **был делать*), неполная парадигма для *стать* (*станет делать*, *стал делать*, но: ?*стать делать*, ?*ставший делать*, ?*стань делать*)¹. Наконец, в презентной форме конструкция со *стать* синонимична или практически синонимична будущему НСВ. Ср.:

- (1) *Не буду отрицать*, всюду я преступал закон в пользу Розочки (В. Слипечук. Зинзивер (2001)).
- (2) *Я не стану отрицать*, что на Руси, даже среди профессиональных воров и убийц, есть очень много «совестливых» людей — это всем известно... (М. Горький. Несвоевременные мысли (1917—1918)).

Диакронически конструкция со *стать* оказывается одним из самых серьезных кандидатов на грамматикализацию в показатель будущего времени. Недолгая экспансия футуральных конструкций со *стать* наблюдается в 1-й пол. XVII в. [Борковский, Кузнецов 1963: 285–288] (наряду, впрочем, с параллельным увеличением частотности *стать* и в нефутуральных контекстах [Молдован 2010]). К XVIII в. происходит освоение и быстрая победа конструкций с *быть* (возможно, под влиянием польского языка [Swan 2012]). Таким образом, футуральные конструкции со *стать* в современном русском языке представляют собой результат грамматикализации, остановившейся «на полпути».

Интересно сопоставить футуральные употребления конструкции со *стать* (*стан(у) делать*) и будущее время НСВ *бу(ду) делать* более детально. Есть ли и другие, менее заметные, формальные и семантические различия между ними? Насколько они велики? Что стоит за интуицией, позволяющей провести именно в этом месте границу между «еще лексикой» и «уже грамматикой» (как показывают ссылки, приведенные выше, впрочем, не бесспорную)? Чего не хватает глаголу *стать*, чтобы грамматикализироваться в показатель будущего времени, и что при этом позволяет ему оставаться полноценным конкурентом грамматикализованной формы будущего НСВ?

Ниже обсуждаются отдельные различия между футуральными употреблениями *буд(у) делать* и *стан(у) делать*, которые обнаруживаются на мате-

¹ На этом основании в некоторых работах предлагается включать в глагольную парадигму и ее — наряду с конструкцией будущего времени (см., например, [Виноградов 1952]).

риале современных текстов Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ)². Речь пойдет преимущественно о семантических различиях; о формальных, в т. ч. обнаруживаемых на частотном уровне, см. подробнее в [Стойнова 2016а; 2016б].

2. Общие факты о семантике будущего НСВ и конструкции с глаголом *стать*

Семантика конструкции с глаголом *стать* обсуждалась в основном на материале употреблений прошедшего времени в сопоставлении с конструкцией с глаголом *начать*. Принципиальными для нее оказываются два центральных компонента (см. [Зализняк, Шмелев 2002; Короткова, Сай 2006]).

а) *Стать*, наряду с *начать*, связан с **инхоативной** семантикой (*стали получать зарплату* $\approx$ *начали получать зарплату*).

б) При этом *стать*, в отличие от *начать*, задает не столько собственно начальную фазу, сколько **контраст** между описываемой ситуацией и некоторой предшествующей (а для будущего времени, соответственно, с моментом речи).

Интересно, что очень схожие идеи высказывались и относительно формы будущего НСВ — в сопоставлении с формой прошедшего времени и с формой будущего СВ.

А. «Акцент на начальной фазе» ситуации

У форм будущего времени НСВ есть широкий класс т. н. «**проспективных**»³ употреблений, симметричных «ретроспективным» употреблением прошедшего времени НСВ в общефактическом значении, т. е. таким употреблением прошедшего времени НСВ, в которых глагол не указывает на длящуюся ситуацию в ее срединной фазе, а, подобно глаголу СВ, представляет ситуацию как точку, указывает на сам «факт» ее наличия, ср.: *ты читал эту книжку?* При сопоставлении таких употреблений в прошедшем и будущем времени оказывается, что и те и другие описывают ситуацию точно, но общефактические (ретроспективные) употребления прошедшего времени НСВ при этом выделяют в большей степени конечную фазу ситуации (ситуация имела место > и закончилась), а проспективные употребления будущего НСВ, наоборот, начальную (ситуация начнется > будет иметь место). Ср.: *мы уже обедали* — ‘закончили обедать’ vs. *скоро будем обедать* — ‘начнем обедать’. Эта небольшая разница возникает естественным образом из-за асимметрии между прошедшим временем (ближайшая к моменту речи точка — конец ситуации) и будущим (ближайшая к моменту речи точка — начало ситуации), см. об этом подробно в [Падучева 2010].

² www.ruscorpora.ru.

³ Не имеется в виду термин «проспектив», зарезервированный в типологической литературе и в некоторых конкретноязыковых описаниях за значениями типа ‘вот-вот сделает’ и соответствующими специализированными показателями.

Б. «Разобщенность с моментом речи»

Сравнивая формы будущего НСВ с формами будущего СВ, часто говорят о «разобщенности с моментом речи», возникающей по крайней мере в некоторых контекстах (ср. «контраст с моментом речи» при описании конструкции со *стать*). Имеется в виду возможность употребления соответствующей формы СВ / НСВ с референцией к ситуации, уже начавшейся на момент речи (или степень нейтральности такой интерпретации, ее возможность без дополнительного сильного лексического контекста), ср.: *скоро будут строить* ?‘уже начали’ vs. *скоро построят* ^{OK}‘уже начали’, см., например, [Исаченко 1965/2003: 444—445; Князев 2014] и др.

Именно эти два семантических компонента, как кажется, обеспечивают значительную близость конструкций со *стать* и *быть* в футуральном контексте. Они же, однако, и препятствуют полной их взаимозаменяемости. Для конструкции со *стать* сформулированные выше закономерности прослеживаются значительно отчетливее и применимы, по крайней мере за пределами будущего времени, к большинству употреблений. Для будущего НСВ это только тенденции, характерные лишь для части (хотя и значительной части) употреблений. Важно также, что вышеназванные семантические характеристики конструкции со *стать* и будущего НСВ схожи, но не вполне совпадают: контраст с моментом речи (*стать*) предполагает временную разобщенность с ним (будущее НСВ), но не наоборот.

Чтобы проверить, насколько взаимозаменяемы конструкция будущего НСВ и конструкция с глаголом *стать*, было взято по 100 случайных примеров из современных текстов (подкорпус НКРЯ с 1950 г.) на *буд(у) делать* и *стан(у) делать*, и для каждого контекста проверено, возможна ли в нем альтернативная конструкция (NB: приблизительный результат, интроспекция):

Таблица 1

Взаимозаменяемость *буд(у) делать* и *стан(у) делать*: случайные выборки по 100 примеров (Подкорпус НКРЯ с 1950 г.)

	Да	Нет	?
<i>буд(у) делать</i>	50	39	11
<i>стан(у) делать</i>	97	2	1

Таблица 1 показывает, что круг употреблений *стан(у) делать* практически полностью входит в круг употреблений будущего НСВ и оказывает при этом значительно уже.

Это ожидаемо в свете семантических наблюдений, обсуждаемых выше. Далее подробнее рассматриваются случаи, когда *буду делать* и *стану делать* не взаимозаменяемы или обнаруживают сильные частотные предпочтения. В каждом из них «работает» один из перечисленных выше факторов:

- акцент на начальной фазе;
- разобщенность / контраст с моментом речи.

Приведем также данные по общей соотносительной частотности конструкции будущего НСВ и конструкции со *стать* в будущем времени: по подкорпусу текстов с 1950 г. конструкция со *стать* составляет 5% от общего числа употреблений *буд(у) делать* и *стан(у) делать* (см. Таблицу 2).

Еще один важный факт о семантике конструкции со *стать*, который, как будет показано ниже, заметно расширяет возможности её употребления в контекстах, характерных для будущего НСВ, — особое поведение конструкции со *стать* под отрицанием. Дело в том, что в отрицательном контексте (а возможно, также в некоторых контекстах «снятой утвердительности») конструкция со *стать* приобретает отчетливое модализованное значение (см. о нем [Храковский 1987: 165—166; Короткова, Сай 2006]), названное в [Короткова, Сай 2006] значением «**осознанного выбора**»: *не стать делать* ≈ ‘не захотеть делать, решить не делать’. Это значение проявляется у *стать* под отрицанием как в прошедшем, так и в будущем времени, ср.:

- (3) Лиза молча кивнула. Почему, Кирилл *не стал спрашивать*. Почему человека, у которого ты же и угнал машину, тебе надо убить? (А. Иванов (Алексей Маврин). Псоглавцы (2011)) = ‘решил не спрашивать’.
- (4) — *Не стану спрашивать* вас: почему, но скажу прямо: решению вашему не верю-с! (М. Горький. Жизнь Клима Самгина (1928)) = ‘не хочу, не собираюсь спрашивать’.

В Таблице 2 показано, что конструкция *стан(у) делать*, в отличие от конструкции будущего НСВ, отчетливо тяготеет к употреблению под отрицанием: ожидаемые 10 % употреблений для будущего НСВ и 34 % — для *стану делать*. Доля употреблений конструкции со *стать* под отрицанием составляет уже 16, а не 4 % от общего числа употреблений под отрицанием *буд(у) делать* и *стан(у) делать*, как в положительной форме⁴.

Таблица 2

***Буд(у) делать* vs. *стан(у) делать*: соотношение употреблений без отрицания и под отрицанием (Подкорпус НКРЯ с 1950 г.)**

	<i>буд(у) делать</i>	<i>стан(у) делать</i>	% <i>стать</i> от суммы <i>быть</i> и <i>стать</i>	Глагол НСВ в индикативе ⁵
Без отрицания	69 522	2787	4%	371 006
Под отрицанием	7319	1415	16%	46 419
% под отрицанием	10 %	34 %	—	11 %

⁴ Разница значима, критерий хи-квадрат с поправкой Йейтса, $p < 0.0001$.

⁵ По подкорпусу со снятой омонимией.

3. Случаи невзаимозаменяемости *быть* и *стать*

Единственный случай, для которого конструкция со *стать* не взаимозаменяема с будущим НСВ, — это употребления с сильным инхотативным компонентом. Ср. контекст адвербиала *как только*, фокусирующего внимание на начале ситуации:

- (5) Мы всегда говорили: как только *станет* (начнет, ??? *будет*) *оживать* наша промышленность, оживет и наука (М. Д. Прохоров, Г. А. Месяц. Водородная энергетика и топливные элементы (2004)).

Ср. для будущего НСВ в контексте *как только* возможна лишь многократная интерпретация:

- (6) Как только *будем узнавать* что-то новое (≠ *начнем узнавать*), сразу будем выкладывать на форум (коллективный. АЭС Фукусима (2011)).

Для будущего НСВ контекстов, в которых оно не взаимозаменяемо со *стану делать*, значительно больше. Основные из них перечислены в Таблице 3 и подробнее описываются ниже.

Таблица 3

Значения будущего НСВ, недоступные для *стать*

	Приемлемость	Под отрицанием	Интерпретация
А.1. Некоторые общефактические	*	ок	акцент на начале
А.2. Дуратив	???	ок	
А.3. Прогрессив	*	0	
В.1. Ожидаемая ситуация	*	ок	контраст с моментом речи
В.2. Континуатив	???	?ок	
В.3. Постоянное отношение	*‘субъект не существует к моменту речи’	*	

Все случаи объясняются одним из двух факторов:

А) значение противоречит / не противоречит акценту на начальной фазе;

В) значение предполагает / не предполагает контраст с моментом речи.

Запрет, как правило, снимается в контексте отрицания (и, возможно, в других ирреальных контекстах, см. ниже).

Далее приводятся и кратко обсуждаются примеры на каждый из перечисленных случаев. В первой группе (А.1–А.3) соответствующие контексты противоречат акценту на начальной фазе ситуации, необходимому для употребления конструкции со *стать* и возможному, но необязательному

для употребления будущего НСВ. Во второй группе (В.1–В.3) соответствующие контексты не допускают контраста с моментом речи, требуемого семантикой конструкции со *стать*, но не конструкцией будущего НСВ.

А.1. Некоторые общефактические употребления

Ограничений на употребление конструкции со *стать*, связанных с ее инхоативной семантикой, естественно ожидать от контекстов, в которых будущее НСВ имеет общефактическое значение, т. е. реферирует к точечному событию, а не к отдельным фазам ситуации.

Что касается самого будущего НСВ, то неоднократно отмечалось, что общефактические (допускающие синонимическую замену на СВ) употребления будущего НСВ отличаются от аналогичных употреблений прошедшего времени. Здесь возможны три случая. 1. Глагол НСВ в будущем времени может вовсе не давать употреблений, симметричных общефактическим употреблениям прошедшего времени. Таковы, в частности, глаголы восприятия: *Я вчера его видел / завтра увижу / *завтра буду видеть*. В контексте сопоставления со *стать* этот случай нас интересовать не будет, он показателен, однако, тем, что ограничения на общефактические употребления обнаруживаются не только для *стать*, но и для будущего НСВ — и, вероятно, по сходным причинам. 2. Употребления будущего НСВ могут быть полностью эквивалентны аналогичным употреблениям прошедшего НСВ: указывать на точечное событие и не давать проспективного эффекта. 3. Некоторые употребления НСВ, симметричные общефактическим употреблениям того же глагола в прошедшем времени, в будущем дают эффект выделения начальной фазы ситуации (т. н. проспективные употребления): ‘ситуация будет иметь место’ > ‘ситуация начнется’. Подробнее о разных возможностях реализации общефактического значения в будущем времени у разных глаголов см. [Падучева 2010].

Равноценной замены на конструкцию со *стать* не допускают употребления будущего НСВ второго типа, которые указывают именно на то, что ситуация будет иметь место, не смещая акцент на ее начало, и полностью симметричны аналогичным употреблениям НСВ прошедшего времени, ср. (7) и предложение *Вчера в кафе мы расплачивались не наличными, а карточкой*.

- (7) Мы пришли в начале седьмого, сели за столик. Предупредили, что *будем расплачиваться* <^{ОК} *расплатимся* / ^{??} *станем расплачиваться*> картой. Нам закивали, мол, все хорошо (Едальня «Прогноз погоды» (форум) (2007)).
- (8) С 13 по 16 марта на базе ВАО «Нижегородская ярмарка» *будет проходить* <^{ОК} *пройдет* / **станет проходить*> IV Международный медицинский форум. («Биржа плюс свой дом» (2002))⁶.

⁶ Для этого примера дополнительным фактором против употребления глагола *стать* может быть неконтролируемость ситуации: в таких контекстах *стать* выступает менее свободно, чем *быть*.

Для перспективных, дающих эффект смещения акцента на начало ситуации, употреблений будущего НСВ замена на *стать* кажется более приемлемой, хотя примеры со *стать* могут звучать архаично (это тот фрагмент системы, где конструкция со *стать* сужает круг употреблений). Ср. современный пример с будущим НСВ и похожий со *стать* середины XIX в.:

- (9) Вошёл профессор, весело объявил: — Сейчас *будем* / ^{ОК}*станем* *завтракать*! (В. Шукшин. Печки-лавочки (1970—1972)).
 (10) — Запарка готова, — отвечал Пашка. — Сейчас *станем кормить* (Е. Э. Дриянский. Записки мелкотравчатого (1857)).

Приемлемость конструкции со *стать* увеличивается, если контекст отчетливо задает контраст с предыдущим положением вещей (второй важный компонент семантики *стать*, см. выше):

- (11) Выспались, умылись, а сейчас *станем завтракать*!

Ср. естественный пример (12):

- (12) — Иди переодевайся, — приказал Женя. — Зачем? — Нехорошо, когда на всех снимках одна одежда. Сейчас *станем* ^{ОК}*будем* *делать* семейное фото: ты, муж, мама, ребенок (Д. Донцова. Микстура от косоглазия (2003)).

Тот же эффект контраста объясняет отсутствие описанного выше запрета (даже для «настоящих» общефактических употреблений) под отрицанием, по крайней мере для контролируемых ситуаций:

- (13) ^{ОК}*Мы не станем* расплачиваться наличными! = ‘как ожидалось бы’.

А.2. Дуративное значение

В [Короткова, Сай 2006] (на примерах употреблений в прошедшем времени) обсуждается общий запрет на употребление конструкции со *стать* в дуративном контексте (контексте обстоятельств длительности типа *три часа*). Для прошедшего времени, где конструкция со *стать* функционирует как начинательный показатель, такой запрет вполне очевиден.

Для будущего времени примеров на сочетание *станет долго делать* в НКРЯ находится достаточно много (13 примеров, 7 % от суммарного числа употреблений в этом контексте *быть* и *стать*). Однако большинство из них под отрицанием (9 примеров).

- (14) *Не станем долго мучить* читателя: пока самые выгодные источники — семена масличных культур (соя, подсолнечник, арахис и др.) («Техника — молодежи» (1974)).

В контексте отрицания запрет снимается потому, что в нем реализуется переносное значение *стать*, модальное (значение осознанного выбора, по [Там же]), которое не требует акцента на начальной фазе: *не станем долго мучить* = *решили долго не мучить*.

Без отрицания подобные примеры встречаются, как правило, в старых текстах и звучат заметно архаично:

- (15) Разумеется, его прежние заморские дядьки и нянюшки *станут долго кричать*: «Помилуйте, что это: называть безграмотного ребенка барином!..» (М. Н. Загоскин. Москва и москвичи (1842–1850)).

Ср., впрочем, вполне грамматичный пример из современного текста (16):

- (16) Он *станет долго звенеть* ключами, перебирать в пальцах их позвякивающие гроздьи и чертыхаться (А. Рубанов. Сажайте, и вырастет (2005)).

Видимо, дело в том, что в этом примере не совсем обычное употребление: нарратив о гипотетическом будущем, когда говорящий заранее представляет себе всю ситуацию целиком и может оценить ее длительность⁷.

На сочетание «*станет* + обстоятельство времени в вин. п.» в НКРЯ всего три примера:

- (17) Довольно, Салопова, а то опять нагресишь и *станешь всю ночь отбивать* (Н. А. Лухманова. Девочки (1894)) — пример XIX в., звучащий архаично.
 (18) Предложение не привело меня в восторг: о чем я *стану целый вечер говорить* с девочкой, о которой только и знаю, что она — Жанна и что она замужем? (Е. Рубин. Пан или пропал. Жизнеописание (1999–2000)) — риторический вопрос со скрытым отрицанием (*≈ я не хочу говорить*).
 (19) Теперь жизнь семейства наладится, мать *станет все лето получать деньги*, принимать рыбу, с Кирькой ругаться (В. Астафьев. Царь-рыба (1974)).

Интересен последний пример, в котором запрет снимается за счет хабитуальной интерпретации: имеется в виду, видимо, ‘станет каждый год все лето получать деньги’ (указание на длительность отдельной ситуации в серии не противоречит акценту на начале серии ситуаций). Ср. более ясный искусственный пример:

- (20) а. Этой ночью он *будет / ???станет* долго спать. — б. Зимой он *будет / станет* долго спать по ночам.

В (20а), описывающем единичную ситуацию, *станет* сомнительно: наречие *долго*, задающее длительность ситуации *спать*, вступает в противо-

⁷ Однако для прошедшего времени подобное употребление кажется куда менее приемлемым (хотя длительность ситуации говорящему тем более известна): *???Он стал долго звенеть ключами.*

речие с инхоативной семантикой *стать*. В (20б) описывается начало последовательности ситуаций *спать по ночам, долго* относится к каждой из повторяющихся ситуаций в отдельности, а не ко всей последовательности, и потому на возможность употребления *стать* не влияет.

А.3. Прогрессивное значение

По той же причине неприемлемым кажется *стать* в прогрессивном (актуально-длительном) значении, для которого в фокусе оказывается срединная стадия ситуации:

- (21) Нужно было успокоиться, то есть подумать о другом, и я вспомнил о том, что в семнадцать часов Р. *будет* ^{???}*станет* ждать меня в Гидрографическом управлении (В. Каверин. Два капитана (1938—1944)).
- (22) — «Нет, он в это время *будет* ^{???}*станет* пить дома чай у телевизора, а вас как раз пустят в эфир» (Г. Васильев. Роли, которые нас выбирают (2002)).

Ср. очевидную разницу между будущим НСВ и конструкцией со *стать* в контексте *в это время* или *в этот момент* (в НКРЯ ни одного примера, подобного (24)):

- (23) *В этот момент я буду думать*, что когда-нибудь обязательно захочу, чтобы ты оставался во мне до конца... (П. Мешков «Полночный зов ласточки», samlib.ru), — ^{???}*начну думать*, ^{ОК}*буду в процессе*.
- (24) *В этот момент я стану думать*, что когда-нибудь обязательно захочу, чтобы ты оставался во мне до конца... = *‘начну думать, подумаю’*.

Следует оговорить, что при этом и для будущего НСВ, как неоднократно отмечалось (см., например, [Князев 2014]), прогрессивная интерпретация оказывается более периферийной (и менее частотной), чем для других форм НСВ. Так, основной интерпретацией в контексте обстоятельств точного времени является не она, а одна из общефактических интерпретаций (часто проспективная, с акцентом на начале ситуации), таковы почти все примеры на этот контекст из НКРЯ, ср.:

- (25) В 12 часов *будет выступать* по радио т. Молотов. Надо все подготовить к его выступлению и записать всеми способами его речь (Л. К. Бронтман. Дневники и письма (1943–1946)) = *‘будет иметь место выступление, начнется выступление’*.

Следующие типы контекстов употребления будущего НСВ недоступны для конструкции со *стать* из-за противоречия компоненту значения *‘контраст с моментом речи’*.

В.1. Значение ожидаемой ситуации

В качестве тестового контекста, задающего ожидаемую ситуацию, могут служить, например, предложения с частицей *и* и вспомогательным глаголом в рематической позиции типа (26). Возможно, полного запрета и нет, но примеры со *стать* для таких предложений действительно не находятся:

- (26) Они *и будут* \ *станут* \ конкурировать друг с другом («Аргументы и факты» (2003)).

Запрет снимается под отрицанием. Дело, как и в случаях выше, в семантическом сдвиге: *не станут* $\approx$ *не захотят*.

- (27) ^{OK}Они *и не станут* конкурировать друг с другом.

Ср. естественный пример:

- (28) — Это еще не известно, — сказал я, — может быть, на забор ты *и не станешь карабкаться*, но, может быть, ты за машины цепляешься? (В. Драгунский. Денискины рассказы (1963)).

В.2. Континуативное значение

(*продолжение ситуации, начатой на момент речи*)

Будущее НСВ допускает континуативную интерпретацию, если она дополнительно поддерживается особым лексическим контекстом — обстоятельствами типа *все еще* [Князев 2014]. *Стать*, как отмечалось в [Короткова, Сай 2006], очень несклонно к таким употреблением.

Контекстов типа **станет все еще делать* / **все еще станет делать* в НКРЯ не встретилось. Для контекста *еще станет делать* находятся примеры на значение добавления ('V1, а (да) еще V2'), как в (29), и единственный пример на значение собственно продолжения (30):

- (29) А тот, кто виноват, доносчик, так разыграет обиду, что *ещё станешь просить* у него прощения (В. Быков. Бедные люди (1998)) — добавление.
- (30) Но прокричали с угрозой, чтобы все слышали: «*Еще станете копать*, урки бесштаные, дома пожжем!..» (А. Приставкин. Ночевала тучка золотая (1981)) — видимо, тут имеется в виду не просто продолжение, а продолжение после перерыва ('опять станете копать'), несколько лучше совместимое с семантикой контраста.

Единичные примеры (не в современных текстах) находятся на контекст *так и станет*⁸:

⁸ Вполне допустимы примеры с интерпретацией 'так и начнет' типа: *Но как только встретятся на суде сознания, так и станут мучить душу своим противоречием...* (К. Д. Ушинский. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии (1867)).

- (31) Не найти тебе дороженьки ни вперед, ни назад, *так и станешь блуждать* по лесу веки вечные. Сгинешь! (П. В. Засодимский. Разрыв-трава (1914)).

7 примеров — на контекст *по-прежнему станет*. Все они тем не менее так или иначе предполагают отсутствие смежности с моментом речи, ср.:

- (32) Когда-то увижусь с ним? Когда-то *по-прежнему стану коротать* с ним время, да еще с сердечной Дарьей Сергеевной (П. И. Мельников-Печерский. На горах (1875–1881)) — ‘как и прежде: нет смежности с м. р.’.
- (33) На порядок дешевле *по-прежнему станут обходиться* хозяевам овцы и козы (плата за них увеличилась с 2,10 до 2,59 руб. («Вечерняя Москва» (2002)) — ‘контекст многократности: в каждом случае введение нового объекта $\Rightarrow$ ослабление семантики смежности с моментом речи’.
- (34) Я дам вам высокие должности, сделаю вас своими наместниками, и вы *по-прежнему станете управлять* странами, *но только* под моим верховным владычеством (А. М. Волков. Урфин Джюс и его деревянные солдаты (1963)) — ‘ситуация начата на момент речи, но предполагает существенное изменение в будущем’⁹.

1 пример на *и дальше станет делать*:

- (35) Но если вы окажетесь настолько упрямым, что *станете и дальше приставать* с обнаруженными вами противоречиями в показаниях Джонса, то он эту полемику прекратит... (Б. Б. Вахтин. Гибель Джонстауна (1978—1980)).

Совершенно иначе ведет себя *стать* в симметричном вышеназванном отрицательном контексте *больше не станет делать*. В этом контексте глагол *стать* вполне допустим (36). Более того, процент употреблений *стать* от суммарного количества употреблений *быть* и *стать* в контексте *больше не* значительно выше среднего — 13 % (46 примеров).

- (36) Платите нам по-прежнему дань, и мы *больше не станем враждовать* (Е. Парнов. Третий глаз Шивы (1985)).

Отрицательных предложений типа *все еще / по-прежнему / и дальше не станет* в НКРЯ не найдено, однако они обнаруживаются в Интернет-коммуникации:

- (37) Он *все еще не станет убивать* быка до конца, но подвергнет его мучениям (zhestokosti.net).

⁹ Пример кажется стилистически небезупречным и неоднозначным: возможно, *по-прежнему* здесь обстоятельство образа действия ‘управлять так же, как раньше’ (спасибо анонимному рецензенту, указавшему нам на эту интерпретацию).

- (38) И что будет, если он *и дальше не станет* являться на судебные разбирательства? (faq.pravo.ru).
 (39) Запад *по-прежнему не станет* вмешиваться в военные действия в Сирии (news.rambler.ru).

Затруднено употребление глагола *стать* в конструкции типа *делал, делает и будет /[?]станет* делать:

- (40) Об эффективности госаппарата *говорили, говорят и будут* ^{???}*станут* говорить («Известия» (2001)).

Глагол *оставаться* со встроенной семантикой продолжения встретился в НКРЯ в сочетании со *стан(ет)* только единожды, в примере с многократной интерпретацией ('каждый раз станет оставаться'):

- (41) Иначе, невзирая на ударные дозы удобрений, плодородие почв *будет* ^{???}*станет* оставаться низким («Сад своими руками» (2003)).
 (42) ...в скором времени костюмовская провизия и дрова *станут* *оставаться* в Костюкове? (В. А. Вонлярлярский. Большая барыня (1852)) — многократная интерпретация.

В.3. Значение «постоянного отношения»

Очень редко в конструкции со *стать* используются глаголы со значением постоянного свойства (глаголы «индивидуального уровня», в терминологии [Carlson 1982]). В Таблице 4 приводятся корпусные данные по частотности таких глаголов в конструкции будущего НСВ и в конструкции со *стать* в будущем времени:

Таблица 4

Сочетаемость с отдельными глаголами индивидуального состояния
(Основной корпус НКРЯ)

	<i>буд(ет)</i>	<i>стан(ет)</i>
<i>стоять</i>	845	2
<i>соответствовать</i>	231	2
<i>знать</i>	1634 ¹⁰	5
<i>уметь</i>	84	0

Запрет на их употребление в конструкции со *стать* (в отличие от будущего НСВ) связан с прагматически наиболее естественными для таких глаголов контекстами, в которых субъект (вместе со своим свойством) появляется после момента речи. Поскольку в момент речи нет ни объекта, ни

¹⁰ Повышенное число употреблений дает фразеологизованное сочетание *будешь/будете знать, как...*

свойства, предполагаемый контраст между значением свойства в момент речи и в описываемый момент в будущем невозможен:

- (43) — Наша кабинка *будет стоить* 50 тысяч долларов за серийную штуку, а иностранцы предлагают по 160 тысяч («Столица» (1997)) — *станет стоить* (нет контраста ‘раньше стоила столько-то’: кабинки вообще не было).
- (44) «Скоро в нашей стране каждый *будет/станет уметь* читать и писать!» — говорил папа, отогревая руки на стакане с горячим чаем (И. Грекова. Фазан (1984)).

Ср. также в гипотетическом контексте:

- (45) Высота в прямоугольном треугольнике является медианой. Соответственно высота *будет* *<*станет> делить* основание пополам (otvet.mail.ru).

Глагол *стать*, однако, вполне допустим, наряду с *быть*, в тех контекстах, для которых предполагается только изменение состояния субъекта, но не его появление:

- (46) По их прогнозам, в связи с тем, что микропроцессоры в ближайшие годы *станут стоить* копейки, окружающий нас мир кардинально изменится («Аргументы и факты» (2001)) — ‘раньше стоили дорого’.
- (47) Наконец условия работы тысяч и тысяч москвичей *станут соответствовать* уровню конца XX века («Горизонт» (1989)) — ‘раньше не соответствовали’.

Ср., однако, единичные контрпримеры из НКРЯ (звучащие, как кажется, стилистически небрежно), в которых предполагается возникновение субъекта в будущем:

- (48) — Начнут делать искусственные изумруды — они появятся у всех и *станут стоить копейки*, как стекляшки (В. Орлов. Альтист Данилов (1980)).

Особый контекст, для которого таких примеров довольно много и они кажутся естественными, — это интродуктивные относительные конструкции с *который*:

- (49) А ее соавтор, профессор Питер Уайлд, убежден, что добавление социальных аспектов к пониманию безопасности поможет создать системы защиты конфиденциальности, *которые станут наилучшим образом отвечать запросам пользователей* (Сетевые кошмары (2010)) — ‘теперешние системы не соответствуют’.

Примеры типа (49) «спасает», видимо, тот факт, что появление нового объекта в них в любом случае мыслится по контрасту с настоящим.

4. Конструкция с глаголом *стать* и нефутуральные значения будущего времени

Ниже рассматривается возможность употребления конструкции с глаголом *стать* в нефутуральных значениях, характерных для будущего НСВ, и в нефутуральных значениях, характерных для презенса СВ («будущего синтетического»). Известно, что за пределами собственно будущего времени формы НСВ (*буду делать*) и СВ (*сделаю*) имеют очень разный набор употреблений, см., например, подробный перечень тех и других в [Бондарко 1971].

Доступность для конструкции со *стать* переносных значений, характерных для будущего НСВ, будет свидетельствовать о значительной семантической близости конструкции к форме будущего НСВ. Доступность нефутуральных контекстов употребления презенса СВ будет говорить о том, что глагол *стать* с этой точки зрения ведет себя не как *быть* в конструкции будущего НСВ, а как стандартный глагол СВ (и свидетельствовать, таким образом, наоборот, о достаточном различии между конструкциями с *быть* и *стать*).

4.1. Конструкция с глаголом *стать* и нефутуральные значения будущего НСВ

Корпусные данные по нефутуральным употреблением конструкции со *стать*, свойственным будущему НСВ, представлены в Таблице 5. Ниже каждое из них рассмотрено подробнее. Отдельно обсуждаются отрицательные контексты, в которых часть запретов снимается.

Таблица 5

Конструкция с глаголом *стать* и нефутуральные значения будущего НСВ: данные НКРЯ

	<i>буд(у) делать</i>	<i>стан(у) делать</i>	<i>не стан(у) делать</i>
Гипотетическое	ок	ок	ок
Пермиссивные и оптативные конструкции с <i>пусть, пускай, давай</i>	ок	ок	ок
Гортатив (простая форма)	ок	??? ¹¹	ок
Императив 2 л.	ок	*	ок
Гортатив на <i>-те</i>	?	???	*
Конструкция с <i>да</i>	ок	*	*

¹¹ Обозначения «*» и «???» условны: они указывают на встречаемость соответствующих примеров в НКРЯ (в частности, случаи единичных примеров маркируются «???», а случаи, когда примеры находятся, но за пределами НКРЯ, — «*»).

А. Употребления, допустимые для конструкции
со *стать*

А.1. Гипотетическое употребление

Будущее НСВ может употребляться в гипотетическом контексте, с низкой степенью уверенности в реализации ситуации. В этом контексте оно взаимозаменяемо или практически взаимозаменяемо с сослагательным наклонением. Ср. (50): *будете искать* = *искали бы*).

- (50) *Напрасно вы будете искать* эту справку в Большой Советской Энциклопедии выпуска семидесятых годов («Жизнь национальностей» (2000)).

Такое употребление возможно и для *стать*:

- (51) И *вряд ли вы станете поить* грудничка, ребенка-аллергика или пожилых, больных родителей водой прямо из водопроводного крана («Сад своими руками» (2002)).

А.2. В составе пермиссивных и оптативных конструкций

Будущее НСВ может употребляться в пермиссивных и оптативных конструкциях с *пусть* и *давай*. Примеры на эти конструкции со *стать* очень немногочисленны. Они находятся в НКРЯ, но в основном в текстах XIX в.:

- (52) ...я восклицаю: *пусть станет господствовать* в жизни над всеми другими характерами жизни идиллия (Н. Г. Чернышевский. Что делать? (1863)).
- (53) Прочел несколько романов, а, *давай я стану писать* отделение критик (Ф. М. Достоевский. Записные книжки (1850–1881)).

Оптативная конструкция с *да* запрещена по причинам, видимо, стилистического характера:

- (54) — Ты, человек, сотворен по образу и подобию Нашему и *да будешь* ^{???}*станешь* ты *владычествовать* над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над зверями лесными, и над скотом домашним, и над всей землей, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле («Химия и жизнь» (1965)).

Б. Употребления, возможные, но нетипичные
для конструкции со *стать*: гортатив

Б.1. *Будем делать* / ^{???}*станем делать*: гортативные употребления
собственно формы будущего времени

Формы собственно будущего времени приинфинитивного *стать* в гортативном значении (значении побуждения к совместному действию) встречаются в том числе и в современных текстах, но их процент от суммарного числа употреблений *будет делать* + *станет делать* значительно

ниже, чем в среднем (ок. 7%). Ср. корпусные данные по употреблению формы 1 л. мн. ч. глаголов *стать* и *быть* при инфинитиве глаголов, семантически предрасположенных к горативной интерпретации, в Таблице 6.

Таблица 6

Будем / станем при глаголах с предрасположенностью к горативной интерпретации (Основной корпус НКРЯ)¹²

	<i>будем</i>	<i>станем</i>	% <i>станем</i>
<i>надеяться</i>	222	3 (посл. — 1894)	1,3%
<i>считать</i>	146	1 (!2001)	0,6%
<i>говорить</i>	151	5 (посл. — !1999)	3,2%
<i>не ... говорить</i>	68	3 (посл. — 1924 г.)	4,2%
<i>не ... забывать</i>	19	4 (посл. — 2003 г.)	17,4%

(55) Если тебе психологически будет легче, *станем считать* слово «Легион» названием условным, обозначающим нечто, в чем нам предстоит разбираться (Н. Подольский. Книга Легиона (2001)).

(56) Однако *не станем забывать* и об иной традиции, — думая о Декарте, *не станем забывать* о другом великом современнике Мольера («Театральная жизнь» (2003)).

Особый случай — отрицательный контекст: так, для *не станем забывать* частотность, наоборот, значительно выше ожидаемой.

Б.2. Горатив на -те: *будемте/станемте*

(57) — Эх, Анна Сергеевна, *станемте говорить* правду. Со мной конечно (И. С. Тургенев. Отцы и дети (1862)).

Ср. данные Основного корпуса по частотности форм *будемте/станемте* + инф. и, для сравнения, по сочетанию *начнемте* + инф. и нейтральной форме *пойдемте*:

будемте — 70 / *будем* — 21 095

станемте — 10 / *станем* — 1 145

начнемте — 2 / *начнем* — 562 (*начнем* — в горативной функции практически не употребляется)

пойдем — 9 877 / *пойдемте* — 2 654

И *будемте*, и *станемте* — очень редкие формы, и, очевидным образом, в современных текстах стилистически не нейтральные. Однако *будемте* находится в НКРЯ и в текстах последнего десятилетия, тогда как последнее употребление *станемте* датируется 1935 г.

¹² Поиск после знака препинания, для тех глаголов, где это специально указано, после знака препинания и «не» (*не будем забывать*). *Будем* — без ручной фильтрации, *станем* — с ручной фильтрацией.

В. Употребления будущего НСВ, невозможные для конструкции со *стать*

В.1. Императивные употребления 2 л.

Для будущего НСВ возможны разного рода употребления, в которых оно синонимично форме императива (в значении инструкции, приказа и запрета, см. подробнее [Храковский, Володин 1986: 195–210; Стойнова 2014]). Для конструкции со *стать* они не кажутся приемлемыми:

- (58) Ты *будешь* <??*станешь*> *ходить* черной шашкой, а мы — тремя белыми («Трамвай» (1991)).

Под отрицанием этот запрет, как и многие приведенные выше (но в данном случае по не вполне понятным причинам), ослабляется: ср. пример (61) на прохибитивный контекст.

- (59) — Таня, я не хочу больше слушать, поэтому ты *не станешь* больше *говорить* (Т. Устинова. Подруга особого назначения (2003)).

В.2. Гортатив *давай* *будем* *делать* / ?*станем* *делать*

В НКРЯ примеров на гортатив с *давай* для глагола *стать* не встречается. Однако такие примеры (в том числе кажущиеся приемлемыми) находятся в Интернете:

- (60) ...*давайте станем работать* качественнее на своём рабочем месте, *давайте перестанем* пить, *давайте перестанем* материться, курить (www.lkforum.ru).

Примеры с отрицанием находятся и в НКРЯ:

- (61) *Давайте не станем забывать* столь быстро забываемое нами прошлое (А. Яковлев. Омут памяти (2001)).

Затрудненность императивных и гортативных употреблений можно объяснить следующим образом. Контекст первого и второго лица, а в особенности побудительный, дает ограничение на контролируемость обозначаемой ситуации. Контролируемость, в свою очередь, видимо, активизирует модальную реинтерпретацию конструкции со *стать*, такую же, как под отрицанием: ‘начать делать’ > ‘решить делать’. Однако такое значение плохо сочетается с самим побудительным значением. Прагматически неестественным оказывается приказ или инструкция адресату о его желании или принятии решения (#*захоти ходить черной шашкой*) и даже побуждение к совместному решению (в этом случае решение о ситуации уже принято самим говорящим).

4.2. Конструкция с глаголом *стать* и нефутуральные значения презенса СВ

В Таблице 7 приводятся корпусные данные по употреблению инфинитивной конструкции с глаголом *стать* в многочисленных нефутуральных

контекстах, характерных для презенса СВ, но не для конструкции будущего НСВ, и, соответственно, ожидаемых и от глагола *стать*, если он ведет себя и в этой конструкции как обычный глагол СВ. Для сравнения приводятся также данные по конструкции с глаголом *начать*, семантически близкой к конструкции со *стать* и данные по *стать* в функции связи.

Таблица 7

**Конструкция с глаголом *стать* и нефутуральные значения презенса СВ:
корпусные данные**

	<i>будет делать</i>	<i>станет делать</i>
Хабитуальное (наглядно-примерное)	*	ок (устар.)
Презенс напрасного ожидания	*	??? ¹³ (ок для других инхоативных глаголов и приименного <i>стать</i>)
Поворот сюжета в нарративе	*	??? (ок для других инхоативных глаголов и приименного <i>стать</i>)

Ср. ниже примеры на каждое из употреблений и краткие комментарии к ним.

1. Хабитуальные употребления

Для форм презенса СВ возможны нефутуральные, т. н. «наглядно-примерные» (в терминологии [Маслов 1948]) употребления в хабитуальном контексте, например в контексте модификаторов типа *бывало* (*спросит он, бывало...*). Примеры со *стать* в таких контекстах находятся в НКРЯ, однако не в текстах последних десятилетий. Примеры звучат очевидно архаично:

- (62) Некоторые из нас, новичков, *станут* (*будут), *бывало*, *спрашивать* его (Н. А. Полевой. Рассказы русского солдата (1834)).

Такого эффекта не возникает для глагола *начать*:

- (63) Какой-нибудь трезвый собеседник *начнет*, *бывало*, *ее убеждать*, что от человека надо брать то, что он может дать, и не требовать невозможного, но Анна Семеновна посмотрит на него непонимающими глазами и махнет рукой (Г. И. Чулков. Годы странствий (1930)).

Ср. также следующий пример середины XX в., в котором использованы оба глагола. Употребление *стать* здесь кажется вполне нормальным, однако его приемлемость снижается, если поменять глаголы местами и по-

¹³ «???» означает отсутствие примеров в Основном корпусе. Проверялись контексты: а) *станет*, *бывало*, инф., б) *все никак не станет* инф., в) *как станет* инф.

ставить *стать* ближе к *бывало* ([?]*Станет, бывало, Алмазов рассказывать ... или начнет жаловаться*).

- (64) *Начнет, бывало, Алмазов рассказывать ей про свои тяжелые думы в госпитале или станет жаловаться, что от работы отвык...* (В. Ф. Панова. Ясный берег (1949)).

Видимо, в этом случае можно говорить об окказиональном втягивании конструкции со *стать* в уже заданный режим употребления наглядно-примерного СВ, когда *стать* появляется в данном контексте «незаконно». Такие употребления, вероятно, настоящими хабитуальными употреблениями считать нельзя. Аналогичный процесс наблюдается изредка и для будущего НСВ, для которого этот тип употреблений является в обычном случае неприемлемым и диахронически немотивированным. Ср.:

- (65) То ли дело у нас в Торонто: выйдешь, *бывало*, рано-рано утром на заснеженное крыльцо — выпустить собак. А твой муж подойдет к тебе, поправит растрепанные ветром волосы и жарко-жарко поцелует, уколов своей жесткой бородой. И ты *будешь провожать* его на охоту, долго-долго смотря ему в спину и махая ему рукой, хотя он тебя уже и не видит. И две ваши собаки *будут радостно прыгать* с ним рядом. И *будет вставать* солнце (Г. Лесская. Я ненавижу собак).

2. Презенс напрасного ожидания

Другой характерный контекст нефутуральных употреблений презенса НСВ — это особые употребления под отрицанием вроде *Денег все не соберем*, т. н. презенс напрасного ожидания (см. [Зализняк 1990; Мишина 2012; Зализняк 2015]). Такие употребления доступны для *стать*-связки и для конструкции с *начать*, но не для конструкции со *стать* и не для будущего НСВ:

- (66) Почему iPad *все никак не станет* рабочим инструментом? / ^{???}*все никак не станет* / ^{???}*все никак не будет* / ^{OK}*все никак не начнет продаваться* в магазинах?

3. Поворот сюжета в нарративе

Неприемлемым для инфинитивной конструкции со *стать* кажется характерное для глаголов СВ употребление презентных форм в конструкции с *как*, указывающей на сюжетный поворот в нарративе (*и тут он как V!*). Для *стать*-связки и для глагола *начать* такое употребление вполне возможно. Ср.:

- (67) Собака-то как *зарычит* / ^{OK}*как начнет рычать* / ^{OK}*как примется кричать* / **как станет рычать* / **как будет рычать!* / ^{OK}*как станет человеком!*

Ср., однако, пример из Интернета на грани нормы (в НКРЯ подобных примеров обнаружить не удалось):

- (68) Баба какая-то, как выхватит у меня из рук тарелку и как *станет кричать* на меня (said-lm.livejournal.com).

4.3. Конструкция с глаголом *стать* и нефутуральные значения форм будущего времени: итоги

Приведенный выше материал показывает, что с точки зрения нефутуральных употреблений инфинитивная конструкция со *стать* ведет себя не вполне однозначным образом.

Она (в отличие от семантически близкой конструкции с *начать* и *стать*-связки) почти не допускает нефутуральных употреблений, характерных для глагола СВ (и доступные для него, в частности, за пределами инфинитивной конструкции): ср., однако, наглядно-примерное употребление, устаревшее и все же доступное для *стать*, но не для *быть*. Это говорит в пользу выделенного статуса инфинитивной конструкции со *стать*.

С другой стороны, всех переносных употреблений, свойственных будущему НСВ, конструкция с глаголом *стать* не развивает, не становясь, таким образом, ее полным функциональным аналогом.

Однако все употребления ([?]кроме *да будет*), характерные для будущего НСВ и неприемлемые или низкочастотные для *стать*, оказываются для него возможны в контексте отрицания.

Из нефутуральных употреблений будущего НСВ полностью доступными для *стать* оказываются гипотетическое, а также употребления в оптативной и пермиссивной конструкциях. Недоступными (или доступными в меньшей степени) императивные и гортативные употребления, противоречащие модальному компоненту 'осознанного выбора' конструкции со *стать*.

5. Заключение

Оказавшись к XVIII в. вытесненной из кандидатов в грамматикализованные показатели будущего времени, конструкция *стан(у) делать* в современном русском языке продолжает в некотором объеме конкурировать с грамматикализованной конструкцией будущего времени НСВ (с глаголом *быть*) и может рассматриваться как крайняя периферия грамматической системы. Как показывает анализ примеров из НКРЯ:

1) Конструкция со *стать* в будущем времени не претерпевает никакого специального семантического сдвига, последовательно сохраняя семантику, свойственную ей в нефутуральных употреблениях, а именно акцент на начальной фазе ситуации и идею контраста между обозначаемой ситуацией и предшествующим ей положением дел (в данном случае это контраст с моментом речи).

2) Но при этом она оказывается практически эквивалентна будущему НСВ в тех очень многочисленных случаях, когда собственная семантика *стать* удачным образом накладывается на семантику будущего НСВ.

Дело в том, что для будущего НСВ релевантны те же самые две семантические доминанты, однако в значительно более слабой степени. Таким образом, там, где для конструкции со *стать* имеют место жесткие ограничения на употребление, для будущего НСВ действуют более мягкие тенденции.

Множество контекстов употребления конструкции со *стать* оказывается подмножеством контекстов употребления будущего НСВ: контекстов, в которых возможно было бы употребление *стать*, но не будущего НСВ, практически не обнаруживается.

Конструкция с глаголом СВ *стать* не склонна к употреблению в нефутуральных контекстах, характерных для презенса СВ (что говорит в пользу ее близости к конструкции будущего НСВ). Но нехарактерны для нее и нефутуральные употребления, свойственные будущему НСВ, т. е. полным его функциональным аналогом конструкция со *стать* с этой точки зрения не становится.

Выделенным контекстом для конструкции со *стать* является позиция под отрицанием. В этом контексте она реализует особое модализованное значение осознанного выбора, в связи с чем оказывается гораздо частотнее и конкурирует с будущим НСВ в значительно большем числе контекстов.

Л и т е р а т у р а

Бондарко 1971 — А. В. Б о н д а р к о. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М., 1971.

Борковский, Кузнецов 1963 — В. И. Б о р к о в с к и й, П. С. К у з н е ц о в. Историческая грамматика русского языка. М., 1963. (Переизд.: М., 2010).

Виноградов 1952 — В. В. В и н о г р а д о в. Словообразование и его отношение к грамматике и лексикологии // Вопросы теории и истории языка. М., 1952. С. 99–152.

Зализняк 1990 — А. А. З а л и з н я к. Об одном употреблении презенса совершенного вида («презенс напрасного ожидания») // *Metody formalne w opisie języków słowiańskich*. Białymstok, 1990. С. 109–114.

Зализняк 2015 — Анна А. З а л и з н я к. Презенс совершенного вида в современном русском языке // *Dekonstruktion und Konstruktion. Zwischen Sprach- und Literaturwissenschaft. Festschrift für Ulrich Schweier zum 60. Geburtstag*. München; Berlin; Leipzig; Wien, 2015. (Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 86). S. 293–316.

Зализняк, Шмелёв 2002 — Анна А. З а л и з н я к, А. Д. Ш м е л ё в. Семантика ‘начала’ с аспектологической точки зрения // *Логический анализ языка: Семантика начала и конца* / Н. Д. Арутюнова (ред.). М., 2002. С. 211–224.

Исаченко 1965 — А. В. И с а ч е н к о. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Т. 2. Братислава, 1965. (Переизд.: М., 2003).

Князев 2014 — Ю. П. Князев. Воздействие референции к будущему на противопоставление видов в русском языке // *Acta Linguistica Petropolitana*. Труды Института лингвистических исследований РАН. X (2): Русский язык: грамматика конструкций и лексико-семантические подходы. СПб., 2014. С. 43–70.

Короткова, Сай 2006 — Н. А. Короткова, С. С. Сай. Глагол *стать* в русском языке: семантика, синтаксис, грамматикализация. III Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. СПб., 2006.

Маслов 1948 — Ю. С. Маслов. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // *Известия Академии наук СССР*. VII (4). Отделение литературы и языка. М., 1948. С. 303–316.

Мишина 2012 — Е. А. Мишина. «Ситуация напрасного ожидания» и отрицание // *Русский язык в научном освещении*. 2012. № 24 (2). С. 219–241.

Молдован 2010 — А. М. Молдован. К истории фазового глагола *стать* в русском языке // *Русский язык в научном освещении*. 2010. № 1. С. 5–17.

Падучева 2010 — Е. В. Падучева. Зеркальная симметрия прошедшего и будущего: фигура наблюдателя // *Известия РАН. Серия литературы и языка*. 69 (3). 2010. С. 16–20.

Стойнова 2014 — Н. М. Стойнова. Побудительные употребления форм настоящего и будущего времени в русском языке // *Проблемы языка: Сборник научных статей по материалам Третьей конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых»*. Институт языкознания РАН. М., 2014. С. 240–256.

Стойнова 2016a — Н. М. Стойнова. Аналитическая конструкция будущего времени // *Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики* (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2016.

Стойнова 2016b — Н. М. Стойнова. *Буду делать* vs. *стану делать* как конкурирующие средства выражения будущего времени в русском языке: данные НКРЯ // Доклад, представленный на рабочем совещании по типологии футурально-перспективной семантической зоны. 8–10 декабря 2016 г., Санкт-Петербург, ИЛИ РАН. 2016.

Храковский 1987 — В. С. Храковский. Семантика фазовости и средства ее выражения // *Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность* / А. В. Бондарко (ред.). Л., 1987.

Храковский, Володин 1986 — В. С. Храковский, А. П. Володин. Семантика и типология императива. Русский императив. Л., 1986.

Carlson 1982 — G. Carlson. Generic terms and generic sentences // *Journal of Philosophical Logic*. 11. 1982.

Ferrell 1953 — J. Ferrell. On the aspects of *byt'* on the position of the Periphrastic Imperfective future in contemporary Russian // *Slavic World*. 2. 1953. P. 362–376.

Grenoble 1995 — L. Grenoble. The Imperfective Future Tense in Russian // *Word*. 46 (2). 1995. P. 183–205.

Jakobson 1957 — R. Jakobson. Shifters, verbal categories and the Russian verb. Cambridge (Mass.), 1957. (Рус. пер.: Р. Якобсон. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // *Принципы типологического анализа языков различного строя* / О. Г. Ревзина (ред.). М., 1972. С. 95–113.

Swan 2012 — O. Swan. Why *budu*? // *Russian Linguistics*. 36 (3). 2012. P. 305–318.

Статья получена 16.10.2018

NATALYA M. STOJNOVA

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
stoynova@yandex.ru

**IMPERFECTIVE FUTURE AND THE INFINITIVE CONSTRUCTION
OF THE VERB *STAT'* ('BECOME') IN MODERN RUSSIAN:
COMPETING MARKERS**

The paper deals with the competition of two future tense markers in Modern Russian: grammaticalized imperfective future tense form “*byt'* ‘be’ + infinitive” and “undergrammaticalized” construction “*stat'* ‘become’ + infinitive”. Basing on the data of the Russian National Corpus, two types of contexts are pointed out: those shared by these two constructions and those in which they are not interchangeable; for each type a semantic explanation is proposed. The data show that the *stat'*-construction, though acting in many instances as a full equivalent of the *byt'*-future, nevertheless consistently preserves semantic features of its non-future uses, namely, the inchoative and the contrastive semantics. The synonymy of the two constructions under consideration is supported by the fact that exactly the same semantic components, although to a lesser extent, are relevant for the *byt'*-future.

Keywords: future tense, ‘be’-futures, the verb *statj*, phasal verbs, auxiliary verbs, grammaticalization.

References

- Bondarko, A. V. (1971). *Vid i vremya russkogo glagola (znachenie i upotreblenie)*. Moscow: Prosveshchenie.
- Borkovskiy, V. I., & Kuznetsov, P. S. (1963). *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka*. Moscow: Nauka.
- Carlson G. (1982). Generic terms and generic sentences. *Journal of Philosophical Logic*, 11(2), 145–181.
- Ferrell, J. (1953). On the aspects of *byt'* on the position of the periphrastic imperfective future in contemporary Russian. *Word*, 9(4), 362–376.
- Grenoble, L. (1995). The imperfective future tense in Russian. *Word*, 46(2), 183–205.
- Isachenko, A. V. (1960). *Grammaticheskij stroj russkogo jazyka v sopostavlenii so slovackim* (Vol. 2). Bratislava: Izd-vo Slovackoj AN.
- Jakobson, R. (1957). *Shifters, verbal categories and the Russian verb*. Cambridge (MA): Harvard Univ. Press.
- Khrakovskiy, V. S. (1987). Semantika fazovosti i sredstva ee vyrazheniya. In A. V. Bondarko (Ed.), *Teoriya funkcional'noy grammatiki. Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'*. Leningrad: Nauka.
- Khrakovskiy V. S., & Volodin A. P. *Semantika i tipologiya imperativa. Russkiy imperativ*. Leningrad: Nauka.
- Knyazev, Yu. P. (2014). Vozdeystvie referentsii k budushchemu na protivopostavlenie vidov v russkom yazyke. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanij RAN*, 10(2), 43–70.
- Korotkova, N. A., & Saj S. S. (2006). Glagol stat' v russkom yazyke: semantika, sintaksis, grammatikalizatsiya. In *III Konferencija po tipologii i grammatike dlja molodyh issledovatelej*. Sankt-Peterburg: Nestor Isroriya.

Maslov, Yu. S. (1948). Vid i leksicheskoe znachenie glagola v sovremennom russkom literaturnom yazyke. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Otdelenie literatury i yazyka*, 7(4), 303–316.

Mishina, E. A. (2012). «Situatsiya naprasnogo ozhidaniya» i otritsanie. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2, 219–241.

Moldovan, A. M. (2010). K istorii fazovogo glagola stat' v russkom yazyke. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 1, 5–17.

Paducheva, E. V. (2010). Zerkal'naya simmetriya proshedshego i budushchego: figura nabljudatelja. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*, 69(3), 16–20.

Stojnova, N. M. (2014). Pobuditel'nye upotrebleniya form nastoyashchego i budushchego vremeni v russkom yazyke. In *Problemy yazyka: Sbornik nauchnykh statey po materialam Tret'ey konferentsii-shkoly «Problemy yazyka: vzglyad molodykh uchenykh»* (pp. 240–256). Moscow.

Stojnova, N. M. (2016a). Analiticheskaya konstruktsiya budushchego vremeni. In *Materialy dlja proekta korpusnogo opisanija russkoj grammatiki* (unpublished manuscript). Retrieved from: <http://rusgram.ru>.

Stojnova, N. M. (2016b). *Budu delat' vs. stanu delat' kak konkuriruyushchie sredstva vyrazheniya budushchego vremeni v russkom yazyke: dannye NKRRJa* (conference talk, Saint Petersburg, ILI RAN).

Stojnova, N. M. (2014). Pobuditel'nye upotrebleniya form nastoyashchego i budushchego vremeni v russkom yazyke. In *Problemy yazyka: Sbornik nauchnykh statey po materialam Tret'ej konferentsii-shkoly «Problemy yazyka: vzglyad molodykh uchenykh»* (pp. 240–256). Moscow: Institut yazykoznaniya RAN; Kantsler.

Swan, O. (2012). Why budu? *Russian Linguistics*, 36(3), 305–318.

Vinogradov, V. V. (1952). Slovoobrazovanie i ego otnoshenie k grammatike i leksikologii. *Voprosy teorii i istorii yazyka v svete trudov I. V. Stalina po yazykoznaniyu* (pp. 99–152). Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR.

Zaliznyak A. A. (1990). Ob odnom upotreblenii prezensa sovershennogo vida («prezens naprasnogo ozhidaniya»). In *Metody formalne w opisie jezyków słowiańskich* (pp. 109–114). Białystok: UwB.

Zaliznyak, A. A. (2015). Prezens sovershennogo vida v sovremennom russkom yazyke. In E. Graf, I. Mendoza, & B. Sonnenhauser (Eds.), *Dekonstruktion und Konstruktion. Zwischen Sprach- und Literaturwissenschaft. Festschrift für Ulrich Schweier zum 60. Geburtstag* (pp. 293–316). München; Berlin; Leipzig; Wien: Kubon&Sagner.

Zaliznyak, A. A., & Shmelyov, A. D. (2002). Semantika 'nachala' s aspektologicheskoy tochki zreniya. In N. D. Arutjunova (Ed.), *Logicheskij analiz yazyka: semantika nachala i kontsa* (pp. 211–224). Moscow: Indrik.

Received on 16.10.2018

Т. В. КРЫЛОВА

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
ta-kr@yandex.ru

РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ НАУЧНЫМИ И НАИВНО-ЯЗЫКОВЫМИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯМИ О КЛАССИФИКАЦИИ ЖИВЫХ СУЩЕСТВ*

В данной статье рассматриваются зоонимы — слова, обозначающие классы живых существ (*зверь, зверек, зверюшка, птица, рыба, насекомое, скотина, червь, червяк, гусеница, мошка, мошкa, гнус, букашка, козявка, мотылек, живность, фауна, животный мир, живое существо*). Цель настоящего исследования состояла в том, чтобы на основе анализа употребления перечисленных зоонимов попытаться воссоздать обиходную классификацию живых существ, определив ее узловые понятия и установив отношения между ними, а также определить отличия обиходной классификации от научной. Попутно мы ставили конкретные лексикографические задачи, к ним относятся: описание полисемии всех перечисленных выше слов, построение их толкований в каждом из значений, а также описание семантических различий между близкими словами и лексемами.

Как мы обнаружили, большая часть расхождений между научными и наивно-языковыми представлениями в сфере зоологии обусловлена несовпадением в наборе релевантных признаков. Для научной сферы первостепенную важность имеют такие признаки, как место живого существа в иерархии, внутреннее строение, различные биологические особенности организма (в частности, способ размножения). Для наивной картины мира центральными являются внешние признаки живого существа (внешнее строение, размер, тактильные характеристики, характер внешнего покрова), а также такие признаки, как способность двигаться и способ передвижения, тип питания, характер среды обитания и вредоносность для человека.

Ключевые слова: семантика, лексикография, полисемия, классификация, наивно-языковые представления, зоонимы.

Введение

Непосредственным объектом нашего изучения являются родовые зоонимы — лексические единицы (слова, лексемы и устойчивые сочетания

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ на 2019–2021 гг. № 19-012-00291 А «Подготовка четвертого выпуска Активного словаря русского языка».

слов), которые обозначают обобщенные классы живых существ¹. Эти классы близки к тому, что в биологии называют таксономическими группами, или таксонами. Под таксоном в биологии понимается любая группа живых существ (вид, отряд, класс и пр.), выделяемая при их систематизации и предполагающая иерархический характер классификации. В данной статье мы будем рассматривать не только слова, обозначающие таксоны в их классическом понимании, но и названия групп существ, не являющихся таксонами. Сюда относятся: 1) названия групп существ, которые выделяются не на основании иерархической, а на основании фасетной² (многоаспектной) классификации (элементы такого рода классификации могут использоваться как в обиходе, так и в науке — ср. понятие *скот, домашнее животное*). 2) Названия групп существ, которые не являются отдельным таксоном (ср. слово *гусеница*, которое в зоологии обозначает не отдельный разряд существ, а фазу развития бабочек, или же сочетание *дикое животное*, которое используется в научном языке, но не обозначает конкретной группы существ даже в рамках фасетной классификации, в отличие, скажем, от сочетания *домашнее животное, сельскохозяйственное животное*). 3) Названия групп существ, которые представляют собой не один определенный таксон, а совокупность различных таксонов (например, *животный мир, фауна*). Хотя все эти типы слов не обозначают таксоны в строгом понимании, тем не менее мы в целях удобства будем использовать применительно к ним этот термин.

В статье используются три термина: родовое понятие, таксон и зооним. Хотя они близки друг к другу, ставить между ними знак равенства было бы неверно. Значение родового понятия, как правило, богаче, чем таксон, который за ним стоит, и не сводится к нему; нередко два понятия, за которыми стоит один и тот же таксон, различаются по значению, как, например, обиходные понятия «мóшка» и «мошкара», «букашка» и «козявка», «червь» и «червяк». Эти различия могут сводиться к наличию/отсутствию собирательности (мóшка и мошкара) или же к несовпадению в наборе признаков. Так, понятия «червяк» и «червь» в обиходе различаются в том чис-

¹ Иногда провести границу между словами, обозначающими роды и виды животных, достаточно трудно. Так, *змея, жук, муха* тяготеют к родовым обозначениям, а *лягушка, краб, рак, клещ* — к видовым. По этой причине для слов первой группы более типично употребление в качестве Genus proximum в составе дефиниций (*Слепень — большая муха, которая больно кусается*), а также употребление в контексте слов *такие, как..., ...и другие <остальные>*; ср. более типичное *...такие змеи <жуки>, как..., ...и другие <остальные> змеи <жуки>* при менее типичном *такие лягушки <крабы, раки, клещи>, как..., ...и другие <остальные> лягушки <раки, крабы, клещи>* (последнее сочетание звучит естественно, если только *лягушки* и пр. употреблены в конкретно-референтном статусе).

² Этот метод, в отличие от иерархического, подразумевает параллельное разделение множества объектов на независимые классификационные группировки по разным аспектам.

ле тем, что червяк в среднем крупнее червя — микроскопических двухмиллиметровых нематодов, живущих в почве, мы скорее назовем *червями*, чем *червяками* (см. об этом в разделе 1.2.4). Понятие «червь», в свою очередь, тоже имеет специфические компоненты, которые отсутствуют в значении понятия «червяка»: один из них — связь с идеей разрушения. Аналогичным образом, букашка отличается от козявки наличием компонента 'безобидность'. Что касается зоонима, то его значение еще богаче, чем значение соответствующего родового понятия: в него входят, помимо всего прочего, оценки и коннотации. В качестве иллюстрации можно привести зоонимы *зверюшка* и *зверек*, которые обозначают практически одно и то же понятие, однако различаются характером оценки (см. раздел 1.2.1).

Цель данной статьи состоит в том, чтобы на основе анализа употребления зоонимов попытаться воссоздать обиходную классификацию живых существ, определив ее узловые понятия и установив отношения между ними, а также в том, чтобы определить отличия обиходной³ классификации от научной. Попутно мы решаем конкретные лексикографические задачи: к ним относятся описание полисемии слов-зоонимов, построение их толкований в каждом из значений, а также описание семантических различий между близкими словами и лексемами.

Выводы о вхождении существ в тот или иной класс делаются на основании возможности их подстановки в определенные синтаксические конструкции. Назовем основные из них. (Здесь A1 — название живого существа более низкого ранга, A — название существа более высокого ранга.)

1) Такие A, как A1... (*Такие звери, как волки...*); 2) A1 и другие A... (*Волки и другие звери...*); 3) Различные A: A1, A2... (*Различные звери: волки, лисы, медведи...*); 4) A1, A2 — все A... (*Волки, лисы, медведи — все звери...*); 5) A, особенно <кроме, включая, в том числе, в частности и пр.> A1... (*Все звери, особенно волки...*); A1 — AdjA (*Волки — лесные звери*); 6) A1 — A (*Волки — звери*).

Следует отметить, что из всех перечисленных конструкций последняя (*Волки — звери*), на наш взгляд, обладает наименьшей диагностической силой, потому что в данном случае нужный нам смысл (отнесение существа A1 к классу A) входит не в пресуппозицию, а в ассерцию высказывания. Между тем, как отмечал А. Д. Шмелев⁴, наивно-языковые представления

³ Следует разграничить разные употребления слова *обиходный*. С одной стороны, это слово может употребляться в сочетаниях типа *обиходный язык*, *обиходные употребления*. В этом случае оно указывает на связь со сферой повседневного общения, противопоставленной научной сфере. С другой стороны, оно может употребляться терминологически, в качестве стилистической пометы, указывая на принадлежность слова к сниженному речевому регистру (обиходные слова занимают промежуточное положение между нейтральными и просторечными). В данной статье слово *обиходный* используется главным образом в первом понимании.

⁴ Материал устного сообщения, сделанного на семинаре в Институте проблем передачи информации.

всегда содержатся в пресуппозиции, на втором плане высказывания, представляя собой скрытую, фоновую часть смысла, его глубинный слой. Смыслы, составляющие ассертивную часть высказывания, могут отражать не языковые представления, а научные взгляды, усвоенные говорящим. Так, один и тот же человек может произнести фразы: *Между прочим, арбуз — ягода* и *Купи каких-нибудь фруктов — яблок, апельсинов, хорошо бы еще арбуз*; *Оказывается, пингвин — птица* и *Пингины — такие забавные животные!* В первом случае говорящий обнаруживает поверхностно-научные знания⁵, позаимствованные из школьных учебников, научно-популярной литературы и пр., во втором случае — демонстрирует свои фоновые языковые представления. Поскольку научные (или квазинаучные) воззрения, усвоенные говорящим, в отличие от языковых представлений, четко им осознаются и при этом часто воспринимаются как нечто новое, в тех контекстах, в которых он излагает эти воззрения, нередко присутствуют указания на «свежесть» информации, ее новизну для самого говорящего или для адресата («оказывается», «а знаешь», «представляешь себе» и пр.).

В качестве материала для реконструкции наивно-языковых представлений мы будем рассматривать не только слова разговорной окраски (такие как *мошкá, мошкара, живность, червяк, букашка*), но и нейтральные слова (*гусеница, зверь, мотылек* и пр.), поскольку последние, наравне с первыми, тоже входят в состав обиходно-бытового языка.

В статье рассмотрены следующие зоонимы: *зверь, зверек, зверюшка, птица, рыба, насекомое, скотина, червь, червяк, гусеница, мошкá, мошка, гнус, букашка, козявка, мотылек, живность, фауна, животный мир, живое существо*. Всё это слова, употребление которых в науке и обиходе по тем или иным причинам не совпадает (некоторые из них используются только в одной из этих сфер, другие используются в обеих сферах, но имеют неодинаковое значение и т. п.). При этом мы оставляем за пределами рассмотрения те родовые зоонимы, которые в своих основных значениях употребляются приблизительно одинаково в научном языке и обиходе (такие как *бабочка, муха, жук, змея, скот* и пр.).

Основной единицей описания в данной статье является лексема, понимаемая как «слово, взятое в одном из имеющихся у него значений, но во всей совокупности присущих ему в этом значении лингвистически существенных свойств» [Активный словарь русского языка 2014: 7].

В статье проводится различие между лексемами и кругами употребления. Под кругом употребления мы понимаем семантический вариант лексем, который возникает в определенных синтаксических, лексических или грамматических контекстах и который можно считать недоразвившейся лексемой (см. об этом в [Там же: 22]).

⁵ Нередко они являются квазинаучными. Так, представление об арбузе как о ягоде, которое активно распространилось в последние годы, на самом деле не вполне соответствует действительности. По мнению большинства ученых, арбуз следует относить к тыквинам или ложным ягодам.

Для реконструкции наивно-языковых представлений в качестве материала, помимо авторских примеров, мы использовали примеры из Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ), взятые из художественных, публицистических и научно-популярных текстов — во всех этих типах текстов (включая, как ни парадоксально, научно-популярные) отражаются не научные, а скорее наивно-языковые представления, что сближает их язык с обиходно-бытовым языком. Для иллюстрации научных представлений мы использовали примеры из Википедии⁶, а также материалы справочников и учебников по зоологии. На материале Википедии основаны также предлагаемые нами толкования научных лексем. Что касается прочих лексем, то приводимые в статье толкования построены автором на основании принципов Активного словаря [Там же: 14—21]. В некоторых случаях сформулировать точное и полное толкование лексической единицы не представляется возможным (обычно это происходит в силу ее близости к уровню примитивов, как, например, в случае с сочетанием *живое существо*), поэтому для таких случаев мы специально оговариваем «эскизный», «приблизительный» характер толкований.

Необходимо оговориться, что, помимо различий в употреблении существительных-зоонимов в научном и обиходном языке, связанных с делением живых существ на классы, между ними существуют также различия в денотативном статусе. Они состоят в том, что в научном языке, в отличие от обиходного, зоонимы употребляются в первую очередь в родовом (или классифицирующем) статусе. Ср. *Хищники выбраковывают неполноценных особей среди своих жертв*.

Между тем для обиходного языка очень типичны употребления в конкретно-референтном статусе; ср.: *Теперь можно было, пусть и очень приблизительно, оценить, с какой стороны двигался хищник* (А. Зайцев. Загадки эволюции: Краткая история глаза // «Знание — сила», 2003); *Хищники напали на стадо овец*.

Помимо этого, нельзя не отметить различия в употребительности форм ЕД и МН. В научных текстах, в отличие от обиходных, форма МН преобладает над формой ЕД; в определениях используется только первая из них; ср. *Птицы* (лат. *Aves*) — группа теплокровных яйцекладущих позвоночных животных (Википедия).

В дальнейшем мы больше не будем возвращаться к этому типу различий, поскольку наша задача — описание собственно семантических различий между словами, которые позволяют сделать вывод о содержании языковых представлений в сфере зоологии.

⁶ Свободная энциклопедия «Википедия»: статьи «Животные», «Сельскохозяйственные животные», «Дикие животные», «Хищные», «Звери», «Фауна», «Черви», «Гнус», «Мошка», «Мотылек», «Насекомые», «Птицы», «Рыбы», «Таксон», <http://ru.wikipedia.org/wiki/P%...>

Сопоставление наивно-языковых и естественно-научных представлений в сфере зоологии показывает, что между ними существуют следующие типы различий:

А. Таксономические различия.

І. Различия между двумя соотносительными понятиями (или же между двумя понятиями и обозначающими их словами), связанные с объемом, границами, характером и пр. соответствующих таксономических групп.

- 1) Несовпадение объема таксонов.
- 2) Различия, касающиеся отношений между двумя таксонами (автономность, тождество, подчинение).
- 3) Несовпадение границ между двумя близкими таксонами.
- 4) Неполное совпадение таксонов (их пересечение).
- 5) Асимметрия между словами и обозначаемыми ими таксонами.
 - а) Омонимия обиходных и научных зоонимов. (Две лексемы одного слова обозначают в научном и обиходном языке понятия, относящиеся к разным таксономическим группам.)
 - б) Синонимия обиходных и научных зоонимов. (Одна и та же таксономическая группа в научном и обиходном языке обозначается разными словами.)

ІІ. Различия в составе таксонов.

- а) В науке присутствуют родовые понятия, отсутствующие в обиходном языке (ср. *эукариоты*, *научнообразные*, *млекопитающие* и пр.).
- б) В обиходе присутствуют родовые понятия, которых нет в научном языке (*скотина*, *зверек*, *зверюшка*, *мошकारа*, *козявка*, *червяк*, *мотылек* и пр.).

В. Нетаксономические различия между понятиями.

- 1) Различия в наборе признаков, не влияющие на характер таксономической группы.
- 2) Различия, связанные с собирательностью.
- 3) Различия в оценках и коннотациях.
- 4) Различия в характере заполнения валентностей. (Различия последних двух типов связаны не столько с родовыми понятиями, сколько со значением конкретных слов, обозначающих их.)

Рассматриваемые различия на языковом уровне проявляются в том, что в обиходе и в научной сфере значения зоонимов иногда существенно расходятся. Вследствие такого рода семантических расхождений у одного и того же слова приходится выделять два круга употребления или даже две разные лексемы, имеющие разную стилистическую принадлежность. Анализируя семантику этих лексем, мы будем делать выводы о том, в чем состоят различия между соответствующими понятиями в научной и обиходной картине мира.

1. Таксономические различия

1.1. Различия, связанные с объемом, границами, характером и пр. аналогичных таксономических групп в науке и обиходе

1.1.1. Несовпадение объема таксономических групп

Этот тип расхождений между наивно-языковыми и научными представлениями в сфере зоологии является самым распространенным. При этом, как правило, понятие, принятое в обиходе, является более узким по содержанию и обозначает таксон меньшего объема, чем понятие, используемое в научной сфере, что отражается на значении соответствующих зоонимов. В качестве примера можно привести такие слова, как *животное*, *хищник*, *хищный*, *живое существо*, *рыба*, *зверь*⁷. С другой стороны, возможно и обратное соотношение, когда значение понятия (и соответствующего зоонима) в обиходе уже, чем в науке. В качестве примера можно привести такие слова, как *мотылек*, *хищник*, *насекомое*. Начнем с первой группы зоонимов: из них мы рассмотрим в данной статье только три последних.

1.1.1.1. Живое существо⁸

Выражение *живое существо* близко к уровню примитивов, поэтому сформулировать его значение достаточно трудно. В научных текстах оно понимается максимально широко и является синонимом *живого организма*. Можно предложить следующее толкование рассматриваемого выражения в его научном понимании (безусловно, неполное и нуждающееся в уточнениях): ‘физический объект, состоящий из органических веществ, внутри которого идут процессы обмена с окружающей средой с устойчивым преобладанием процессов синтеза над процессами распада, который развивается и способен размножаться’. Тем самым, в научных текстах сочетание *живое существо* может употребляться применительно к любым живым организмам, включая растения и грибы:

- (1) *Живые существа — представители всех 5 биологических царств на Земле (археобактерии, бактерии, грибы, растения, животные и представители вида «Человек»)* (Википедия);
- (2) *Биология — система наук, объектами изучения которой являются живые существа и их взаимодействие с окружающей средой* (Википедия);

⁷ Описание слов *животное*, *хищный*, *хищник* см. в статье [Крылова 2019].

⁸ Мы не рассматриваем здесь само слово *существо*, поскольку его значение далеко от сферы зоологии: это слово может употребляться не только применительно к живым созданиям, которые реально существуют и имеют материальную природу, но и к нематериальным существам (в том числе различным вымышленным существам, персонажам сказок и мифов и пр.). Ср.: *Домовой — мифическое существо, живущее в доме; ангелы и другие бесплотные существа; Бог — высшее существо*.

- (3) *Все чувственные сущности представляют собой составное из формы и материи: таковы прежде всего живые существа — растения и животные, а также небесные светила (их Аристотель, как известно, тоже считал живыми индивидуумами)* (П. П. Гайденоко. Бытие и разум // Вопросы философии, 1997, № 7).

В обиходе значение данного выражения существенно уже: так, растение или гриб мы едва ли назовем в быту *живым существом*; ср. *странное растение и другие живые существа*.

На наш взгляд, причина этого кроется в том, что в наивной картине мира подвижность является дифференциальным признаком, отличающим живые существа от прочих объектов живой природы. Именно из-за неподвижности растения и грибы трудно отнести к живым существам, тогда как значительно более простые по строению организмы, способные двигаться (например, одноклеточные организмы типа инфузории или сперматозоида и даже бактерии), мы легко относим к этому разряду. Ср.:

- (4) *Если посмотреть на каплю воды род микроскопом, можно увидеть множество крошечных живых существ*;
 (5) *Инфузории и другие живые существа*;
 (6) *Природа делит все живые существа, начиная со сперматозоидов и кончая высшими животными, на вожakov и членов стада* (В. Войнович. Москва 2042 (1986));
 (7) — *Никакого Бога нет. Сама посудя: разве можно было создать Землю за каких-нибудь шесть дней? Она биллионы лет была раскалена, может, триллионы лет охлаждалась. Ну, естественно, появились на ней живые существа, крохотные, вроде бактерий* (С. Липкин. Записки жильца (1962—1976).

Гипотезу о том, что в языковом сознании подвижность является важнейшим признаком, отличающим живое от неживого, подтверждают различные языковые факты, в частности наличие у слов *живой* и *мертвый* коннотаций подвижности/неподвижности, на основании которых возникли такие устойчивые выражения, как *живой камень* [подвижный], *мертвый итиль* [такой, при котором полностью отсутствует движение], *живая нитка* [такая, которая не закреплена].

Таким образом, можно предложить следующее (опять-таки неполное и несовершенное) толкование выражения *живое существо* в его обиходном понимании: ‘то, что живет и двигается’.

1.1.1.2. Рыба

В обиходном языке существует тройная оппозиция гиперонимов — *птица* — *животное* — *рыба*. Первые два члена этой оппозиции и отношения между обозначаемыми ими таксонами будут рассмотрены в разделе 1.1.3. Здесь мы рассмотрим третий член оппозиции — слово *рыба*.

Применительно к этому слову можно говорить о двух лексемах — обиходной (*рыба 1*) и научной (*рыба 2*). Вторая из них толкуется так: *рыбы 2* — ‘группа челюстноротых позвоночных животных, которые дышат с помощью жабр и обитают в воде’⁹.

Как мы видим, данная лексема имеет предельно широкое значение и не накладывает ограничений на внешний вид живых существ. Это резко отличает ее от обиходной лексики *рыба 1*: последняя содержит в своей семантике ряд компонентов, характеризующих внешний вид соответствующего класса живых существ.

Приведем толкование обиходной лексики *рыба 1*: ‘живое существо, имеющее удлиненное тело, расположенное горизонтально и покрытое чешуей, с веерообразным хвостом и плавниками, которое обитает в воде и дышит с помощью жабр’.

За счет большого количества компонентов, характеризующих внешний вид обозначаемых существ, *рыба 1* имеет более узкое значение, чем *рыба 2*: так, человек, который никогда раньше не видел шарообразную рыбу-ежа, покрытую колючками, и не знает ее названия, едва ли назовет ее *рыбой*. По той же причине различные морские обитатели типа ската или морского конька, которые имеют нестандартный внешний вид, не укладывающийся в вышеназванный прототип, в обиходе обычно не относятся к рыбам. Ср. следующий пример из интернета, который является весьма показательным и отражает затруднения, которые возникают в обиходе при отнесении морского конька к тому или иному классу существ:

- (8) *Его [морского конька] внешний вид и некоторые особенности жизни отличаются от представителей морской среды. Среди ценителей подобных особей распространен вопрос: морской конек — это рыба или животное (Рыбки. гуру).*

Ср. также не вполне естественное:

- (9) *Такая рыба, как морской конек <скат>.*

Если же в обиходном языке возникает необходимость подобрать родовое слово для таких «непрототипических» существ, как морской конек, скат и пр., обычно используется сочетание *морские обитатели, морская живность*.

1.1.1.3. Зверь¹⁰

У слова *зверь*, опять-таки, целесообразно выделить две лексемы: научную (*зверь 2*) и обиходную (*зверь 1*). Первая из них, используемая в языке зоологии, употребляется только в родовом статусе и имеет очень широкое

⁹ Следует отметить, что, поскольку таксон «рыбы» относится к разряду парафилетических, а не монофилетических, он является законным таксоном только в рамках эволюционной таксономии, но не в рамках кладистики.

¹⁰ См. также [Активный словарь русского языка 2018: 709].

значение; она может быть истолковано как ‘живородящие млекопитающие’. Ср.:

- (10) *Звери, или терии (лат. Theria) — подкласс млекопитающих, объединяющий всех современных живородящих млекопитающих, которые рожают детёнышей без откладывания яиц (включая как плацентарных, так и сумчатых). Почти все современные млекопитающие, включая людей, — звери (терии). Подклассу зверей среди млекопитающих противопоставлен подкласс яйцекладущих первозверей (Википедия).*

Таким образом, в состав *зверей* в их научном понимании входят все млекопитающие, за исключением таких животных, как утконос. Между тем значение лексемы *зверь I*, используемой в обиходном языке, является значительно более узким.

Прежде всего, *зверь I* употребляется, как правило, применительно к диким животным; ср. не вполне стандартный пример (11), а также несколько сдвинутые употребления типа (12), которые обычно встречаются в шуточном контексте:

- (11) *Собаки, кошки и другие звери;*
 (12) *Кошка (собака) — умный зверь; Собака — выносливый зверь*¹¹.

Кроме того, *зверь I* обычно употребляется применительно к животным, покрытым мехом; ср. не вполне естественный пример (13) и устаревший или специальный пример (14):

- (13) *Крокодил (анаконда) — опасный зверь;*
 (14) *Тюлень (морж) — промысловый зверь.*

Наконец, в обиходном языке слово *зверь* употребляется только применительно к хищникам; буйвола, оленя, лося или бобра мы не назовем этим словом; ср. странное

- (15) *Лось — очень крупный зверь* (в норме мы говорим *Лось — очень крупное животное*).

Прототипически лексема *зверь I* используется применительно к медведям, волкам, лисам и различным кошачьим (тиграм, львам, леопардам, пумам, рысам и пр.), относительно которых мы точно знаем, что они хищники; применительно к малознакомым животным мы едва ли употребим это слово; так, панду мы скорее назовем животным, чем зверем.

Таким образом, значение лексемы *зверь I* можно сформулировать так: ‘достаточно крупное дикое хищное животное, по размеру соотносимое с человеком и покрытое мехом’.

¹¹ При этом, как правило, слово *зверь* употребляется в предикативной функции в сочетании с прилагательным, указывающим на внутренние свойства или физические качества, обычно положительно оцениваемые.

Данная лексема допускает расширенные употребления, в которых снимаются некоторые семантические компоненты. Поскольку такая модификация значения связана с определенными условиями (прежде всего грамматическими и сочетаемостными), в этом случае следует говорить не об отдельных значениях, а лишь о кругах употребления.

1) Прежде всего многие компоненты, релевантные для лексемы *зверь* 1, снимаются в форме МН *звери*.

В этой форме рассматриваемая лексема получает возможность использоваться применительно к животным, не относящимся к хищникам и не обязательно покрытым мехом (особенно при перечислении); ср.:

- (16) *В лесу водятся волки, зайцы, ежи и другие звери; В цирковом номере участвовали разные звери — тигры, кенгуру, морские коты; Она любила всяких зверей, особенно барсуков и оленей.*

Таким образом, форма МН *звери*, по сути, является синонимом сочетания *дикие животные* (отсюда типичные сочетания *дикие звери*, *лесные звери*). Ср.:

- (17) *Особенно много было черепов — потому, наверно, что они оказывались слишком тяжёлыми для мелких грызунов, а звери покрупнее боялись подходить близко к грохочущей жёлтой стене* (В. Пелевин. Желтая стрела (1993)).

Форма *звери* входит в устойчивое сочетание *звери и птицы*, которое, как показывают данные НКРЯ, в четыре раза превосходит по употребительности сочетание *животные и птицы*. Поскольку форма *звери* обозначает диких животных, под ее влиянием слово *птицы* в описываемом сочетании тоже обозначает исключительно диких птиц; ср.:

- (18) *Звери и птицы оставляли насиженные места, перебирались туда, где поглуше, потише, где никто их не потревожит* (О. Тихомиров. Осенние страницы // «Мурзилка», 1999);
(19) *Звери и птицы не зря избегают общения с человеком* (В. Бурлак. Хранители древних тайн (2001)).

Более того, в некоторых контекстах, обычно в сочетании с прилагательным, форма МН *звери* допускает максимально расширенное употребление, приобретая способность использоваться применительно к домашним животным и даже к птицам. (Последнее, как правило, возможно при условии, что в состав совокупности, о которой идет речь, входят также животные.) Так, сочетание *игрушечные звери* может использоваться применительно к изображениям любых животных, в том числе кошки, собаки, овцы и даже утки; ср.:

- (20) *На кресле сидели игрушечные звери — плюшевый кот, меховая собака, пластмассовая утка.*

Аналогичным образом сочетание *дрессированные звери* может обозначать не только слонов и тигров, но и кошек, собак и коз.

Ср. также следующий контекст, где речь идет о фольклорных персонажах:

- (21) *В русской сказке роль волшебников часто играли добрые звери: серый волк, конек-горбунок, кот, петух или медведь* (Вс. В. Иванов. Дневники (1940—1948)).

2) В составе терминологического сочетания *пушной зверь* лексема *зверь* 1 может использоваться применительно к животным, которые не являются хищниками, таким как бобр, а также к достаточно мелким хищным животным, например к норке, нутрии, горностаю, соболу.

Подобно лексемам *хищный* 1, *хищник* 1, *зверь* имеет коннотацию жестокости и кровожадности, на основании которой сформировалось переносное значение *зверь* 3 ('жестокий человек').

1.1.1.4. Хищник и насекомое

Хотя обычно объем понятий в сфере обихода уже, чем в научной сфере (и, соответственно, значение обиходных зоонимов уже, чем значение научных зоонимов), возможно и обратное соотношение, когда значение понятия (и соответствующего зоонима) в обиходе уже, чем в науке. Нередко это связано с тем, что слова, которые в обиходе обозначают класс живых существ, в научной сфере приобретают более узкое значение, становясь названием конкретного вида или отряда живых существ. Примером этого может служить слово *хищник*. Наряду с обиходной лексемой *хищник* 1, имеющей толкование 'животное, которое охотится на других животных или поедает их мясо', у слова *хищник* выделяется научная лексема *хищник* 3 со значением 'животные, принадлежащие к особому отряду млекопитающих, состоящему из подотрядов собакообразных и кошкообразных'¹², представители которого охотятся на позвоночных'¹³. Таким образом, если в обиходе *хищник* используется применительно ко всем плотоядным животным без исключения (в частности, крокодилам), то в научной номенклатуре это слово обозначает особый отряд млекопитающих. (См. подробно о словах *хищник*, *хищный* в статье [Крылова 2019].)

Аналогичным образом слово *мотылек* в научном языке обозначает таксон более низкого ранга, чем в обиходном языке, — а именно конкретный вид бабочек (см. раздел 1.1.2.1).

¹² В состав собакообразных входят псовые (собаки, волки, лисы), а также медвежьи, скунсовые, енотовые, куньи и пр., в состав кошкообразных — кошачьи (кошка, тигр, гепард и пр.), мангустовые, гиеновые и пр.

¹³ Помимо этого значения, у слова *хищник* в научном языке есть еще одно, более широкое значение — живые организмы, которые поедают другие живые организмы; ср. *хищные растения* (<грибы, одноклеточные>); см. об этом в [Крылова 2019].

Помимо этого, более узкое значение понятия в обиходе по сравнению с научной сферой может объясняться тем, что научная картина мира вводит различия, нерелевантные для обиходного сознания. Примером этого может служить классификация беспозвоночных членистоногих. В зоологии данный тип подразделяется на следующие классы: насекомые, паукообразные (к ним относятся, в частности, паук, клещ, скорпион), ракообразные, многоножки. Первые два класса различаются своим строением: количеством отделов (тело насекомых состоит из 3 отделов, тело паукообразных — из 2), наличием крыльев (у паукообразных они отсутствуют), количеством конечностей (у насекомых их 3 пары, у паукообразных — 4). В результате слово *насекомые* в научном круге употреблений толкуется так: ‘класс беспозвоночных членистоногих с трахейным дыханием, телом, состоящим из трех отделов и покрытым хитином, парой крыльев и тремя парами конечностей, имеющих жизненный цикл, который состоит из трех или четырех фаз (яйца, личинки, куколки и имаго)’.

Между тем в языковой картине мира различия между классами насекомых и паукообразных игнорируются, в результате чего паук, клещ и скорпион попадают в класс насекомых; ср. нормальное

- (22) *Мухи, пауки и другие насекомые; Скорпион — смертельно опасное насекомое;*
 (23) *У меня по спине ползет какое-то насекомое, посмотри, не клещ ли это.*

В результате объем понятия «насекомое» в наивной картине мира оказывается шире¹⁴, чем в научной. Это отражается на значении, которое принимает слово *насекомое* в обиходном круге употреблений; его можно сформулировать так: ‘небольшое существо, тело которого обычно покрыто жесткой, но не очень прочной оболочкой, с тремя-четырьмя парами тонких членистых конечностей, часто имеющее крылья и обычно живущее на суше’.

1.1.2. Различия, касающиеся отношений между таксонами. *Животное, птицы, рыбы, насекомое*

Указанный тип различий можно проиллюстрировать прежде всего на примере названий крупных классов существ, таких как *животные, птицы, рыбы, насекомые* и пр. В составе научной классификации понятие «животные» имеет предельно широкое значение — в него входят все живые организмы, за исключением растений и грибов; ср. толкование научной лексики *животное* 2: ‘биологическое царство, включающее в себя организмы, которые питаются органическими веществами и способны активно пере-

¹⁴ С другой стороны, личинки некоторых насекомых, как мы видели, могут выводиться из состава насекомых, попадая в разряд червей (например, мотыль, мучной червь и пр.) или образуя отдельный вид (гусеницы), см. разделы 1.1.2.2. и 1.1.3.

двигаться, а также сами эти организмы' (см. [Крылова 2019]). Между тем в обиходе объем соответствующего понятия существенно уже — в него входят главным образом млекопитающие; ср. толкование обиходной лексемы *животное 1* — 'достаточно крупное живое существо, обычно имеющее четыре конечности и волосяной покров'¹⁵ [чаще всего используется применительно к существам, которые выкармливают детенышей молоком; не используется применительно к червям и насекомым]. Тем самым такие классы существ, как рыбы, насекомые, змеи, черви, которые в обиходе являются отдельными таксономическими группами, противопоставленными животным, в научной картине мира входят в состав последних на правах подкласса.

1.1.2.1. Мотылек и бабочка

Помимо этого, различия, касающиеся отношений между таксонами, можно проиллюстрировать на примере слов, обозначающих таксоны более низкого уровня, таких как *мотылек* и *бабочка*. Слово *мотылек*, как большинство рассматриваемых нами слов, двуславно: оно имеет обиходную лексему *мотылек 1* и научную лексему *мотылек 2*. Вторая из них используется только в составе сочетания *луговой мотылек*, которое обозначает один из видов бабочек. Сочетание *луговой мотылек* может быть истолковано так: 'бабочка из семейства огневок-травянок размером около 12 мм с крыльями серовато-коричневого цвета, в сложенном виде образующими треугольник, активная в темное время суток и способная перелетать на большие расстояния, гусеница которой питается листьями растений и является опасным сельскохозяйственным вредителем'. Ср.:

(24) *Луговой мотыльк* — вид бабочек из семейства огнёвки-травянки, многоядный вредитель (Википедия).

Таким образом, согласно научным представлениям мотыльки не образуют самостоятельной таксономической группы, а включаются в отряд бабочек (в данном случае можно говорить об отношениях подчинения между соответствующими понятиями). Между тем в соответствии с языковыми представлениями мотыльки рассматриваются как отдельный, самостоятельный класс насекомых, который выделяется наряду с бабочками; ср.:

¹⁵ Таким образом, в языковой картине мира основными признаками животного является волосяной покров, большой размер и наличие двух пар конечностей; см. об этом в [Крылова 2019]. (О том, что в наивной картине мира к животным относятся существа, имеющие четыре ноги, см. также в статье [Шмелева, Шмелев 2009: 117].) При этом для отнесения к разряду животных обычно достаточно наличия хотя бы двух из перечисленных признаков: мы можем назвать *животным* крупное четвероногое, даже если оно, как слон или бегемот, лишено волосяного покрова; точно так же мы относим к *животным* мелких четвероногих, если они покрыты шерстью, как мышь или крыса.

- (25) *Над цветами порхали бабочки и мотыльки; Мотыльки живут еще меньше, чем бабочки;*
- (26) *Воздух перестал быть для нее прозрачным, нет, теперь все его пространство переполнилось траекториями порхающих и уже упорхнувших бабочек и мотыльков, словно те оставляли пунктирные линии после себя* (Н. Горланова. Павлиноглазка (1987—1999)).

Обиходная лексема *мотылек I* противопоставлена *бабочке* по целому ряду признаков.

а) *Мотылек I* отличается от *бабочки* небольшим размером и, как следствие, легкостью, невесомостью; ср. нормальное *гигантская черно-синяя бабочка, большая бабочка, тяжелая тропическая бабочка* при странном *гигантский мотылек, большой мотылек*; ср. также типичное *прозрачный мотылек*, а также:

- (27) *Он не был силен своей смертью, он был самым слабым, мёртвый воробышек, которого не боятся мошки и мотыльки* (В. Гроссман. Жизнь и судьба. Ч. 2 (1960));
- (28) *Словно произошёл с ним удивительный метаморфоз, в результате которого из хищной мохнатой гусеницы появился легкий изящный мотылек, минуя стадию куколки* (Н. Рубан. Тельняшка для киборга (2003) // «Боевое искусство планеты», 2003.10.18).

С компонентом 'легкость' связана коннотация бесплотности, хрупкости, эфемерности, характерная для *мотылька I* (отчасти она поддерживается представлением о коротком сроке его жизни); ср. типичное *мотылек-однодневка*; ср.:

- (29) *По его аллеям петербургская знать в мундирах, кринолинах, статских фраках, кружевных чепцах потекла, словно эфемерный рой мотыльков* (А. Проханов. Господин Гексоген (2001)).

б) *Бабочка* и *мотылек I* различаются периодом активности. *Бабочка* не связывается однозначно с каким-то определенным временем суток (при этом по умолчанию слово *бабочка* подразумевает дневную активность, тогда как *бабочек, летающих ночью*, обычно называют *ночными бабочками*).

Между тем *мотылек I* чаще всего обозначает ночное насекомое и употребляется в контекстах, в которых речь идет о ночи, что подтверждают данные корпуса НКРЯ. (Соотношение «ночных» и «дневных» контекстов среди первых 70 примеров выдачи на слово *мотылек* приблизительно равно 50 : 8).

- (30) *Видно, притягивал его затухавший огонь костра, манил, как лампа летним вечером манит мотылька* (Ю. Коваль. Серая ночь (1972));
- (31) *Ужин наш проходил дружно, весело, уютно, вкусно, хмельно, свободно на террасе, в тёмные стёкла которой бились мотыльки* (В. Аксенов. Пора, мой друг, пора (1963));

- (32) *Мотыльки летят на огонь, на террасе еще не вставили стекла* (М. Кучерская. Тетя Мотя // «Знамя», 2012);
- (33) *Окно открыто, в нем он видит масляную ночь, фонарь над мусорными баками, похожий на сгоревшую спичку и окутанный мотыльками* (А. Иличевский. Перс (2009));
- (34) *В стекло бился все время какой-то мотылек* (М. Шишкин. Письмовник (2009) // «Знамя», 2010).

Указание на ночную активность и на стремление лететь к свету является очень важным компонентом значения *мотылька 1*, который отличает его от бабочки. Ср. типичные сочетания *Мотыльки летят на свет* *⟨кружатся вокруг лампы, бьются в стекло⟩* и пр. На описываемых компонентах значения основано использование *мотылька 1* в сравнительных оборотах, которое является для него чрезвычайно типичным:

- (35) *Дитя, ты не знаешь жизни и летишь, как мотылёк на блестящий огонь* (А. И. Куприн. Гранатовый браслет (1911));
- (36) *Иногда ко мне станут залетать случайные подружки, как мотыльки на нервный свет моего одиночества* (Слава Сэ. Ева (2010));
- (37) *Поэтому, стоит нам объявить тебя новым мессией, как полчища обиженных жизнью и убогих слетятся на свет нового учения как мотыльки* (Н. Дежнев. Принцип неопределенности (2009));
- (38) *Артем зашепел, влекомый этим светом словно мотылек, за колонны, туда, откуда долетал базарный гомон* (Д. Глуховский. Метро 2033 (2005));
- (39) *Он бормотал дантовские строфы, в частности: «Им невдомек, что только черви мы, в которых зреет мотылек нетленный, на Божий суд взлетающий из тьмы»* (В. Аксенов. Новый сладостный стиль (2005)).

Указание на ночную активность сближает обиходную лексику *мотылек 1* с научной лексемой *мотылек 2* (*луговой мотылек*). Отличие *мотылька 1* от *мотылька 2* состоит в том, что второй обозначает конкретный вид ночных бабочек, относящийся к семейству бабочек-огневок, тогда как первый может быть употреблен применительно к любым видам ночных бабочек, если только их размер невелик, — в частности применительно к ряду бабочек-ночниц (другое их название — совки), которые не относятся к семейству огневок.

Различие между *мотыльком 1* и *бабочкой*, связанное с характером периода активности, может, хотя и редко, сниматься: нам встретилось около десятка примеров на употребление слова *мотылек*, в которых речь шла о дневной активности мотыльков. В этом случае сохраняется различие между *мотыльком 1* и *бабочкой*, связанное с размером: первый, в отличие от второй, предполагает акцент на небольшом размере (как в примерах (42) и (43)),

а также легкости (как в примере (44)). Кроме того, лексема *мотылек I* (по-видимому, из-за небольшого размера обозначаемого насекомого) часто используется, когда речь идет о скоплении насекомых, что для *бабочки* менее типично (ср. примеры (41) и (43)).

- (40) *Яркая зелень веселила дорогой голову, и он разглядывал освещенные солнцем окрестности. Порхали мимо мотыльки. {...} Желтый мотылек сел на нос карлице* (Ю. Петкевич. Явление ангела (2001));
- (41) *Открыл «Записки охотника» и стал читать наугад отрывок с описанием летнего дуга. И вдруг счастливо задохнулся, ослеп от солнечного блеска травы, мелькания цветов. От мотыльков, прозрачных в слепящем свете, облепивших пряный цветок* (А. Проханов. Господин Гексоген (2001));
- (42) *Маленький мотылек прилетел, покружился встревоженно, присел на листок хризантемы — и затих* (В. Д. Алейников. Тадзимас (2002));
- (43) *Но как сладко я тогда заснул — в зарослях тамариска, под шум волн, под шакалы всхлипы, утром вся грудь в пестрых мотыльках... или мелких бабочках: треугольные белые крылья, покрытые красными брызгами, посмотреть по определителю, узнать имя* (А. Иличевский. Перс (2009));
- (44) — *А где поцелуй? — Извини, прелесть моя, вот он, легкий и ненавязчивый. Как мотылек на лепесток* (И. Адамацкий. Утешитель // «Звезда», 2001).

в) Еще одно отличие лексемы *мотылек I* от *бабочки* состоит в особенностях полета: в значение слова *мотылек* входит указание на неровный и непредсказуемый характер перемещения, на частую и резкую смену направления¹⁶. Ср. *Мотыльки мечутся (танцуют, пляшут, кружатся)*; ср. также:

- (45) *Ты как мотылек: у меня глаза за тобой не успевают* (А. Берсенева. Полет над разлукой (2003–2005)).

Из компонента ‘частая, резкая смена направления перемещения’ в сочетании с компонентом ‘легкость’ рождается коннотация изменчивости, легкомыслия, беспечности¹⁷, чрезвычайно важная для *мотылька I*. Ср.:

- (46) *Я — однодневка. Мотылек. Сегодня люблю, а завтра ненавижу!* (Ю. Азаров. Подозреваемый (2002));

¹⁶ Слово *мотылек* восходит к праслав. **motylъ* (ср. чеш. *motýl*, польск. *motyl* «бабочка»), которое является производным от **mesti*, **motati se* «кружиться, двигаться рывками» из-за особенностей полета насекомого [ЭССЯ: т. 18, 137; т. 20, 84–85].

¹⁷ Коннотация беспечности может также основываться на том, что *мотылек* перелетает с цветка на цветок, получая пищу в готовом виде и прикладывая минимальные усилия для ее получения, а также на том, что он стремится к свету, несмотря на возможность сгореть.

- (47) Пусть думают, что я шалун, мотылек, что я беспечен и легкомыслен (Л. Зорин. Казанские гастроли // «Новый Мир», 2008);
- (48) Наверное, поняли, что простым избирателям, в особенности женщинам, которые составляют большинство активного электората, скорее понравится правильный мужчина, чем ветреный мотылек-холостяк (Д. Донцова. Уха из золотой рыбки (2004));
- (49) Ванечка прав — она совсем как бабочка. Как мотылек... Папильон. Порхает по жизни, милая и бесполезная... Даже я — та, к которой ушел ее муж, — не вызвала у нее особой ненависти и раздражения (Т. Тренина. Русалка для интимных встреч (2004)).

Итак, можно предложить следующее толкование обиходной лексемы *мотылек I*: ‘небольшое летающее насекомое размером не больше половины мизинца, похожее на бабочку, обитающее в естественных условиях и обычно активное ночью, которое быстро перемещается, часто меняя направление, и которому свойственно перемещаться в направлении источников света’.

Мотылек I обычно выражает положительную эстетическую оценку, которая базируется на компоненте ‘легкость’; ср. (28), а также:

- (50) При воспоминании о минувшей ночи легкая улыбка-мотылек порхала в уголках Инкиных губ (У. Нова. Инка (2004));
- (51) Ранней весной на нем появляются прелестные, легкие, как розовые мотыльки, цветы... (И. Безладнова. Дина // «Звезда», 2003).

Наличие у *мотылька I* положительной эстетической оценки накладывает ряд ограничений на употребление этой лексемы. Так, слово *мотылек* в обиходе обычно не используется применительно к вредным насекомым (хотя в научной сфере сочетание *луговой мотылек* обозначает как раз насекомое-вредителя). Ср. не вполне стандартные сочетания типа *мотыльки-вредители*, *ядовитые мотыльки* (при нормальном *бабочки-вредители*), *бороться с мотыльками*, *уничтожить мотыльков*. По той же причине в обиходе мы едва ли назовем *мотыльками* мелких чешуекрылых, живущих в доме человека, таких как обычная или же пищевая моль, — этому препятствует отрицательная оценка (утилитарная и эстетическая¹⁸), которую выражает слово *моль*, вступающая в противоречие с положительной эстетической оценкой *мотылька I*. (Впрочем, в данном случае немаловажную роль играет и тот факт, что *мотылек I*, в отличие от *моли*, предполагает природные условия обитания.)

1.1.2.2. Гусеница и бабочка

У слова *гусеница* различия между научным и обиходным значениями менее ощутимы, чем у слова *мотылек*, поэтому в данном случае лучше говорить не о двух лексемах, а о двух кругах употреблений — научном и обиходном.

¹⁸ Ср. сочетание *бледная моль*, выражающее отрицательную оценку.

В том круге употреблений, который характерен для научного языка, *гусеница* используется в следующем значении: ‘личинка бабочки A1, имеющая мягкое тело, покрытое щетинками’; в этом случае *гусеница* имеет валентность вида бабочки, личинкой которой она является. Эта валентность выражается существительным в форме родительного падежа (*гусеница непарного шелкопряда, гусеница махаона* и пр.).

Между тем в своем основном круге употреблений, который характерен для обиходного языка, *гусеница* понимается несколько иначе: ‘небольшое существо, похожее на червяка, имеющее много ножек, которое питается листьями растений и передвигается ползком’. Тем самым в обиходном языке *гусеница* рассматривается как отдельный вид живых существ, не связанный ни с бабочками¹⁹ (ср. отсутствие валентности A1), ни с насекомыми вообще; ср. стандартное *Птицы питаются червями, гусеницами и насекомыми*; ср. также следующий пример, который является не вполне нормативным:

(52) *Она до смерти боялась насекомых — жуков, муравьев, гусениц.*

Итак, если в соответствии с научными представлениями гусеницы не образуют самостоятельной таксономической группы, а относятся к тому же таксону, что и бабочки (т. е. можно говорить о таксономическом тождестве тех и других), то в обиходе они рассматриваются как автономные таксоны²⁰. Это является закономерным следствием того, что гусеница внешне не похожа ни на бабочку, ни на какое-либо другое насекомое (как уже говорилось, согласно обиходным представлениям насекомое обычно имеет жесткое тело и 6—8 тонких членистых конечностей; см. об этом выше в разделе 1.1.1.4). Значительно больше гусеница похожа на червя, поэтому в том круге употреблений, который характерен для обиходного языка, *гусеницы* сближаются именно с *червями*, ср. стандартное:

(53) *Открыл глаза и увидел перед собой то ли червяка, то ли гусеницу* (М. Трауб. Домашние животные (2009)).

1.1.2.3. Зверь и хищник

В данном случае различия между обиходными и научными представлениями опять-таки касаются отношений между парами близких таксонов. На этот раз различия связаны с тем, какое из двух понятий является подчиняющим (причем таксон, который в одном случае имеет более высокий

¹⁹ О наличии в народной классификации существ тенденции к разделению одного вида существ на два разных вида (*гусеница* и *бабочка*, *головастик* и *лягушка*) см. также в работе [Гура 1997: 21].

²⁰ При этом гусеница в обиходе представляет собой таксон более низкого ранга, чем бабочка: в обиходе соответствующее слово скорее обозначает вид живых существ, чем род; ср. странное *...такие гусеницы, как... и другие гусеницы*.

ранг, в другом случае характеризуется более низким рангом). В качестве примера можно привести слова *зверь* и *хищник*, о которых уже шла речь выше.

В научной картине мира, как мы убедились, понятие «зверь» имеет очень широкое значение, включая всех млекопитающих, за исключением яйцекладущих; напротив, понятие «хищник» имеет узкое значение: в него входят псообразные и кошкообразные, которые охотятся на позвоночных. Естественно, что из двух этих понятий подчиняющим является первое («зверь»); соответствующий таксон в научной классификации имеет более высокий ранг, чем таксон «хищник».

Напротив, в обиходе понятие «хищник» имеет более широкое значение, чем понятие «зверь». Так, *хищником* в повседневной жизни мы можем назвать пресмыкающееся, например крокодила: ср. нормальное *крокодилы и другие хищники*. Кроме того, как показано в статье [Крылова 2019], в определенных синтаксических условиях (а именно в предикативной позиции) слово *хищник* может быть употреблено применительно к очень широкому кругу существ, включая рыб, птиц и даже насекомых; ср. нормальное *Акула — опасный хищник*. Между тем *зверем* мы можем назвать в обиходе только млекопитающее, причем обычно покрытое мехом; ср. странное *крокодил и другие звери* и неправильное *Акула — опасный зверь*²¹. Таким образом, таксономическая группа, обозначаемая словом *хищник*, в обиходной классификации имеет более высокий ранг, чем группа, обозначаемая словом *зверь* (по крайней мере в форме ЕД).

1.1.3. Несовпадение границ между близкими таксонами. *Червь* и *насекомое*. *Птица* и *животное*

В качестве примера несовпадения границ между таксонами в науке и в обиходе можно привести слово *червь*. У этого слова представлены два значения — научное (*червь 2*) и обиходное (*червь 1*).

Лексема *червь 2*, которая используется в научном языке, значит приблизительно следующее: *черви 2* — ‘беспозвоночные животные, имеющие удлинённое тело, стенки которого состоят из кожного покрова и мускулатуры’; ср. *плоские <кольчатые, круглые> черви*; ср. также:

(54) *Пиявка является разновидностью кольчатых червей.*

Лексема *червь 1*, используемая в повседневной речи, может быть истолкована так: ‘существо, имеющее длинное, гибкое и мягкое тело, круглое в

²¹ Сказанное относится только к форме ЕД лексемы *зверь 1*, поскольку в форме МН, как было показано, оба вышеназванных компонента могут сниматься, что приводит к расширению значения соответствующей лексемы, которая, по сути, становится синонимом сочетания *дикое животное*. Таким образом, в форме МН лексема *зверь 1* обозначает таксон того же ранга, что и *хищник*, причем соответствующие таксоны пересекаются между собой.

разреже и скользкое, состоящее из отдельных сегментов, которое обычно живет в земле и передвигается ползком; говорящий испытывает к нему отвращение’.

- (55) *Взглянула — это были трубки, резиновые, красные, похожие на червей* (И. Грекова. Перелом (1987)).

Лексема *червь 1* синонимична слову *червяк* (они различаются главным образом стилистически — лексема *червь 1* является нейтральной²², тогда как *червяк* относится к разговорному стилю). Ср.:

- (56) *В жестянке из-под гуталина копошились жирные красные черви* (*червяки*).

Значение *червя 1* по сравнению с *червем 2* в чем-то более узкое, а в чем-то, наоборот, более широкое. Прототипически *червь 1* употребляется применительно к одному виду *червей 2* — кольчатым червям²³, точнее, к одной их конкретной разновидности — земляным (или дождевым) червям, — видимо, из-за того, что именно с ними человек сталкивается чаще всего, поскольку они используются для рыбной ловли:

- (57) *В течение какой-нибудь четверти часа я добываю десяток замечательных, жирных, глянцевито-влажных, аппетитных дождевых червей* (О. Зайончковский. Счастье возможно: роман нашего времени (2008));
- (58) *Сергеич взял у меня из чехла удочку, насадил червя, поймал пескарика, посадил его под спинной плавник, отпустил лесу и стал водить под берегом, следя, куда плывет живец* (А. Иличевский. Старик // «Урал», 2008).

Для *червя 1* чрезвычайно важны внешние признаки — округлая форма, наличие сегментов, скользкая поверхность (а также среда обитания — земля; последнее определяет коннотации этой лексемы). Из-за того, что для *червя 1* центральной характеристикой является внешний вид, эта лексема слабо применима к другим разновидностям *червей 2*, которые, хотя и имеют строение, сходное с кольчатыми, но отличаются от них внешним видом, размером и средой обитания. В частности, ближайшего родственника дождевого червя — пиявку — не назовешь *червем*, потому что она обитает в воде, вдобавок имеет плоское тело.

²² За исключением формы ИМ ЕД, которая является необходимой и употребляется главным образом в переносном значении — *жалкий червь*, *червь сомнения* и пр.

²³ Помимо этого, *червь 1* изредка может употребляться применительно к круглым червям, в частности нематодам, некоторые виды которых паразитируют в организме человека и других животных и известны нам как *глисты*: *Кота стошнило, и из него вышел целый глубокий червь*; *Нематоды* — *микроскопические черви, которые живут в почве и наносят вред растениям*.

С другой стороны, лексема *червь* I применима к личинкам насекомых, внешне похожим на земляных червей, — например мотылю (который на самом деле является личинкой комара), опарышу, трупному и грибному червям (все это — различные названия личинки мухи). Кроме того, слово *червь* входит в ряд названий, закрепившихся в обиходе, которые на самом деле обозначают личинок насекомых: ср. *мучные черви* (личинки жука-хрущака), *шелковичные черви* (гусеницы шелкопряда).

- (59) *Аквариумных рыб кормят червями — мотылем и опарышем;*
- (60) *В грибах <муке, мясе> черви;*
- (61) *Он откусил яблоко и увидел в середине червя;*
- (62) — *Видишь, ни одного червя. Со старых деревьев хоть и слаже, да червией. Русская антоновка, сорт славянка* (Ф. Горенштейн. Куча (1982) // «Октябрь», 1996);
- (63) *Кровь, гной, вонь, черви в ранах, виши* (В. Михальский. Одинокому везде пустыня (2003));
- (64) *Из спальни выплыла супруга, в очень тесном белом платье до пят, без талии, вся — словно толстый мучной червь* (Р. Солнцев. Полураспад. Из жизни А. А. Левушкина-Александрова, а также анекдоты о нем (2000–2002) // «Октябрь», 2002).

Перед нами, по сути, такая же ситуация, которую мы наблюдали на примере слова *гусеница*: внешнее сходство оказывается важнее, чем общность происхождения. Разница состоит только в том, что в случае с *червем* живые существа, имеющие разное происхождение, но внешне сходные, отождествляются между собой, тогда как в случае с *гусеницей*, наоборот, живые существа, имеющие одинаковое происхождение, но внешне различные, осмысляются как разные таксоны. В данном случае это приводит к тому, что граница между двумя близкими таксонами (червями и насекомыми) в зоологии и в обиходе проходит в разных местах: личинки ряда насекомых в обиходе относятся не к классу насекомых (как в зоологии), а к классу червей.

Несовпадение границ, разделяющих близкие таксоны в научной и языковой картине мира, обнаруживается также при сравнении содержания понятий «птица» и «животное» в обиходе и близких к ним понятий «птица» и «млекопитающее» в научном языке: так, пингвина, который с научной точки зрения является птицей, а не млекопитающим, в обиходе мы относим скорее к животным.

Ср. нормальное *пингины и другие животные Антарктиды* при менее стандартном *пингины и другие птицы Антарктиды*.

Доказательством того, что вопрос об отнесении *пингвина* в обиходном сознании к тому или иному классу является достаточно сложным, служит активное обсуждение этой темы в интернете; ср. следующие примеры:

- (65) *Пингины — это птицы или животные? Знакомый вопрос, правда? И это понятно. Каждый из нас или задавал этот вопрос в детстве, или слышал его от своих детей. Надо признать, далеко*

не все знают ответ. Так кто же они, эти удивительные и важные красавцы-пингвины? Это птицы? Или животные? А может, это рыбы? (FB.ru);

(66) *Точно ли пингвин — это птица, или же орнитологи всего мира ошибаются?* (<http://pticadom.ru/pingvin-eto-ptica.html>);

(67) *Все чаще слышны споры между людьми — относится пингвин к животным или к птицам? И не мудрено — хоть пингвин и обладает крыльями, он совершенно не умеет летать* (8lap.ru).

Чтобы объяснить причину трудностей, возникающих при определении родовой принадлежности пингвина, приведем значение слова *птица*, закрепленное за ним в обиходе (в этом случае мы имеем дело не с отдельным значением, а с особым обиходным кругом употребления, противопоставленным научному): ‘небольшое живое существо, покрытое перьями, имеющее клюв и пару крыльев²⁴, которое умеет летать и размножается, откладывая яйца’, Как мы видим, пингвин лишен большинства признаков, которые в обиходе приписываются птицам, и, наоборот, обладает рядом признаков, присущих животным в их обиходном понимании (см. об этом в разделе 1.1.2): он не умеет летать, его крылья похожи на вторую пару конечностей, а перья схожи с шерстью, кроме того, он имеет внушительный размер и вес. В результате он ближе к наивно-языковому прототипу животного, чем к прототипу птицы. (См. об этом более подробно в статье [Крылова 2019].)

В науке значение слова *птица* близко к обиходному, в результате чего с научной точки зрения пингвин тоже обладает не всеми признаками, приписываемыми птицам (в зоологии птица определяется как теплокровное яйцекладущее позвоночное, с телом, покрытым перьями, имеющее крылья и обладающее способностью к полету). Однако в научной картине мира решающее значение имеет внутреннее строение и тип размножения, которые однозначно указывают на принадлежность пингвина к классу птиц, а не млекопитающих.

Похожее различие обнаруживается при сопоставлении содержания понятий «рыба» и «животное» в обиходе и понятий «рыба» и «млекопитающее» в научном языке, однако в данном случае стоит говорить не столько о несовпадении границ между соответствующими понятиями в обиходе и науке, сколько о размывании соответствующих границ в обиходе по сравнению с научной картиной мира, где они являются абсолютно четкими. В данном случае, как и в случае с птицей и животным, тоже имеются существа, отнесение которых к тому или иному классу вызывает в обиходе затруднения. Речь идет о различных крупных морских млекопитающих типа китов, дельфинов, кашалотов, статус которых активно обсуждается в

²⁴ При этом наличие перьев важнее, чем наличие крыльев; ср. птицу киви и эму, которых мы с легкостью относим к птицам из-за наличия оперения, несмотря на то, что у них нет крыльев.

интернете. Однако все они, как показывает языковой материал, в конечном счете осознаются в обиходе скорее как животные, чем как рыбы; ср. странное *дельфины <киты> и другие рыбы; такие рыбы, как дельфины <киты>*. В случае с китами это, по всей видимости, обусловлено их большим размером, в случае с дельфинами — широко распространенными в обиходе представлениями о разумности этих животных (в отличие, скажем, от акул; ср. об этом в [Крылова 2019]). Таким образом, хотя в обиходе граница между животными и рыбами, безусловно, размыта, тем не менее она проходит в том же месте, что и граница между рыбами и млекопитающими в научном языке.

1.1.4. Неполное совпадение таксонов (пересечение).

Живность vs. животный мир, фауна

Вследствие различия в наборе признаков, релевантных для двух близких родовых понятий, одно из которых принято в обиходе, а другое — в науке, может иметь место частичный сдвиг значения одного относительно другого и, соответственно, частичное несовпадение соответствующих таксонов.

В качестве иллюстрации рассмотрим разговорное слово *живность*, которое сближается с обиходной лексемой *животное* 1. Важная особенность слова *живность*, отличающая его от *животного*, состоит в том, что оно, как многие другие зоонимы с родовым значением (например, *мошкара, мошкá, скотина, скот, гнус*), является собирательным. Благодаря этому свойству слово *живность* сближается с такими лексическими единицами, как *фауна* и *животный мир* (в отличие от *живности*, они являются книжными); ср. близкое *живность заповедника* и *фауна <животный мир> заповедника*. Значение слова *живность* в чем-то уже значения *фауны* и *животного мира*, а в чем-то — шире.

1) Семантические компоненты, которые входят в значение *живности* и отсутствуют в значении *фауны* и *животного мира*.

а) Прежде всего *живность*, в отличие от двух других зоонимов, предполагает относительно небольшой размер живых существ (намного меньше человека). По этой причине сочетание *мелкая живность* звучит значительно более стандартно, чем *крупная живность*; ср. также следующие типичные примеры:

(68) *Еще есть попугаи, обезьяны, кошки, воробьи и прочая мелкая живность* (Д. Сабитова. Цирк в шкапулке (2007));

(69) *Той помогают мыши, птички и прочая мелкая живность* (В. Пронин. Банда 8 (2005)).

Ср. также не вполне естественное:

(70) *Слоны, жирафы и прочая живность*.

Между тем *фауна* и *животный мир* не накладывают ограничений на размер животных:

- (71) *Львы — типичные представители африканской фауны;*
 (72) *В состав фауны Индии входят такие животные, как индийский лев, индийский слон, индийский носорог и бенгальский тигр.*

б) Кроме того, *живность*, в отличие от *фауны* и *животного мира*, обычно употребляется применительно к подвижным существам; ср. странное *медлительная* *неповоротливая* *живность*. По этой причине червей, мидий, устриц, морских звезд и даже медуз мы едва ли назовем *живностью*, хотя все перечисленные существа вполне естественно упомянуть, когда идет речь о составе *фауны* или *животного мира*. Ср. примеры (73а) и (73б): сочетания под номером (73а) звучат значительно менее естественно, чем сочетания под номером (73б).

- (73а) *Мидии, рапаны и прочая живность; устрицы и другая живность;*
 (73б) *Мидии, рапаны и другие представители морской фауны.*

2) Семантические компоненты, которые входят в значение *фауны* и *животного мира* и отсутствуют в значении *живности*.

Фауна и *животный мир* обозначают диких животных, что для *живности* не обязательно; ср. нормальное *домашняя* *городская*, *деревенская* *живность* при неправильном *домашняя* *городская*, *деревенская* *фауна*.

Таким образом, можно построить следующее толкование рассмотренных слов. *Живность*: ‘живые существа небольшого размера, способные передвигаться, обычно принадлежащие к разным видам, живущие в месте А1 и рассматриваемые как совокупность’.

Фауна, животный мир — ‘исторически сложившаяся совокупность видов живых существ, обитающих в естественных условиях в области А1 или в промежутке времени А1’.

Таким образом, имеет место частичное пересечение таксонов, обозначаемых *живностью*, с одной стороны, и *фауной* и *животным миром* — с другой. В класс существ, обозначаемых зоонимами *фауна* и *животный мир*, в отличие от *живности*, не входят домашние животные. С другой стороны, в класс существ, обозначаемых словом *живность*, не входят крупные животные, а также существа, ведущие малоподвижный образ жизни, что отличает *живность* от *фауны* и *животного мира*, вместе взятых.

1.1.5. Асимметрия между словами и обозначаемыми ими таксонами

1.1.5.1. Омонимия обиходных и научных зоонимов. *Мóшка 1* и *мóшка 2*

Об омонимии обиходного и научного зоонимов можно говорить в ситуации, когда одно и то же слово обозначает в научном и обиходном языке родовые понятия, соответствующие разным таксонам²⁵. Примером такого

²⁵ *Мóшка 1* и *мóшка 2*, конечно же, не являются омонимами в традиционном смысле этого слова; в данном случае перед нами разные лексемы одного и того же

рода омонимии может служить слово *мо́шка*. Оно имеет две лексемы: разговорную (*мо́шка 1*) и научную (*мо́шка 2*). Лексема *мо́шка 1* толкуется так: ‘безобидное летающее насекомое, похожее на муху, такое маленькое, что его невозможно рассмотреть, передвигающееся по воздуху хаотическими круговыми движениями и часто образующее в воздухе скопления’. Ср.:

- (74) *Кыш! Кыш! — задул на палец, сметая оранжевую мошку, скоростную, размером с точку* (С. Шаргунов. Вась-вась (2009)).

Лексема *мо́шка 2*, используемая в научной сфере, в отличие от безобидной *мо́шки 1*, обозначает кровососущее насекомое. Она может быть истолкована следующим образом: ‘летающее кровососущее насекомое с двумя крыльями, самки которого входят в состав гнуса’; ср. следующие примеры:

- (75) *Мо́шки — мелкие насекомые семейства Simuliidae отряда Diptera. Самки мошек <...> входят в состав гнуса* (Медицинская энциклопедия);
 (76) *Мошки относятся к отряду Diptera, подотряду Nematocera, семейству Melusinidae (Simuliidae) и роду Simulium. <...> Взрослые мошки представляют собой мелких коренастых комаровидных насекомых длиной 2—4 мм. <...> Мошки живут в сырых, лесистых местностях, нападают на животных с раннего утра и до захода солнца. Кусают только самки, которым для созревания яиц необходимо насасывание крови* (сайт «Все о животных. Теория и практика»).

1.1.5.2. Синонимия обиходных и научных зоонимов.

Хищник и зверь, мошкá и мо́шка

Синонимия между обиходным и научным зоонимами имеет место, когда один и тот же таксон в научном и обиходном языке обозначается разными словами.

Такую ситуацию можно проиллюстрировать на примере слов *хищник* и *зверь*. Научная лексема *хищник 3* является, по сути, синонимом обиходной лексемы *зверь 1*. Хотя эти лексемы уже были описаны выше, в разделах 1.1.1.4, 1.1.2.3, приведем для сравнения их толкования. *Хищники 3* — ‘животные, принадлежащие к особому отряду млекопитающих, состоящему из подотрядов собакообразных и кошкообразных, представители которого охотятся на позвоночных’²⁶. *Зверь 1* — ‘достаточно крупное дикое хищное

многозначного слова, характеризующиеся значительной смысловой близостью (и та, и другая обозначает мелкое насекомое, похожее на муху). Говоря об их омонимии, мы только хотим подчеркнуть, что в обиходе они обозначают разные таксоны, — в этом случае правильно было бы говорить о «таксономической омонимии».

²⁶ Помимо этого значения, у слова *хищник* в научном языке есть еще одно, более широкое значение — живые организмы, которые поедают другие живые организмы; ср. *хищные растения* (*грибы, одноклеточные*); см. об этом в [Крылова 2019].

животное, по размеру соотносимое с человеком, покрытое мехом'. Несмотря на внешние расхождения в толковании, которые объясняются прежде всего различием в наборе признаков, релевантных для научной и языковой картины мира, по сути, речь здесь идет практически об одной и той же таксономической группе. Компонент 'хищное' равнозначен компоненту 'охотятся на позвоночных', поскольку *хищный* в обиходном языке понимается в значении 'такой, который охотится на других животных или поедает их мясо', а *животное* — как 'достаточно крупное живое существо, обычно имеющее четыре конечности и волосяной покров' и не используется применительно к червям и насекомым, что исключает из объектов охоты *зверей 1* беспозвоночных. (См. 1.1.2, а также [Крылова 2019].) Кроме того, компонент 'животное' в вершине толкования в сочетании с компонентом 'покрытый мехом' исключает из разряда *зверей 1* живых существ, которые не являются млекопитающими, например птиц или рептилий. Вследствие этого лексема *зверь 1*, как и *хищник 3*, используется главным образом применительно к кошкообразным (кошачьим, мангустовым и пр.) и собакообразным (псовым, медвежьим, енотовым, кунным и пр.).

Помимо этого, синонимию двух разных зоонимов — обиходного и научного — можно проиллюстрировать на примере соотношения между научной лексемой *мошка 2* и разговорным словом *мошкá*. Последнее толкуется следующим образом: 'мелкие летающие кровососущие насекомые, похожие на мух, от укусов которых на коже часто возникает отек, образующие в воздухе скопление и воспринимаемые как совокупность'²⁷, ср.:

(77) *Мы ходили на Чунозеро, где клевало по обыкновению вяло, зато нас поедом ела мошка* (А. Варламов. Падчевары // «Новый Мир», 2002).

Как мы видим, *мошкá* отличается от *мошки 2*, по сути, только наличием собирательности. Таким образом, в случае с *мошкóй* и *мошкой* имеет место сочетание омонимии и синонимии научного и обиходного зоонимов, т. е. двойная асимметрия между уровнем понятий и слов, их выражающих.

Наконец, в качестве последнего примера синонимических отношений, возникших между научным и обиходным зоонимами, можно привести слова *млекопитающее* и *животное 1*, о которых уже неоднократно шла речь в этой статье.

1.2. Различия в составе таксонов

Как уже говорилось во введении, данное различие проявляется двояко: а) в зоологии присутствуют таксономические группы, которых нет в обиходном языке; б) в обиходном языке имеются таксономические группы, которых нет в научной сфере.

²⁷ В отличие от лексемы *мошка 2*, лексема *мошкá 1* обозначает не род, а скорее вид насекомых.

Мы будем рассматривать только второй из перечисленных типов расхождений. Объектом нашего анализа станут слова *скотина*, *живность*, *мошкара*, *зверек*, *зверюшка*, *жучок*, *букашка*, *козявка*, *червяк*. Все они обозначают таксономические группы, которые выделяются в обиходе, но не в сфере зоологии и, как правило, являются принадлежностью разговорной речи (исключение составляет только слово *скотина*, которое является нейтральным).

1.2.1. *Зверек, зверюшка*

Слова *зверек*, *зверюшка*, как и близкое к ним слово *зверь*, обозначают диких животных, покрытых мехом. Однако на этом их сходство со словом *зверь* заканчивается. Они отличаются от этого слова как стилистически (слово *зверь* — нейтральное, тогда как *зверек* и *зверюшка* — разговорные), так и на уровне семантики. *Зверек* и *зверюшка*, вследствие наличия у них уменьшительно-ласкательных суффиксов, предполагают небольшой размер животного и чаще всего выражают положительную оценку. По этой причине они оба, в отличие от слова *зверь*, лишены коннотации жестокости и не связаны напрямую с представлением о плотоядности, вследствие чего могут употребляться применительно к любым животным — как хищным (см. (78–79)), так и травоядным (см. (80–82)).

- (78) *Ласка — небольшой коричневый зверек;*
- (79) *У охотника жили в комнате два маленьких лисёнка. Это были шустрые и беспокойные зверьки* (Е. И. Чарушин. Тюпа, Томка и со-рока (1946));
- (80) *Я отправился дальше: ловить ящериц, лить воду в норки сусликов. После долгого ожидания из воды показывался мокрый зверёк; он быстро выскакивал оттуда, мчался в сторону и исчезал в какой-нибудь другой дыре* (Г. А. Газданов. Вечер у Клэр / начало романа (1930));
- (81) *Крыса был гораздо меньше собаки и жил в клетке, но ему достались все чувства, которые раньше пропадали без дела. Крысу любили все. Однако, по общему молчаливому признанию, Крыса считался зверьком Костика* (М. С. Аромштам. Мохнатый ребенок (2010));
- (82) *Она любила всяких зверюшек <зверьков> — волчат, лисят, зайчиков.*

При этом между рассматриваемыми словами существует небольшое различие в эмоциональном отношении говорящего к животному, которое отражается на их употреблении.

Зверек чаще всего вызывает у говорящего симпатию (*милый <симпатичный, очаровательный> зверек*) и сочувствие (ср. *затравленный <испуганный> зверек, крошечный зверек*). Однако, несмотря на то, что для этого слова типична положительная оценка, отрицательная оценка в принципе тоже возможна, ср.:

- (83) *Самые злые зверьки, которых мне доводилось встречать — хорьки, хомяки, ласки, — обычно обладают известными аналитическими способностями и в случае опасности отступают* (Г. А. Газданов. Вечер у Клэр / начало романа (1930));
- (84) *Судя по визгу одной из собак, он таки тяпнул её за нос. Ох, и злющий, оказывается, зверёк горноста́й!* (Д. И. Саврасов. Таежные были и небылицы (2003—2008)).

Зверюшка, в отличие от *зверька*, выражает в первую очередь умиление; ср.:

- (85) *Точно живая, сидела на железном пеньке зверюшка — пушистая зайюшка* (М. Семенова. Волкодав: Знамение пути (2003)).

В этом случае положительная оценка более обязательна, чем в случае *зверька*; ср. странное *злая зверюшка*, *злющая зверюшка*.

Из различия в характере эмоции и оценки вытекает несколько частных различий между описываемыми словами.

1) Для *зверюшки* очень типично употребление применительно к стилизованным изображениям животных, обычно предназначенным для детей, к персонажам мультфильмов, игрушкам и пр.; ср. *шоколадные зверюшки*; ср. также:

- (86) *Аттракционы, фонтаны, карусели, качели, самолетики, качающиеся зверюшки, яркие пластиковые горки — рай для малышей!* (Г. Николаев. Вещие сны тихого психа // «Звезда», 2002);
- (87) *Головой облысел, лицом увял, а ресницы — как у тех зверюшек в мультфильмах* (И. Грекова. Фазан (1984));
- (88) *В первый момент ему показалось, будто это переодетые актеры вроде тех, что раздают рекламные листовки возле торговых центров, наряжаясь веселыми зверюшками, чтобы отключить у прохожих критическое восприятие действительности* (В. Пелевин. Любовь к трем цукербринам (2014)).

2) Если слово *зверек* одинаково свободно употребляется применительно к хищным и травоядным животным, то для *зверюшки* более типично второе; ср. стандартное *кролики, морские свинки и другие зверюшки* при менее типичном *Ласки, хорьки и другие зверюшки*. Ср. также нормальное *хищный зверек* при странном *хищная зверюшка*.

3) *Зверюшка*, в отличие от *зверька*, может употребляться применительно к домашним животным.

- (89) *Она обожала зверюшек — котят, кроликов, хомячков;*
- (90) *Это, наверно, дрозды искали местечко, где вить гнездо, и увидели какую-то непонятную зверюшку — Тюпку [щенка]* (Е. И. Чарушин. Тюпа, Томка и сорока (1946));
- (91) *Раньше у тебя воспитывались всякие зверюшки. Давай купим аквариум с рыбками?* (Э. Шим. Ребята с нашего двора (1976)).

4) *Зверюшка* часто используется применительно к детенышам; ср. более типичное *щенки, котята и прочие милые зверюшки* при менее типичном *собаки, кошки и прочие милые зверюшки*.

Итак, можно выстроить следующее толкование *зверька* и *зверюшки*: *зверек* — ‘дикое животное маленького размера, покрытое мехом, которое вызывает у говорящего симпатию или жалость’; *зверюшка* — ‘животное маленького размера, покрытое мехом, которое вызывает у говорящего умиление’.

1.2.2. *Скотина*

Еще один зооним, который является принадлежностью обиходной речи, — слово *скотина*. Это слово хотя и не используется в научных текстах, тем не менее лишено разговорной окраски, что отличает его от других слов, рассмотренных в этом разделе. Прежде чем мы перейдем к анализу его значения, необходимо сказать несколько слов о слове *скот*, которое является его синонимом²⁸. В отличие от слова *скотина*, слово *скот* употребляется не только в быту и художественной литературе, но и в научных текстах (в сфере зоотехнии), а также в официальной речи, причем его значение во всех этих сферах приблизительно одинаково: ‘специально выведенные человеком крупные домашние животные, которых он разводит и содержит для получения продуктов питания, сырья для производства, а также для выполнения рабочих и транспортных функций, рассматриваемые как совокупность’. Поскольку слово *скот*, в отличие от *скотины*, используется в официальной (и научной) речи, именно оно входит в состав устойчивых сочетаний типа *поголовье скота, 30 голов скота, племенной скот, (мелкий и крупный) рогатый скот, вакцинация скота, падеж скота* и пр. (Некоторые из них функционируют в качестве терминов (*племенной скот, рогатый скот*).)

Перейдем к описанию семантических особенностей слова *скотина*, попутно сопоставляя его со словом *скот*.

Прежде всего, *скотина* по сравнению со *скотом* имеет более узкое значение: в частности, первое обычно не используется применительно к верховым животным — лошадям или верблюдам; ср. странное (93а), (94а) при нормальном (92), (93б), (94б):

- (92) *Он знает толк в лошадях и в скотине* (И. С. Тургенев. Певцы (1850));
- (93а) *Лошади <верблюды> и другая скотина*;
- (93б) *Лошади <верблюды> и другой скот*;
- (94а) *Из скотины у него была только лошадь <был только осел>*;
- (94б) *Из скота у него была только лошадь <был только осел>*.

²⁸ При отсутствии индекса под *скотиной* и *скотом* понимаются лексемы *скотина I* и *скот I*, имеющие прямое значение.

В остальном границы *скотины* расплывчаты. Возможны два варианта понимания этого слова.

1) Чаще всего под *скотиной* понимается рогатый скот — как крупный, так и мелкий: коровы, козы и овцы (т. е. те представители скота, которые в соответствии с научной классификацией относятся к жвачным животным); ср.:

(95) *Она держала скотину — коров, коз, овец.*

При этом ядром *скотины* является, безусловно, крупный рогатый скот: если в хозяйстве только овцы или козы, мы едва ли употребим это слово; ср. более естественное (96а) при менее удачном (96б) и (96в).

(96а) *Из скотины у нее только одна корова;*

(96б) *Из скотины у нее только одна коза;*

(96в) *Из скотины у нее только одна овца.*

Иногда в состав *скотины* включают также свиней (см. (97)), однако они явно находятся на периферии рассматриваемой группы животных (см. пример (98), еще более неудачный, чем (96б) и (96в)).

(97) *Мать тащила на себе огород и скотину — в хлеву у нас жили две телки, овцы, боров* (М. Кучерская. Тетя Мотя // «Знамя», 2012);

(98) *Из скотины у нее только одна свинья.*

2) При более узком понимании *скотины* (которое встречается значительно реже) это слово употребляется только применительно к крупному рогатому скоту — коровам и быкам — и не включает в себя мелкий скот, ср.:

(99) *Бродила по гумну живность явно не колхозная, гуси, овечки да козы и добрый гурт скотины: коровы, быки, телята* (Б. Екимов. Пиночет (1999)).

Хотя и *скот*, и *скотина* имеют собирательное значение, второе из этих слов, в отличие от первого, может обозначать отдельное животное:

(100) *Бык — скотина беспогрешная. Ни солярки ему не надо, ни запчастей* (Б. Екимов. Фетисыч // «Новый Мир», 1996);

(101) *Если же Кусиел посылал приказчика закупать скот, а сам оставался дома, то негодница-жена устраивала несчастному Кусиелу такую жизнь, какую бы не вынесла ни одна скотина* (А. Рыбаков. Тяжелый песок (1975–1977));

(102) *Покупать скот нужен опыт, надо на глаз определить, как откормлена скотина, сколько в ней ценного мяса, сколько жира, нужно уметь ощупать животное* (Там же).

Итак, если ориентироваться на первое, более распространенное понимание слова *скотина*, можно предложить следующее его толкование: ‘рогатый скот, а также одно такое животное’.

Скот и *скотина*, помимо всего прочего, различаются характером коннотаций, хотя эти различия невелики.

Начнем с того, что оба этих слова чрезвычайно нагружены негативными коннотациями. Перечислим их.

1) Коннотация тупости и бесчувственности; см. следующие примеры:

- (103) *У него ни зла, ни ума, как у скотины* (Ю. О. Домбровский. *Леди Макбет* (1970));
- (104) *Нужна не гужевая безмозглая скотина — нужны профессионалы* (С. Самсонов. *Одиннадцать* (2010));
- (105) *Но ведь человек превратится в скота. Он не будет понимать слов* (В. Пелевин. *Бэтман Аполло* (2013)).

2) Коннотация грубости и отсутствия культуры; ср. *грубые скоты*, *пьяные скоты*, *грубая скотина*; ср. также:

- (106) *Человек может стать скотом. И эта деревня — яркий тому пример. Здесь живут люди-скоты. Злые и незлые, образованные и невежественные, хорошие и плохие. Не важно. Важно то, что у них нет культуры* (А. Иванов (А. Маврин). *Псоглавцы*. Гл. 21–39 (2011)).
- (107) *«Ну свиньи, свиньи! — обычно кричала она по их уходу, победно хохоча и упирая руки в боки. — Скоты! Навозу нанесли! Грязи! Трудно разуться?!»* (А. Волос. *Недвижимость* (2000) // «Новый Мир», 2001).

3) Коннотация тяжелого труда и связанная с ней коннотация низкого социального положения и бесправия, безответности; ср. *рабочая скотина*, *рабочий скот*, *последняя скотина*, *последний скот* (*обращаться, как с последней скотиной* *⟨последним скотом⟩*), *бесправный скот*, *бессловесная скотина*, *бессловесный скот*; *скотские условия*; *везти, как скот*, *обращаться, как со скотом*; ср. также:

- (108) *Всего несколько дней понадобилось, чтобы пройти обратную дорогу от человека до грязной и несчастной, лишённой имени и свободы скотины* (В. Гроссман. *Жизнь и судьба*. Ч. 1 (1960));
- (109) *А я устал, — говорит Марвич. — Устал, как лошадь. Как скот последний* (В. Аксенов. *Пора, мой друг, пора* (1963));
- (110) *Здесь я себя почувствовала не бесправным скотом, а несчастным человеком* (В. Гроссман. *Жизнь и судьба*. Ч. 1 (1960));
- (111) *Олег, считавший равными себе только людей княжеской крови и на смердов смотревший почти как на бессловесный скот, был до такой степени потрясен случившимся с ним в эту ночь, что опустился на каменную скамью рядом с холопом* (А. П. Ладинский. *Последний путь Владимира Мономаха* (1960)).

На базе большинства из этих коннотаций у слов *скот*, *скотина* возникли переносные значения, в которых они обозначают людей. На основании пер-

вых двух коннотаций образовались лексемы *скот* 2, *скотина* 2, которые толкуются приблизительно так: 'тупой, бесчувственный и невоспитанный человек, который вызывает возмущение говорящего — как бы скотина 1', ср. *пьяный скот*, *грубая* (бесчувственная) *скотина*; ср. также примеры (112–116)):

- (112) *«Ты опять, грубый скот, повредил мне кисть», — проговорила тоненьким голосом Лолита (В. В. Набоков. Лолита (1967));*
- (113) *Пьяные умники хуже, чем пьяные скоты (А. Терехов. Каменный мост (1997–2008));*
- (114) *Хорошо. Я — зверь, хам, грубая скотина. Я не понимаю, не ценю тонкую душу моего коллеги и начальника (Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом, часть 2 (1943–1958));*
- (115) *Я был счастлив, что она плачет. Вероятно, это было заметно по моему лицу. — Вы бесчувственная скотина, — сказала Катя (И. Меттер. Пятый угол (1967));*
- (116) *Ты, власть, нас за дураков, наверное, держишь, за скотов, за рабоче быдло (В. Д. Алейников. Тадзимас (2002)).*

Помимо этого, на основе коннотации бесчувственности, переосмысленной как бессовестность и аморальность, сформировалось значение *скотина* 3, *скот* 3 — 'человек, характеризующийся очень низкими моральными качествами, который вызывает у говорящего возмущение'²⁹, ср.: *бессовестная* (неблагодарная) *скотина*; *последняя скотина*; *последний скот*³⁰; *Какая он скотина!*; *Какой он скот!*; ср. также:

- (117) *Ежи (...) сына в глаза не видал и даже признавать за своего не желал, скотина (Д. Рубина. Медная шкатулка (сборник) (2015));*
- (118) — *Вы кто? — спросила она вполне нормальным голосом. — Я из собеса, — брякнула Маша, чувствуя себя последней скотиной. Никак не отреагировав на Машину ложь, старуха откинулась на подушки (Н. Александрова. Последний ученик да Винчи (2010));*
- (119) — *Оппоненты — приличные ребята? Не скоты? (В. Аксенов. Звездный билет // «Юность», 1961);*
- (120) *Глядел ей в глаза и чувствовал себя ужасно, скотом, палачом! (М. Шишкин. Письмовник (2009) // «Знамя», 2010);*

²⁹ Эта лексема допускает ослабленное употребление в качестве бранного слова в значении 'человек, к которому говорящий относится резко отрицательно' (в данном случае отсутствует указание на низкие моральные качества); ср.: *Подогнали свой «зисок» к эстакаде, Алеша прошелся вдоль работяг немецкого происхождения, взял с собой Шайдемана и Рудника: «Нечего бездельничать, скоты, шкафы не закреплены...» (А. Азольский).*

³⁰ Как мы видим, сочетания *последняя скотина*, *последний скот* могут пониматься двояко: 1) в значении 'безнравственный человек' (*Я чувствовал себя последней скотиной*); 2) в значении 'бесправный человек' (*обращаться, как с последней скотиной*).

- (121) *Анка и Тугуши убрали обломки и осколки, подавленно переговариваясь и пытаясь понять, кто это сделал. — Подонки, скоты! — ругался Тугуши* (М. Гиголашвили. Чертово колесо (2007)).

В переносных значениях оба слова меняют свои семантические и грамматические свойства. В частности, они оба — не только слово *скотина*, для которого это было возможно и в прямом значении, но и слово *скот* — обозначают конкретного человека, теряя значение собирательности (см. (120)). При этом переносные лексемы, образованные от слов *скот* и *скотина*, различаются по своим грамматическим и синтаксическим свойствам. Так, *скот* приобретает возможность образования формы МН (ср. *тупые скоты*, ср. также (119), (121)), что для *скотины* нетипично. С другой стороны, *скотина* в переносном значении может использоваться применительно к людям обоего пола (см. (117), (118)), тогда как *скот* — только применительно к мужчинам; ср. странное *Она чувствовала себя последним скотом* при нормальном *Она чувствовала себя последней скотиной*.

Однако при всем сходстве набора коннотаций между *скотом* и *скотиной* существуют некоторые различия в этом отношении. Для *скотины* по сравнению со *скотом* более характерна коннотация тупости, что отражается на значении и сочетаемости лексем *скот* 2, *скотина* 2: для второй из них, в отличие от первой, более типично использование применительно к тупым людям; ср. более типичное *Эта тупая <безмозглая> скотина* при менее типичном *Этот тупой <безмозглый> скот*. Сочетания *тупая скотина* и *безмозглая скотина* применительно к людям встретились в НКРЯ 5 раз и 3 раза соответственно, тогда как сочетания *тупой скот*, *безмозглый скот* не встретились ни разу; ср.:

- (122) «Если ты ещё раз подсунешь мне “мазо” вместо “садо”, тупая скотина...» (И. Наумов. Гарлем — Детройт (2007));
- (123) *Мы только люди, как выражается эта тупая скотина Уорд* (Ю. Герман. Дорогой мой человек (1961));
- (124) *Офицеры хохотали над ним, офицеры-воспитатели, офицеры-преподаватели, юнкера: мужик захотел в офицеры! Экая сволочь... мужик... тупая скотина! Ха-ха-ха... в офицеры* (А. С. Серафимович. Железный поток (1924));
- (125) *Отпусти, тебе говорят! — Слышишь, тупая скотина? — крикнул Иван Дмитрич и постучал кулаком в дверь* (А. П. Чехов. Палата № 6 (1892));
- (126) — *Переводчик... Безмозглая скотина. — Но-но, — сказал я* (М. Анчаров. Как Птица Гаруда (1989)).

Отчасти это связано с тем, что слово *скотина*, как уже отмечалось, обозначает главным образом рогатый скот, т. е. жвачных животных, которые в обиходе связываются с представлением о тупости (см. (127)); сходную коннотацию (наряду с коннотацией большого размера) имеет и слово *ко-*

рова, обозначающее основного представителя домашних жвачных животных (см. (128)).

(127) *Из хрупкого существа, полного интеллигентных порывов, она обратилась в жвачное животное* (Н. А. Тэффи. Антей (1911)).

(128) — *Разве умеет [сестра] свои выгоды соблюсти? Корова, суцая корова: ее хоть ударь, хоть обними — все ухмыляется* (И. А. Гончаров. Обломов (1859)).

1.2.3. Зоонимы, обозначающие мелких насекомых

Среди зоонимов, специфичных для обиходного языка, особенно много названий мелких насекомых: это слова *козявка*, *букашка*, *жучок*, *мошкара*, *мошкá*. Анализируя их значение и употребление, мы будем рассматривать вместе с ними близкие к ним по значению слова *мошка* и *гнус*, которые могут употребляться в научном языке, однако имеют отдельное значение, типичное для обиходной речи (см. про *мошку* в разделе 1.1.5.1).

Как показывает анализ, внутри данной группы слова противопоставляются на основании двух основных признаков: 1) размер (*мошка*, *мошкара*, *мошкá*, *букашка*, *жучок*, *козявка* обозначают очень мелких насекомых, в отличие от *гноса*); 2) характер воздействия на человека (по этому признаку *мошкá* и *гнус* противопоставляются *мошке*, *букашке*, *жучку*, *козявке*: первые обозначают кровососущих насекомых, причиняющих вред человеку, вторые — безобидных насекомых); 3) способность к полету (*мошка*, *мошкá*, *мошкара*, *гнус* летают, в отличие от *букашки*, *козявки* и *жучка*); 3) наличие звуков (*гнус*, в отличие от остальных слов, указывает на наличие особых звуков).

1.2.3.1. *Мошка*, *мошкара*, *букашка*, *жучок*, *козявка*

Среди описываемых слов выделяется группа слов *мошка*, *мошкара*, *букашка*, *жучок*, *козявка*, которые имеют много общего в семантике.

Начнем с того, что все они содержат указание на маленький размер насекомого, а также на его безобидность (из-за наличия последнего компонента неудачно или как минимум нестандартно звучат сочетания *клопы*, *вши* и *другие* *букашки* <*козявки*, *жучки*>, так же как и сочетание *комары* и *другие* *мошки*).

Из-за наличия семантического компонента ‘маленький размер’ для большинства этих слов (за исключением собирательного слова *мошкара*) типично употребление в качестве эталона маленького размера в конструкциях типа *размером* <*величиной*> *с* *букашку* <*с* *мошку*>, *не больше* *букашки* <*мошки*> и пр.; ср.:

(129) *Верховное Главнокомандование, для которого мошкой были и дивизия «Викинг», и в конечном счёте весь этот большой лесистый район, сразу поняло, что за этим кроется нечто более серьёзное* (Э. Г. Казакевич. Звезда (1946)).

Кроме того, из-за указания на маленький размер большинство рассматриваемых слов (*мошка*, *букашка*, *козявка*) имеет коннотацию ничтожности, незначительности, а также уязвимости; ср.:

- (130) *Кожаный киборг, убивавший людей будто мошек, липнувших к полам его пальто, был здесь* (В. Черкасов. Черный ящик (2000)).

На основании перечисленных коннотаций у всех трех описываемых слов сформировались переносные значения, в которых они характеризуют человека, такие как *мошка 2*, *букашка 2* и *козявка 2*³¹; ср. *чувствовать себя букашкой* *⟨козявкой, мошкой⟩*; *относиться как к букашке* *⟨козявке, мошке⟩*.

Соответствующие лексемы могут быть истолкованы примерно так: 'человек, от которого ничего не зависит, из-за чего с ним не считаются другие люди, и которого легко уничтожить, как будто это не человек, а маленькое насекомое, которое почти не видно из-за его маленького размера'³². Ср. примеры (131)–(137), которые иллюстрируют компонент 'низкая значимость', а также примеры (130), (138)–(140), которые иллюстрируют компонент 'уязвимость':

- (131) *Мог ли зам, мошка, просить Берю за сына?* (А. Терехов. Каменный мост (1997–2008));
- (132) *Эту истину умом не охватить, ее можно принять только сердцем. Она доступна лишь людям, этим маленьким, презираемым тобой мошкам, безалаберным и обездоленным, но обладающим Его великим даром — любить!* (Н. Дежнев. Принцип неопределенности (2009));
- (133) *Далеко внизу среди бассейнов копошились презренные букашки* (С. Данилюк. Рублевая зона (2004));
- (134) *Мне показали, что я ничтожная букашка и не управляю даже собственной жизнью* (В. Скрипкин. Тинга // «Октябрь», 2002);
- (135) *Знаешь, без бумажки ты букашка, а с бумажкой — человек* (Э. Володарский. Дневник самоубийцы (1997));
- (136) *Они льют грязь на покойницу, спорят с обвинением, адвокатов себе наняли! Жалкие козявки! Они думают, что можно что-то доказать!* (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей. Ч. 2 (1978));
- (137) — *Войдет Сизов, а вы в бумаги углубитесь. — И на Сизова — ни взгляда. И так, пока он не затрепещет и не почувствует, что он перед вами козявка* (А. Васильев. Понедельник — день тяжелый, 1967);

³¹ До этого, когда мы говорили о *мошке*, *козявке* и *букашке*, речь шла о лексемах *козявка 1*, *букашка 1*, имеющих прямое значение.

³² Данное толкование основано на толковании слова *букашка*, предложенном И. Б. Левонтиной в книге [Активный словарь русского языка 2018: 376].

- (138) *Да, мог сдать меня куда надо, головой не кивнув; раздавить букашку — кто я был для него...* (Д. Рубина. Белая голубка Кордовы (2008—2009));
- (139) *Левушкин-Александров начал отвечать и вдруг как бы посмотрел на себя со стороны и осознал себя букашкой, которую эта машина запросто может перемолоть* (Р. Солнцев. Полураспад. Из жизни А. А. Левушкина-Александрова, а также анекдоты о нем (2000—2002) // «Октябрь», 2002);
- (140) *Подойди ближе, жалкая козявка, чтобы я мог раздавить тебя!* (Д. Емец. Таня Гроттер и магический контрабас (2002)).

С незначительным размером насекомых, обозначаемых всеми перечисленными выше словами, связана еще одна важная черта последних: все они имеют предельно обобщенное значение, практически ничего не сообщая о строении насекомых и об их таксономической принадлежности (в силу ничтожного размера и то и другое воспринимается как нечто несущественное). Из обобщенности, неконкретности значения этих слов вытекают многие их синтаксические и сочетаемостные особенности: а) Для них характерны сочетания с местоимениями *какой-то, всякий, разный*; ср. *какие-то букашки, всякие козявки, разные жучки (мошки)*. б) Они очень часто употребляются в форме множественного числа в паре друг с другом (*мошки-букашки, букашки-козявки*), а также в паре с уменьшительными обозначениями других групп насекомых или даже какого-либо конкретного их вида (*букашки-таракашки, жучки-паучки*). Такого рода конструкции выражают представление говорящего об отсутствии четких различий между соответствующими таксономическими группами, а также подчеркивают его нежелание разбираться в этих различиях, обусловленное незначительностью самих существ.

Перейдем к более детальному описанию слов, входящих в группу *мошка, мошкара, букашка, жучок, козявка*. Начнем со слова *мошка*. Как уже говорилось, оно имеет две лексемы: разговорную (*мошка 1*) и научную (*мошка 2*). Лексема *мошка 1* уже была рассмотрена в разделе 1.1.5.1. Напомним ее толкование: ‘безобидное летающее насекомое, похожее на муху, такое маленькое, что его невозможно рассмотреть, передвигающееся по воздуху хаотическими круговыми движениями и часто образующее в воздухе скопления’. Ср. *Вокруг лампы кружились мошки*.

Остановимся на семантике лексемы *мошка 1* более подробно. Эта лексема имеет две интересные особенности.

Прежде всего из-за незначительного размера для *мошки 1* несущественен внешний вид (она воспринимается как темная точка), однако чрезвычайно важен «рисунок» движения. Поскольку *мошки* совершают кругообразные движения, про них обычно говорят, что они *пляшут, кружатся, вьются* (см. (141)–(143)); на хаотичность их движений указывают также сочетания типа *Мошки суетятся (мельтешат, носятся)*.

- (141) *И солнечный свет погас, и мошки больше не плясали над чертополохом* (И. Грекова. Перелом (1987));
- (142) *Просто она ему почему-то мешает. Как мешает мелкая мошка, вьющаяся над горшком с геранью* (М. Зосимкина. Ты проснешься. Книга первая (2015));
- (143) *Вокруг лампочки кружатся мошки и комары, в траве что-то звенит — наверное, кузнечики* (З. Синявская. Пазлы // «Сибирские огни», 2013).

Помимо этого, для *мошек* очень важно указание на способность насекомых образовывать скопление; ср. типичные сочетания *рой* <туча> *мошек*; ср. также следующий пример:

- (144) *Вокруг костра вились комары и мошки. Они летали полупрозрачным роем, почти дымом* (Е. Водолазкин. Лавр (2012)).

К слову *мошка* близко слово *мошкара*: по сути дела, *мошкара* отличается от *мошки* собирательностью, т. е. тем, что в данном случае насекомые представлены как совокупность (что вполне понятно, учитывая то, что для *мошек* естественно образовывать скопление). Слово *мошкара* можно толковать так: ‘мошки, которые образуют в воздухе скопление и воспринимаются как единое целое’.

Вследствие указания на «скупенность» *мошкар* и ее высокую концентрацию в воздухе для этого слова еще в большей степени, чем для слова *мошка*, типичны сочетания с глаголами *сновать*, *кипеть*, *роиться*, *толчаться*, *вибрировать*, а также сочетания с названиями совокупностей; ср. *туча* <*рой*, *столб*, *шлейф*, *клубы*> *мошкар*; ср.:

- (145) *В погожем, с редкими облачками небе кружила поодаль пара аистов, а над головами опять стали виться клубы мошкар* (В. Быков. Болото (2001));
- (146) *В глубокое, еще не черное, а сливовое небо поднимался прозрачный столб мерцающей мошкар* (Д. Рубина. Окна (2011));
- (147) *В сумерках тучи мошкар, сбившись в шлейфы, атаковали понтон, сгорали над керосинкой* (А. Иличевский. По краям света (2004) // «Октябрь», 2005).

Перейдем к словам *букашка*, *жучок* и *козявка*³³.

³³ Все рассматриваемые слова, помимо основного значения (‘маленькое ползающее насекомое’), которое реализуется в лексемах *букашка 1*, *козявка 1.1*, *жучок 1*, имеют и другие значения. Перечислим их, снабдив каждую из соответствующих лексем «эскизным» толкованием. *Букашка* и *козявка* имеют переносное значение ‘малозначимый человек’, которое реализуется в лексемах *букашка 2*, *козявка 1.2* (оно было рассмотрено в начале этого раздела). *Козявка*, помимо этого, имеет два значения: 1) *козявка 2* ‘женщина или ребенок небольшого роста, который вызывает у говорящего раздражение’ (*Пошла прочь, козявка*) (см. об этом ниже);

Все описываемые слова обозначают маленькое безобидное ползающее насекомое³⁴. Ср.:

- (148) *Теперь он напоминал мальчугана, у которого на ладони ползает маленькая безобидная козявка* (Е. Сухов. Делу конец -- сроку начало (2007));
- (149) *Вдруг какая-то козявка поползла по левой щеке* (В. Михальский. Храм Согласия (2008));
- (150) *Днём можно рассмотреть каждый листок, каждую песчинку, каждый стебелёк травы и копошащихся между ними букашек* (М. Семенова. Волкодав: Знамение пути (2003));
- (151) *Пар идет от разогретой земли, и куда-то ползет встревоженный и выгнанный огнем из норки жучок* (Д. Шляпентох. Конец Истории: благословенный Иов // «Сибирские огни», 2013);
- (152) *Они даже, когда ходят, подметают перед собой дорожку мягким веничком — чтобы случайно не наступить на какого-нибудь жучка или божью коровку* (М. С. Аромштам. Мохнатый ребенок (2010)).

При этом *жучок*, *букашка* и *козявка* немного различаются по размеру. Для *жучка* размер не очень существен: его величина может варьироваться от самой незначительной (*крошечный жучок*, *жучок с булавоочную головку*) до средней (ср. *небольшой жучок*; *жучок размером с божью коровку*). Напротив, *козявка* предполагает акцент на маленьком размере, поэтому сочетания типа *небольшая козявка* воспринимаются как ненормативные, при стандартном *козявка с булавоочную головку*, *еле различимая козявка*, *крохотная* (*микроскопическая*) *козявка*.

Помимо этого, рассматриваемые слова различаются характером и объемом таксономической группы, которую они обозначают. *Козявка* употребляется в этом отношении наиболее свободно, тогда как *жучок* и *букашка* накладывают на тип обозначаемого насекомого некоторые ограничения.

2) *козявка* 3 — ‘содержимое носа’. Наконец, слово *жучок* имеет, помимо основного, два значения: 1) *жучок* 2 — ‘жук-древоточец или какой-л. другой маленький жук-вредитель’ (часто в собирательном значении) (*В чае завелись жучки*; *Жучки точат дерево*; *На картофель напал жучок*; *мебель, поеденная жучком*); 2) *жучок* 3 — ‘подслушивающее устройство’ (*обнаружить под потолком жучка*). В дальнейшем, говоря о словах *букашка*, *козявка* и *жучок*, мы всякий раз будем иметь в виду их основное значение — ‘маленькое ползающее насекомое’.

³⁴ Интересно отметить, что по типу передвижения *жучок* отличается от *жука*: если *жук* может и ползать, и летать, то *жучок* скорее ползает. Ср. нормальное *В окно влетел жук* при не вполне стандартном *В окно влетел жучок*; ср. также толкование слова *жук*, которое включает указание на способность к полету: ‘насекомое с жесткими надкрыльями, защищающими летные крылья, размером от половины горошины до ладони взрослого человека’ [Активный словарь русского языка 2018: 412].

Жучок используется главным образом применительно к жукам или же к другим похожим на них насекомым, обычно имеющим округлое туловище и короткие ножки. Между тем *букашка* и *козявка* применимы к любому маленькому ползающему насекомому, например *муравью*. Ср. бóльшую естественность примеров (153а), (154а) по сравнению с (153б), (154б):

(153а) *По книге ползла крошечная булашка <козявка> — рыжий лесной муравей;*

(153б) *По книге полз крошечный жучок — рыжий лесной муравей;*

(154а) *Мураши — безобидные булашки <козявки>;*

(154б) *Мураши — безобидные жучки.*

Букашка тоже накладывает некоторые ограничения на характер насекомого. В частности, это слово обозначает насекомых, которые живут на суше, тогда как для *козявки* и *жучка* это не обязательно; ср. странное *водные булашки* при нормальном *водные козявки, водяные жучки*; ср. также:

(155) *Подводные гряды здешние рыбаки называют каргами, на них и в них застревает много хламу, в хламе и камнях лепится всякая водная козявка* (В. Астафьев. *Царь-рыба* (1974));

(156) *И те же цветки, поляны лежали опрокинутые в темной воде, по которой плыли вместе с ними палки, травинки, черные деревяшки, водные жучки* (М. Кучерская. *Тетя Мотя* // «Знамя», 2012).

Слово *козявка* отличается от двух других слов максимально широким объемом обозначаемой им таксономической группы: это слово может использоваться применительно к любым разрядам маленьких нелетающих насекомых, в частности не только к ползающим, но и к прыгающим насекомым (таким как кузнечик), что для *булашки* и *жучка* нетипично.

Ср. допустимое (157а) при неправильном (157б):

(157а) *По листу лопуха скачет какая-то козявка;*

(157б) *По листу лопуха скачет какая-то булашка <какой-то жучок>.*

Более того, *козявка* может обозначать, помимо насекомых, существа, принадлежащие к другим классам (см. пример (158), где оно употреблено применительно к *мормышу* — маленькому рачку), а также существа неопределенного происхождения, как в примерах (159)–(162); отсюда типичность для этого слова сочетаний с неопределенным местоимением *какая-то*. Указанная особенность *козявки*, на наш взгляд, обусловлена предельно маленьким размером существ, обозначаемых этим словом, вследствие чего становятся неважными не только различия между их видами, но и различия между классами, к которым они относятся.

(158) *На одной совсем уж гибельно-непроглядной яме, утеплив себя толстым слоем слизи, стаями коротал зиму крупный окунь, выходя к вечеру в перекаты подкрепиться козявкой-мормышем* (В. Астафьев. *Последний поклон* (1968–1991));

- (159) *Разглядывать под микроскопом какую-то козявку;*
 (160) *Камень был подвешен к крошечному прозрачному существу, к ничтожнейшей из козявок величиной с виноградную косточку, плавающей в воздушной толще* (Л. Саксон. Принц Уэльский // «Октябрь», 2001);
 (161) *На листе подорожника Ёжик разглядел крошечную, с головы до ног покрытую колючками Козявку* (С. Георгиев. Ёжик-непоседа // «Мурзилка», 2003);
 (162) *Бекас-Долгонос расхваливает свой прямой и длинный нос, которым так удобно козявок из тины доставать* (С. В. Рязанцев. В мире запахов и звуков (1997)).

Помимо объема и характера обозначаемого таксона, описываемые слова различаются своими коннотациями. *Жучок* не имеет коннотаций, *букашка* и *козявка*, как уже говорилось в начале этого раздела, имеют коннотацию ничтожности и уязвимости.

Наконец, описываемые слова различаются характером оценки. *Жучок* нейтрален, *букашка* вызывает в представлении образ безобидного насекомого, милого и трогательного, и в связи с этим может выражать положительную оценку; ср. (163):

- (163) *Я же говорю — целыми днями разглядывал, оторваться не мог. — Ну и как? — Впечатление, доложу тебе, самое благоприятное. Это крошечные, тихие, хорошо воспитанные букашки* (С. Довлатов. Ариэль (1988)).

Положительная оценка, выражаемая словом *букашка*, связана еще и с тем, что оно ассоциируется с мирной, идиллической картиной любования природой, как в следующем примере:

- (164) *Как выглядел мир его мечтаний? Куда он уходил в них — к звёздам, к травам, букашкам?* (Д. Гранин. Зубр (1987)).

Наличие у *букашки* слабой положительной оценки подтверждается и тем, что для этого слова нетипичны сочетания с прилагательным *ядовитый*, тогда как для слов *жучок* и *козявка* они вполне допустимы. Ср. стандартный пример (164а) при не вполне стандартном (164б):

- (164а) *Ухо мое кусала козявка* (М. Вишневецкая. Вышел месяц из тумана (1997));
 (164б) *Ухо мое кусала букашка.*

По той же причине в следующем примере, где речь идет о вредных насекомых, слово *козявка* едва ли может быть заменено на слово *букашка*:

- (165) *Его испытали в борьбе с вредителями растений — и опять триумф: ни одной козявки на поле не оставалось* (В. Песков, Б. Стрельников. Земля за океаном (1977)).

Из всех трех рассматриваемых слов *козявка* чаще других выражает отрицательную оценку — пренебрежение, омерзение и гадливость; ср. вполне стандартное *мерзкая* <гнусная, отвратительная> *козявка* при нестандартном *мерзкая* <гнусная, отвратительная> *букашка*; *мерзкий* <гнусный, отвратительный> *жучок*; ср. также следующий пример:

- (166) *Посмотрите на этих конопляных жучков, — говорил Ливси, уткнувшись в какую-то омерзительную козявку, портившую вид зеленого пятипалого листика* (Остров сокровищ, или последний «Последний герой» (2004) // «Хулиган», 2004.07.15).

Возможно, это объясняется влиянием другого значения этого слова (*козявка* 2 — ‘содержимое носа человека’). Кроме того, отрицательная оценка *козявки* может быть связана также с непривлекательным внешним видом соответствующего насекомого. В отличие от *букашки* и *жучка*, которых мы представляем как компактное насекомое с аккуратным округлым туловищем и короткими лапками, *козявка* может вызывать представление о нескладном существе с длинными конечностями. Ср. следующий пример:

- (167) *Дадут практиканта из фээзу, дак тоже не выручка, за имя больше смотри, чем за сигнализацией, — так и норвят куда не следует: да прыгают, все прыгают, будто козявки с ногами в жопе* (В. Астафьев. Последний поклон (1968–1991)).

Не случайно слово *козявка* допускает образные употребления, в которых оно обозначает кривые неровные буквы неправильной формы с длинными хвостиками, похожими на ножки насекомого:

- (168) *Руки [у Олега] в кольцах и браслетах, на одной татуировка в форме каких-то переплетающихся около кисти длинных козявок. <...> Он попытался расспросить тетку Люсю про Олегову татуировку: что это за козявки такие? — Не козявки, а иероглифы! — строго поправила она* (К. Тахтамышев. Айкара (2002));
- (169) *Буквы-козявки на больших листах мокли, раздувались, слипались в стаю* (М. Кучерская. Тетя Мотя // «Знамя», 2012).

Из-за того, что *козявка*, в отличие от двух других слов, в своем основном значении может выражать отрицательную оценку, у этого слова развилось отдельное значение, в котором это слово выступает в качестве обидного прозвища. Речь идет о лексеме *козявка* 3, используемой главным образом по отношению к людям или животным маленького роста, часто — к невзрослым существам, и может быть истолкована следующим образом: ‘женщина, ребенок или подросток невысокого роста, а также небольшое животное, которые вызывают у говорящего раздражение или которых он хочет поддразнить’. Ср.:

- (170) — *Деваться теперь тебе некуда. Придется терпеть, козявка. — Не смей называть меня козявкой!* (М. Зосимкина. Ты проснешься. Книга первая (2015));
- (171) — *Заткнись, козявка!* — *заорал Лэри* (М. Петросян. Дом, в котором... (2009));
- (172) — *Я тоже ненавижу этих козявок, — вторил ей Проныра. — Вы же знаете, любимая тетушка, что я работал поваром в том же самом детском саду, что и вы. Эти мерзкие дети постоянно шастали возле меня на кухне и постоянно хулиганили* (В. Постников. Удивительные похождения нечистой силы (1996));
- (173) *Несся за девчонкой лохматый студент с журналистского, азартно орал во все горло: «Ходу! Ходу! Темп давай, козявка!»* (Г. Гуревич. Они же деревянные // «Уральский следопыт», 1982).

Козявка 3 часто используется в ситуациях, когда раздражение говорящего вызвано дерзким и вызывающим поведением человека или животного, не соответствующим его статусу (или размеру, в случае животного):

- (174) *И с какой легкостью Верочка, эта козявка, обставила свою взрослую сестру!* (Ю. М. Нагибин. Сирень (1972–1979));
- (175) *Профессор был крупным мужчиной, и смотрел на Линь сверху вниз с нескрываемым удивлением — что это за козявка, осмелившаяся ему перечить* (Борис Левин. Блуждающие огни (1995));
- (176) *Ему, взрослому человеку, профессионалу, который привык учить (...) и ощущать себя учителем, фигурой знаковой, надо признать, что какой-то ребенок-недоучка, недомерок, извините, козявка — гений* (Д. И. Фельдштейн, А. А. Леонтьев. К 75-летию Д. И. Фельдштейна (2004) // «Вопросы психологии», 2004.12.14);
- (177) *Чубик [маленькая собака] стал наседать на зверя. А сохач и так свирепее свирепня: то петля мучила, не давала уйти, а тут еще козявка лохматая норовит за бока цапнуть* (В. Бурлак. Хранители древних тайн (2001));
- (178) — *Мне нужен ночлег — и я его получу. Упрямого задирства козявке было не занимать: — Какой самонадеянный тип!* (И. Бояшов. Путь Мури (2007)).

При этом для *козявки 3* возможны ослабленные употребления, когда говорящий не испытывает раздражения по отношению к человеку, о котором идет речь, и не имеет намерения обидеть или поддразнить его; в этом случае *козявка* содержит шуточный оттенок:

- (179) *Тебя еще на свете не было, Дима, когда она это пела! В крайнем случае мы с тобой были вот такие вот козявки* (Н. Садур. Сад (1994));

- (180) *Раненых из огня должны вытаскивать здоровые мужики, а не такие козявки* (Ю. Друнина. С тех вершин. (Страницы автобиографии) (1979)).

Итак, можно предложить следующее толкование рассмотренного синонимического ряда: *букашка 1* ‘маленькое безобидное ползающее насекомое, которое обычно вызывает у говорящего симпатию’; *козявка 1.1* ‘ползающее насекомое или другое существо, настолько маленькое, что его трудно разглядеть, обычно вызывающее у говорящего пренебрежение или отвращение’; *жучок 1* ‘маленький жук’.

1.2.3.2. *Мошкá и гнус*

Слово *мошкара* интересно сравнить со словами *мошкá* и *гнус*, которые тоже имеют собирательное значение, однако обозначают кровососущих насекомых.

Слово *мошкá* уже было рассмотрено выше, в разделе 1.1.5.2; напомним его толкование: ‘мелкие летающие кровососущие насекомые, похожие на мух, от укусов которых на коже часто возникает отек, образующие в воздухе скопление и воспринимаемые как совокупность’.

Что касается слова *гнус*, то у него целесообразно выделять две лексемы: научную лексему *гнус 2* (‘совокупность разных видов кровососущих насекомых’) и обиходную лексему *гнус 1*, которая допускает три разных понимания. Перечислим их, начиная с самого широкого, аналогичного *гнусу 2*, до самого узкого, аналогичного слову *мошкá*.

1) Гнус 1 — все кровососущие насекомые, вместе взятые: как мелкие (комары, мошкá), так и крупные (оводы, слепни). Такое понимание *гноса* является максимально широким; оно аналогично научному (т. е. *гнусу 2*); ср.:

- (181) *Пауты или слепни, мухи-златоглазки, мокрец, мошка, комары — все это вместе называется «гнус»* (М. Тарковский. Жизнь и книга // «Октябрь», 2002);

- (182) — *А вы заметили, что на Земле Санникова, несмотря на обилие озер и болотистых лугов, почти нет гнуса? — спросил Горюнов. — Да, да! Ни слепней, ни оводов, ни мошки и даже комаров совсем мало, — подтвердил Ордин* (В. А. Обручев. Земля Санникова (1924)).

2) Гнус 1 — комары и мошкá; ср.:

- (183) *Анестезирующие лучи принесли нам неоценимую пользу в отношении «гноса» — комаров и мошек, причинявших немало досады и мучений* (М. В. Волков. Баиро-Тун // Всемирный следопыт, 1929).

В первом и втором понимании *гнус* включает указание на неприятные монотонные звуки, издаваемые насекомыми. Эти звуки могут восприниматься по-разному — иногда как высокие ((187), (188)), но чаще как низ-

кие ((184), (186)); ср. *стон* <гул, гудение> *гнуса*; ср. также совмещение звуков обоого типа в примере (185):

- (184) *Вечерами, серыми, длинными, наполненными густым стоном гнуса, просиживали у палатки* (Л. Пасенюк. Гнус // «Огонек». № 33, 1959);
- (185) *От гнуса гул и вой стоял в воздухе* (Ф. Абрамов. Две зимы и три лета (1968));
- (186) *Серое гудящее облако гнуса, увязавшегося за ним еще на Синельге, качалось над его потной головой* (Ф. Абрамов. Две зимы и три лета, 1968);
- (187) *Я хорошо помню, детьми мы играли около совхозной бойни, и я хорошо помню озера крови, над которой плотным звенящим облаком висел гнус* (Г. Садулаев. Одна ласточка еще не делает весны // «Знамя», 2005);
- (188) *Шаги становились все короче, требовали все больше усилий, болото победно орало, вокруг, вереща, вились тучи растревоженного гнуса* (В. Рыбаков. Вода и кораблики (1992)).

3) Гнус I — мошкá; ср.:

- (189) *Летом в тех местах появляется много комаров и оводов. Еще есть маленькая вредная мошка — гнус* (А. Ф. Членов. Как Алешка жил на Севере (1978));
- (190) *И когда отважный капитан с огромными предосторожностями решил около двух часов ночи высунуться наружу, он (...) тут же подвергся нападению тучи мелких кровососущих насекомых, известных под названием гнуса или мошки в нашей терминологии* (А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Понедельник начинается в субботу (1964));
- (191) *Перед вечером первый раз появилась мошка. Местные старожилы называют ее гнусом* (В. К. Арсеньев. По Уссурийскому краю (1917));
- (192) *Лицо ее сохраняло привлекательность, ведь ей никогда не приходилось заниматься физическим трудом под палящим солнцем, проливным дождем, страдая от комаров, слепней и беспощадного гнуса* (С. Логинов. Высокие технологии // «Наука и жизнь», 2007).

Согласно данным НКРЯ, из всех вышеназванных типов употреблений самым частотным является третий.

Поскольку *мошкá* и *гнус I*, в отличие от *мошкары*, обозначают кровососущих насекомых, вредных для человека (смысл 'вредоносность' имплицитно выводится из смысла 'кровососущий'), они вызывают представление о хищности и кровожадности; ср. *набросилась* <накинулась> *мошка*; *набросился* <накинулся> *гнус*; *лютая* <беспощадная мошка>; *Мошка* <гнус> *ест* <кусает, жрет, грызет>.

- (193) *Старшина какое-то время пытался отгонять её ветками, но скоро бросил — отогнать мошку было невозможно, так она жаждала крови* (В. Быков. Болото (2001)).

Как уже отмечалось, *мошку'* и *гнуса I* сближает с *мошкаррой* значение собирательности. Наличие указанного семантического компонента объясняет типичность для *мошкí* и *гнуса I*, так же как и для *мошкарры*, сочетаний со словами, обозначающими скопление насекомых, ср. *облако* <туча, столб> *мошкí* <*гнуса*>. При этом *мошкá* и особенно *гнус I*, по сравнению с *мошкаррой*, предполагают бóльшую концентрацию насекомых, создавая впечатление плотной неподвижной субстанции; ср.: *плотное облако гнуса*; *туман гнуса*; *Гнус душит*; *Гнус висит* <нависает>; *Не продохнуть от гнуса*; ср. также:

- (194) *Сверху плотной тучей висел гнус, сводя с ума* (А. Иванов. Сердце Пармы (2000));
 (195) *Местный охотник повел было Мамаева в обход болота. — Напрямик нельзя, что ли? — спросил прапорщик. — Напрямик — гнус задушит* (А. И. Алдан-Семенов. Красные и белые (1966–1973)).

Последнее отличает *гнуса I* и *мошку'* от *мошкарры*, которая создает ощущение непрерывного движения. Кроме того, сам характер движений, которые совершают описываемые насекомые, не вполне одинаков. Хотя *гнус I* и *мошкá*, подобно *мошкарре*, вызывают представление о круговых движениях, первые два слова, в отличие от третьего, сочетаются не со всеми глаголами, обозначающими такой тип движений. В частности, *гнус I* и *мошкá* свободно сочетаются с глаголами *виться*, *клубиться*, тогда как сочетания с глаголом *кружиться* и тем более *плясать* для них менее характерны, поскольку эти глаголы выражают положительную эстетическую оценку, которая вступает в противоречие с представлением о вредоносности соответствующих насекомых. Ср. нормальное (196), (197a), (198) при не вполне стандартном (197б):

- (196) *Тучи гнуса* <*мошкарры*> *клубятся* <*вьются*>;
 (197a) *Тучи мошкарры кружатся* <*пляшут*> *над водой*;
 (197б) *Тучи гнуса* <*мошкí*> *кружатся* <*пляшут*> *над водой*;
 (198) *Желто лоснились песчаные косы, между береговыми кустами ракитника плясала мошкара* (А. И. Алдан-Семенов. Красные и белые (1966–1973)).

Как мы убедились, *гнус I* и *мошкá* очень близки между собой: при суженном понимании *гнус I*, по сути дела, обозначает ту же таксономическую группу насекомых, что и *мошкá*. Тем не менее даже в этом случае между рассмотренными лексическими единицами сохраняется различие в оценке: *гнус I*, в отличие от *мошкí*, выражает резкую отрицательную оценку (не исключено, что последняя может возникать под влиянием при-

лагательного *гносный*, хотя этимологически *гносный*, предположительно, является производным от *гноса*; см. [Черных 1993: 196]).

Можно предложить следующее толкование обиходной лексемы *гнос I*: ‘мелкие летающие кровососущие насекомые, обычно комары и мошкá, воспринимаемые как совокупность и образующие в воздухе скопление, которые издают неприятный для слуха монотонный звук и оцениваются резко отрицательно’.

1.2.4. Червяк

Еще один зооним, специфический для обиходного языка и не используемый в научной номенклатуре, — *червяк*. Это слово является разговорным и сближается со словом *червь* в его обиходном значении (*червь I*), о котором уже шла речь в разделе 1.1.3. Так же как и *червь I*, *червяк* допускает два типа употреблений: а) применительно к дождевым червям (см. стандартное *дождевые* <земляные> *червяки*; ср. также (199), (200)); б) применительно к личинкам насекомых и гусеницам (см. (201)–(205)).

- (199) *Запоминайте мои слова да переваривайте, как червяки навоз* (Д. Донцова. Доллары царя Гороха (2004));
- (200) *Полупьяная женищина <...> увидела Валеру (он рыл червяков для наживки) и спросила: — А где я? (А. Слаповский. Большая Книга Перемен // «Волга», 2010);*
- (201) *Ей приходилось кормить своих аквариумных рыбок червяками — мотылем и опарышем;*
- (202) *Вода противная, в ней плавают сушеные дафнии, потому что за свежими червяками надо ехать в зоомагазин на Кузнецкий мост, а мне некогда (Е. Завершнева. Высотка (2012));*
- (203) *Фу, в грибе (яблоке, муке) червяк!*
- (204) *Вопросы копошились в моей голове, как червяки в яблоке (В. Синицына. Муза и генерал (2002));*
- (205) *Рядом стоял мужчина. Бледный и рыхлый, как мучной червяк (М. Петросян. Дом, в котором... (2009)).*

Таким образом, в таксономическом отношении *червь I* и *червяк* практически равнозначны. Различия между ними невелики.

Прежде всего для *червяка* (по-видимому, из-за его разговорной окраски) нетипичны терминологические употребления в составе устойчивых сочетаний типа *шелковичные черви*.

Кроме того, для *червяка*, в отличие от *червя I*, менее типична связь с идеей разрушения, поэтому в следующих фразах замена *червя* на *червяка* едва ли возможна:

- (206) *Розу точит червь;*
- (207) *Он [крест] был обугленный, изъеденный червями и покрытый пятнами плесени (М. Тырин. «Будет немножечко больно» (2014));*

- (208) *Однажды он рассказывает про воскресение мертвых, и Мишка вдруг задает ему поразивший всех вопрос: «Как же мы восстанем из праха, если наши тела съедят черви, червей съедят птицы, птицы разлетятся по всему миру, и их тоже кто-нибудь съест?»* (М. Шишкин. Венерин волос (2004) // «Знамя», 2005).

По той же причине слово *червь* нельзя заменить на слово *червяк* в сочетаниях типа *трупные* <могильные> *черви*, а также во фразах *на съедение червям*, *кормить червей*, *книжный червь*.

Вообще *червяк*, в отличие от *червя*, обычно связывается с представлением о безобидности. По этой причине различных червей-паразитов, паразитирующих на человеке или растениях (гельминтов и других нематодов) вряд ли можно назвать *червяками*³⁵.

Еще одно отличие *червяка* от *червя I* состоит в том, что первый, в отличие от второго, редко употребляется, когда размер существа настолько мал, что его трудно различить глазом, — ср. странное *крошечные червяки*, *микроскопические червяки*, *червяки размером в миллиметр* при нормальном *крошечные черви*, *микроскопические черви*, *черви размером в миллиметр*.

По характеру оценки и коннотациям *червяк* близок к *червю I* (хотя в случае *червяка* и то, и другое носит более отчетливый характер, вероятно, из-за разговорной окраски этого слова).

Обе рассматриваемые лексические единицы выражают отрицательную оценку, указывая на то, что обозначаемое ими существо вызывает у говорящего отвращение; ср. *гадкие* <отвратительные> *червяки* <черви>; ср. также:

- (209) *Безлетов затаился сигаретой и забычковал ее не без остервенения, словно задавил гадкого червяка* (З. Прилепин. Санька (2006));
 (210) *Вялые мысли медленно шевелились в голове, будто склизкие щупальца или куски чего-то мерзкого — не то давешней медузы, не то просто чего-то бесформенного, разлагающегося. Черви...* (Н. Катерли. Дневник сломанной куклы // «Звезда», 2001).

Что касается коннотаций, то *червяк* и *червь I*, подобно *мóшке*, *букашке* и *козявке*, имеют коннотацию ничтожности, однако причины ее возникновения в данном случае несколько иные, чем у *мóшки* и пр. У *червяка* и *червя I* данная коннотация базируется не на маленьком размере, а на характере среды обитания (земля), характере перемещения (черви передвигаются ползком) и пространственном положении, при этом последнее выводится из первого посредством импликации (черви живут в земле → они находятся внизу, под ногами); ср.:

- (211) — *Я бедный грешник, который вышел из ничтожества: я червяк, который выполз из грязи* (Н. С. Лесков. Томление духа (1890)).

³⁵ Это наблюдение было высказано в рецензии на данную статью, написанной одним из сотрудников журнала «Русский язык в научном освещении».

На коннотации ничтожности, которая присутствует у *червяка* 1 и *червя* 1, базируются переносные значения *червяк* 2 и *червь* 3, которые можно истолковать следующим образом: ‘человек, который занимает предельно низкое общественное положение, не имеет никаких достижений или же ведет себя низко и недостойно, вследствие чего говорящий относится к нему с презрением’.

Компонент ‘низкое положение’ можно проиллюстрировать примерами (212)–(214), компонент ‘недостойное поведение’ — примерами (215)–(217); они оба возникли в результате метафорического переосмысления компонента ‘находиться внизу’.

- (212) *Бледно-тощий, заискивающе-вежливый [о Тимофее Ровинском]. Липнувший с дурацкими вопросами на съемочной площадке в тональности «я — червь, ничтожество, преклоняюсь перед мастером»* (А. Измайлов. Трюкач (2001));
- (213) *В общем, был Лев Борисович весь такой жалкий, безобидный, карикатурно узнаваемый, что любой, глядя на него, мог подумать: «Червяк, чиновник, Акакий Акакиевич»* (В. Валеева. Скорая помощь (2002));
- (214) *Вы уже в бронзе, а я червяк* (В. Лихоносов. Ненаписанные воспоминания. Наш маленький Париж. Ч. 5 (1983));
- (215) *Тут надо друг за друга держаться, а не раскачивать лодку. Не понравилось — уволился, это пожалуйста. Но рыть изнутри — совсем другое. Он правильно сказал: червь. Потому что низко и подло* (Е. Шкловский. Сладкая парочка // «Звезда», 2003);
- (216) *А потому он червь, подлец и преступник* (М. Палей. Ланч (1999));
- (217) *А этот подлый червяк Меремот всем говорит, что твой старый Софэр очень жаден, имеет много золота, а никому не хочет объяснить, как он его делает* (В. Ян. Финикийский корабль (1931)).

Как видно из примеров, лексемы *червь* 3 и *червяк* 2 очень часто используются говорящим по отношению к себе самому, когда он хочет принизить себя (см. (212), (214)).

Итак, несмотря на то, что переносные значения у слов *червяк* и *червь* развились на основе той же коннотации, что и переносные значения слов *мошка*, *букашка*, *козявка*, тем не менее между теми и другими существуют серьезные смысловые различия, обусловленные тем, что коннотация ничтожности имеет у этих слов неодинаковое происхождение. Если *мошка*, *букашка*, *козявка* в применении к людям употребляются главным образом тогда, когда речь идет о беспомощности человека, его неспособности что-то изменить и зависимости от других, то *червяк* и *червь* используются, когда речь идет о том, что человек занимает самое низкое положение из всех возможных или имеет низкие моральные качества.

2. Нетаксономические различия

2.1. Различия в наборе признаков, которые не связаны с делением на таксономические группы

К разряду нетаксономических различий между научными и обиходными родовыми понятиями относятся прежде всего различия в наборе существенных признаков (в биологии последние обозначаются термином «диагност»), которые не влияют на принадлежность к той или иной таксономической группе.

Так, для понятия «насекомое» в научной сфере релевантными признаками является, в числе прочего, принадлежность к классу беспозвоночных, трахейное дыхание, а также жизненный цикл, который состоит из трех или четырех фаз (яйца, личинки, куколки и имаго). В обиходе для соответствующего понятия не важен ни один из перечисленных признаков, зато существенны такие признаки, как небольшой размер и обитание на суше (см. раздел 1.1.1.4).

В качестве еще одного примера приведем понятие «хищник», принятое в зоологии, которое близко к обиходному понятию «зверь». Если первое из них включает указание на принадлежность животного к особому отряду собакообразных и кошкообразных, представители которого охотятся на позвоночных, то для второго вместо этого актуально указание на наличие меха и обитание в естественных условиях (см. разделы 1.1.1.3 и 1.1.1.4).

Наконец, сравним, какое содержание вкладывается в зоологии и обиходе в понятие «червь». В обиходе для соответствующего понятия важен не только внешний вид существа, но и его тактильные качества (оно мягкое и скользкое на ощупь), а также среда обитания (земля) и способ передвижения (оно передвигается ползком). Для научной картины мира все эти признаки не важны, вместо этого важно внутреннее строение (наличие поперечной мускулатуры — см. раздел 1.1.3).

2.2. Различия, связанные с собирательностью

Еще одно нетаксономическое различие между понятиями (и обозначающими их словами) в сфере зоологии и в обиходном языке состоит в том, что для обиходной сферы чрезвычайно характерна собирательность; в частности, собирательное значение имеют такие обиходные зоонимы, как *живность*, *скотина*, *мошкá*, *мошкара*. Иногда собирательные зоонимы существуют параллельно с несобирательными: ср. *зверье* и *звери*, *живность* и *животное*, *мошка* и *мошкара*. При этом собирательные наименования в обиходном языке нередко допускают метонимические употребления, в которых они обозначают одно существо (см. примеры (218 а–г)), и, наоборот, несобирательные существительные могут приобретать способность метонимического употребления в значении совокупности (см. примеры (219 а–в)).

- (218а) *Мошкара залетела в глаз;*
- (218б) *Корова — бессловесная скотина;*
- (218в) *Хочу купить какую-нибудь живность;*
- (218г) *Меня укусила мошкá;*
- (219а) *В лесах много зверя;*
- (219б) *На калину напал жучок;*
- (219в) *Мебель съедена жучком.* (В последнем случае слово *жучок* употребляется в особом значении — ‘жуки-вредители’.)

Кроме того, характер собирательности в обиходном словоупотреблении и в научном языке не одинаков, что объясняется различием в родовом статусе объектов, составляющих совокупность.

В научном языке слова с собирательным значением обычно обозначают совокупность видов — так употребляются книжные слова *фауна*, *животный мир* (напомним их толкование: ‘исторически сложившаяся совокупность видов диких животных, обитающих в области A1’), а также лексема *гнус* 2, используемая в научном языке (*гнус* 2 — ‘совокупность разных видов кровососущих насекомых’). Рассматриваемые лексические единицы используются в сходных контекстах: ср. (220а) и (220б), (221а) и (221б), а также (222а) и (222б).

- (220а) *В состав фауны <животного мира> Африки входит более 1100 видов млекопитающих;*
- (220б) *В состав гнуса входят представители различных семейств двукрылых: комары, мошки, мокрецы, москиты, слепни, кровососущие мухи некоторых видов — осенние жигалки (Медицинская энциклопедия);*
- (221а) *Видовой состав фауны <животного мира> зависит от ряда факторов;*
- (221б) *Видовой состав и численность гнуса зависят от ландшафтно-географических и климатических условий, времени года (Википедия);*
- (222а) *Типичные представители фауны <животного мира> Африки — львы и бегемоты;*
- (222б) *Типичные представители гнуса — мошки, комары, мокрецы.*

Между тем в обиходном языке собирательные образования обозначают скорее совокупность конкретных существ или их скопление — так употребляются слова *живность*, *скотина*, *мошкара*, *мошкá*, *гнус* 1. Ср. следующие типичные употребления описываемых лексических единиц:

- (223) *Распугать живность* (ср. странное *распугать фауну <животный мир>*);
- (224) *Покормить скотину* (ср. странное *покормить фауну <животный мир>*);
- (225) *В воздухе вьется мошкара;*
- (226) *Слышно гудение мошки <гнуса>.*

Наоборот, фразы (227)–(228) звучат странно:

(227) *В состав живности <скотины, мошкí, мошкары> входят...*

(228) *Типичные представители живности <скотины, мошкí, мошкары>...*

Наиболее отчетливо описываемое различие ощущается при сравнении следующих пар: 1) *гну́с* 2 vs. *гну́с* 1; 2) *животный мир, фауна* vs. *живность*.

Рассмотрим два последних типа нетаксономических различий — различия в коннотациях и оценках, а также в заполнении валентностей. Они оба связаны не столько с родовыми понятиями, сколько со значением конкретных слов, обозначающих их.

2.3. Различия в коннотациях и оценке

Родовые зоонимы в обиходном языке, в отличие от научного, обычно нагружены коннотациями. Интересно, что коннотации в обиходном языке возникают практически у всех зоонимов, в том числе у тех, которые не специфичны для обиходного словоупотребления (и имеют в обиходном языке практически то же значение, что и в научном, как, например, *скот*, *бабочка*, *змея*, *жук*).

В большинстве случаев коннотации описываемых слов носят негативный характер. Перечислим основные из них. *Зверь* 1 — коннотация жестокости, *хищник* 1, *хищный* 1 — жестокости, жадности и стремления к наживе, *мошка* 1, *букашка* 1, *козявка* 1.1, *червь* 1, *червяк* 1 — ничтожности, *мотылек* 1 — легкости, изменчивости и беспечности, *скот* 1, *скотина* 1 — грубости, бесчувственности, а также тяжелого труда и бесправного положения, *животное* 1 — грубости и примитивности, *птица* 1 — свободы, *рыба* 1 — равнодушия, отсутствия эмоций, *бабочка* — красоты и праздничности, *жук* — хитрости, *змея* — коварства.

На основании перечисленных коннотаций у большинства рассматриваемых слов сформировались переносные значения, как правило, характеризующие человека. Поскольку большинство коннотаций носит негативный характер, лексемы с переносным значением, возникающие на их основе, в большинстве случаев обозначают отрицательно оцениваемые качества человека; ср. *животное* 3 (*грубое животное*), *зверь* 2 (*Он настоящий зверь!*), *хищник* 4 (*империалистический хищник*), *хищный* 4 (*хищный делец*), *хищный* 5 (*хищный блеск в глазах*), *мошка* 2, *букашка* 2, *козявка* 2, *червь* 3, *червяк* 2 (*Я жалкая мошка <букашка, козявка>*, *Я жалкий червь <червяк>*); *скотина* 2, *скот* 2 (*пьяная скотина, грубый скот*), *скотина* 3, *скот* 3 (*Ах ты скотина!*; *Эти скоты меня надули*), *жук* 2 (*Ну ты и жук!*), *змея* 2 (*змея подкольная*).

Положительные (или близкие к ним) коннотации имеются только у зоонимов, обозначающих летающие существа (ср. коннотацию свободы у *птицы*, а также коннотацию легкости у *мотылька*); интересно, что на их основе не формируются отдельные значения.

Кроме того, многие родовые зоонимы в обиходном языке отличаются от близких к ним лексем, используемых в научном языке, наличием оценки — отрицательной, как в случае *червя 1*, *червяка 1* и *гнуса 1*, или положительной, как в случае *зверька*, *зверюшки*, *букашки 1*, *мотылька 1*. При этом среди оценочных зоонимов присутствуют слова, выражающие эстетическую оценку (*гнус 1*, *червь 1*, *червяк 1*, *мотылек 1*), и слова, выражающие общую оценку (*зверек*, *зверюшка*, *букашка 1*).

В некоторых случаях оценка может вступать в конфликт с коннотацией. Так происходит в случае с *букашкой*, которая имеет коннотацию ничтожности, однако оценивается положительно (отчасти из-за указания на безвредность), а также в случае с *мотыльком*, который имеет коннотации легкомыслия и беспечности, однако получает положительную эстетическую оценку.

Часто оценка и коннотации могут влиять на значение слова или лексемы, накладывая ограничения на характер существ, которые могут быть ими обозначены, как в случае *мотылек* (см. об этом в разделе 1.1.2.1), а также *хищник* (см. [Крылова 2019]).

Оценка интересным образом взаимодействует с собирательностью. Среди зоонимов, выражающих положительную оценку, таких как *букашка*, *зверек*, *зверюшка*, *мотылек*, нет ни одного слова с собирательной семантикой. На наш взгляд, это не случайно: положительная оценка исключает недифференцированный подход к объектам. В качестве дополнительного аргумента, подтверждающего это, можно привести прилагательное *мелкий*, которое в одном из своих центральных значений (*мелкий 2*) характеризует размер однотипных объектов, образующих совокупность, и при этом выражает отрицательную утилитарную оценку или оттенок пренебрежения; ср. *мелкие яблоки*; *мелкая рыбешка*. Такая оценка сохраняется у слова *мелкий* и в других значениях — *мелкий 3* ('имеющий небольшие материальные возможности'; ср. *мелкие предприятия*), *мелкий 4* ('занимающий невысокое положение'; ср. *мелкий чиновник*), *мелкий 5* ('незначительный'; ср. *мелкие достижения*); *мелкий 6* ('ничтожный'; ср. *мелкие побуждения*), *мелкий 7* (разг.) ('ребенок'; ср. *Поди сюда, мелкий*).

2.4. Различия, связанные с характером заполнения валентностей

Это различие можно проиллюстрировать на примере соотношения слов *живность* vs. *фауна*, *животный мир*. *Живность* отличается от *фауны* и *животного мира*, вместе взятых, характером заполнения валентности A1.

В целом *фауна* и *животный мир* накладывают меньше ограничений на характер A1.

Во-первых, в случае *фауны* и *животного мира* в роли A1 может выступать как географическое название (*Дальневосточная* <*Африканская*> *фауна*, *животный мир Средней Азии*), так и слово, указывающее на тип природного объекта (*животный мир* <*фауна*> *тундры* <*лесостепи*>, *полярная* <*морская*> *фауна*), тогда как для *живности* второе более типично, чем первое; ср. *лесная* <*степная*> *живность*; *живность тундры*.

Во-вторых, *фауна и животный мир*, в отличие от *живности*, допускают объединение существ не только по месту их обитания, но и по времени, в которое они живут, в связи с чем в роли А1 могут выступать не только названия пространственных объектов, но и названия временных промежутков; ср. *фауна* <*животный мир*> *ледникового периода* <*юрского периода*>.

Выводы

1. Большая часть расхождений между научными и наивно-языковыми представлениями в сфере зоологии обусловлена несовпадением в «диагнозе» — наборе релевантных признаков, которые входят в толкование соответствующих зоонимов.

Для научной сферы первостепенную важность имеют следующие признаки: место живого существа в иерархии живых существ (оно обычно определяется путем указания ближайшего таксона более высокого ранга, реже — двух ближайших таксонов), внутреннее строение, различные биологические особенности организма (в частности, особенности развития и размножения, наличие способности сохранять постоянную температуру тела и пр.).

Для наивной картины мира центральными являются внешние признаки живого существа (внешнее строение, размер, тактильные характеристики, характер внешнего покрова), а также такие признаки, как способность двигаться и способ передвижения, тип питания, характер среды обитания и вредоносность для человека. Из биологических особенностей организма для наивной зоологии важен только способ размножения.

2. Различия в наборе релевантных признаков часто приводят к возникновению различных расхождений на таксономическом уровне, связанных с делением живых существ на таксономические группы. Мы столкнулись со следующими видами таких расхождений: несовпадение объема или границ таксонов, частичный сдвиг одного таксона относительно другого, различие в их соотношении, асимметрия между словами и обозначаемыми ими таксонами, разный состав таксонов.

3. Важно отметить, что из перечисленных выше признаков, релевантных для языковой картины мира, далеко не все могут служить основанием для классификации живых существ, т. е. выступают в качестве таксонообразующих. При этом мы считаем признак таксонообразующим, или классифицирующим, в следующих случаях: а) если он позволяет очертить границы данного таксона, т. е. если на его основании те или иные существа могут быть отнесены или не отнесены к данному классу; б) если он позволяет разграничить два смежных таксона; в) если он является более или менее универсальным, т. е. релевантен для достаточно большого количества родовых понятий.

4. В роли классифицирующих в наивно-языковой картине мира выступают следующие признаки:

1) Внешнее строение. Хотя данный признак актуален не только для наивно-языковой, но и для научной картины мира, тем не менее его «удельный вес» в этих системах различен. Для наивной зоологии внешнее строение является центральным признаком, который служит стержневым для большинства родовых понятий (и соответствующих зоонимов) и задает их границы. Речь идет о таких понятиях, как «скотина», «животное», «рыба», «птица», «насекомое», «червь», «гусеница» и пр. (Для скотины, как она понимается в обиходе, обязательно наличие рогов, для животного — 4 конечностей, для рыбы — удлинённого тела, плавников и веерообразного хвоста, для птицы — крыльев, для насекомых — 3—4 пар членистых конечностей, для червей и гусениц — удлинённого гибкого тела, лишённого конечностей.) Отсутствие соответствующих признаков затрудняет отнесение того или иного существа к данному классу: морского конька, имеющего изогнутое туловище, расположенное вертикально, и закрученный спиралью хвост, мы можем назвать рыбой только с некоторой натяжкой, а пингвина, у которого крылья трансформировались в подобие передних конечностей, скорее назовем животным, чем птицей.

Исключение составляют, пожалуй, только такие понятия, как «живое существо», «букашка», «козявка», «живность» и «гнус», которые не охарактеризованы с точки зрения строения по причине обобщенности значения (живое существо), маленького размера (букашка, козявка) или разнообразия существ, образующих совокупность (живность, гнус). Рассматриваемый признак в обиходе является дифференциальным для целого ряда родовых понятий: он формирует оппозиции «животное» vs. «рыба» vs. «птица»; «насекомое» vs. «червь»; «бабочка» vs. «гусеница».

Вследствие того, что для языкового сознания внешнее строение более значимо, чем происхождение живых существ, нередко возникает асимметрия между научными и языковыми представлениями. Мы обнаружили два типа такой асимметрии:

а) живые существа, имеющие разное происхождение (и относящиеся с научной точки зрения к разным таксономическим группам), в обиходе из-за внешнего сходства могут отождествляться между собой, что отражается на значении соответствующего зоонима (ср. слово *червь*, которое в обиходе может использоваться применительно к личинкам насекомых);

б) живые существа, которые имеют одинаковое происхождение (и поэтому относятся в научной картине мира к одному виду), в обиходе из-за различий во внешних признаках могут относиться к разным видам, что опять-таки отражается на значении соответствующих слов (ср. слово *гусеница*).

2) Размер. Этот признак малорелевантен для научной картины мира и чрезвычайно важен для наивно-языковых представлений в сфере зоологии. Указание на размер является сквозным признаком, который входит в каче-

стве обязательного компонента в значение большинства рассмотренных нами обиходных понятий и задает их границы³⁶. (Так, в значение обиходного понятия «животное» входит компонент ‘большой размер’³⁷, в значение понятий «мошкара», «мо́шка», «мошкá», «букашка», «козявка», «жучок», «живность», «зверек», «зверюшка» — компонент ‘незначительный размер’.)

Кроме того, указание на размер зачастую выступает в качестве дифференциального признака, на основании которого противопоставляются смежные понятия, — ср. «зверь» vs. «зверек», «зверюшка»; «жук» vs. «жучок», «букашка», «козявка»; «бабочка» vs. «мотылек»; «муха» vs. «мо́шка».

Следует отметить, что для насекомых в связи с их незначительным размером рассматриваемый признак еще более важен, чем для других существ; нередко он является конституирующим признаком, на основании которого формируются родовые понятия в данном семантическом поле — ср. слова *жучок*, *мо́шка*, *мошкара*, *букашка*, *козявка*, для которых указание на маленький размер является центральным компонентом значения.

3) Характер внешнего покрова. Этот признак важен для таких обиходных понятий, как «зверь», «зверюшка», «зверек», «животное», «рыба», «птица», «насекомое», «животное»: так, согласно обиходным представлениям, зверь, зверюшка, зверек покрыты мехом, животное — мехом или шерстью (см. об этом в [Крылова 2019]), рыбы — чешуей, птицы — перьями, насекомые — гладкой оболочкой, твердой, но непрочной. Характер внешней оболочки задает границы всех перечисленных понятий и в ряде случаев позволяет провести границу между смежными понятиями, в частности противопоставляет животных и птиц (так, летучую мышь, которая по строению напоминает птицу, мы в обиходе тем не менее относим к животным — это происходит главным образом из-за шерсти, покрывающей ее тело).

4) Подвижность. Этот признак, как правило, не рассматривается как значимый в сфере зоологии. Между тем в наивной зоологии он занимает важное место — в частности, он важен для формирования обиходных понятий «живность» и «живое существо» и задает их границы, отсекая неподвижные существа, которые не включаются ни в одно из этих понятий. Кроме того, он формирует оппозицию «живность» vs. «фауна».

³⁶ Это касается не только тех родовых понятий (и обозначающих их зоонимов), которые рассмотрены в данной статье, но и многих других. Так, слова *муха* и *жук* в обиходе предполагают указание на достаточно крупный (сравнительно с другими насекомыми) размер — чуть меньше фаланги мизинца. Вследствие этого *жук-перокрылка* размером менее 1 мм или *лосиный клещ*, которые в научном словоупотреблении могут быть названы, соответственно, *жуком* и *мухой*, едва ли могут быть так названы в обиходе (первого мы скорее назовем *жучком*, второго — *мушкой*).

³⁷ Так, мелкое земноводное или пресмыкающееся (например, лягушку или ящерицу) труднее назвать *животным*, чем крупное (например, варана или крокодила), — см. об этом в статье [Крылова 2019].

5) Способ передвижения³⁸. Для наивной зоологии, в отличие от «классической» зоологии, данный признак является практически универсальным. Он релевантен для большинства родовых понятий в обиходном языке, которые мы рассмотрели: сюда относится «рыба», «червь», «гусеница», «букашка», «козявка», «птица», «бабочка», «мотылек», «мошка» и «мошара» (рыба плавает, червь, гусеница, букашка и козявка ползают, птица, бабочка, мотылек, мошка и мошара летают). Существует достаточно мало обиходных понятий, не охарактеризованных по рассматриваемому признаку. К ним относятся следующие: а) родовые понятия, которые имеют максимально обобщенное значение или представляют собой совокупность разнородных существ («живность», «живое существо»); б) родовые понятия, в состав которых входят существа, передвигающиеся по земле на четырех конечностях, такие как «зверь», «животное» и пр. (По всей видимости, это связано с тем, что рассматриваемый способ перемещения в силу его сходства с перемещением человека воспринимается как стандартный и не привлекает к себе внимания, в отличие от передвижения ползком, а также от передвижения по воде и по воздуху.)

Способ передвижения является дифференциальным для таких смежных понятий, как «мошка» и «букашка».

6) Тип питания. Этот признак для наивной зоологии более актуален, чем для зоологии как науки. Если в сфере зоологии нам встретилось только три родовых понятия, для которых существенен тип питания («хищник», «мошка», «гнус»), то в обиходе данный признак, помимо этого, входит в значение как минимум двух понятий, рассмотренных нами, а именно «гусеница», «зверь» (гусеница питается листьями, зверь — другими животными).

7) Условия обитания. Для наивной картины мира, в отличие от научной, чрезвычайно важно указание на среду обитания живых существ: в частности, животные, обитающие в естественных условиях, четко противопоставлены тем, которые живут вместе с человеком. Указание на естественную среду обитания является одним из компонентов, на основе которых выделяются такие обиходные понятия, как «хищник», «зверь», «зверек», «бабочка», «мотылек». Данный признак позволяет очертить границы рассматриваемых понятий — благодаря ему за пределами таксонов «зверь» и «хищник» оказываются домашние животные, а за пределами таксонов «бабочка» и «мотылек» — такие насекомые, как моль.

8) Способность существа причинить вред человеку. Этот признак для языковой картины мира более значим, чем для научной. Он релевантен главным образом для насекомых, в частности для обиходных понятий «мошкá», «гнус»; «букашка», «козявка», «мошка», «мошара», и позволяет противопоставить такие понятия, как «мошка» vs. «мошкá»; «гнус» vs. «мошара».

³⁸ О значимости этого признака для обиходной классификации см. также в работе [Гура 1997: 19].

5. Помимо таксонообразующих (классифицирующих) признаков, существуют также признаки, которые хотя и осознаются носителями языка как значимые (и входят в толкование соответствующих зоонимов), тем не менее не способны выступать в качестве основы для классификации, т. е. очерчивать границы тех или иных таксонов, а также противопоставлять их смежным таксонам. Часто это связано с тем, что они присущи всему таксону в целом и лишены «различительной силы». Если пользоваться фонологической терминологией, то такие признаки можно назвать интегральными (в противоположность классифицирующим признакам, которые могут быть названы дифференциальными).

В качестве примера таких интегральных признаков можно привести следующие. А. Тактильные характеристики — они релевантны для понятий «червь», «гусеница» (в значение обоих этих понятий входит компонент 'мягкий на ощупь'). Данный признак не является классифицирующим, по всей видимости, из-за его частного характера, обусловленного вторичностью тактильного восприятия по сравнению с другими типами восприятия. Б. Некоторые признаки, связанные с внешним строением и размножением, которые характеризуют весь класс живых существ без исключения (например, наличие у птиц клюва, а у рыб — жабр, а также откладывание птицами яиц). Соответствующие признаки не являются для птиц и рыб классифицирующими, поскольку отсутствуют птицы без клюва или рыбы без жабр, так же как птицы, которые не откладывали бы яиц. Вследствие этого все перечисленные признаки не имеют «различительной силы», являются сопутствующими, интегральными.

6. Родовые понятия и стоящие за ними таксономические группы, выделяемые в наивной зоологии, можно условно разделить на основные и неосновные. Основные таксономические группы образуют следующую иерархию.

1 уровень. На этом уровне выделяется максимально обобщенный класс «живые существа».

2 уровень. Внутри класса «живые существа» выделяются три больших класса — «животные», «птицы», «рыбы», «насекомые» — и несколько более мелких (но тем не менее самостоятельных) классов — «змеи», «ящерицы», «черви».

3 уровень. Внутри класса «животные» выделяется подкласс «дикие животные», или «звери»³⁹, и подкласс «домашние животные»⁴⁰, а внутри

³⁹ Напомним, что форма МН *звери*, в отличие от формы ЕД *зверь*, употребляется как синоним сочетания *дикие животные*.

⁴⁰ Интересно, что, в отличие от сочетаний *дикие животные* и *домашние животные*, аналогичные сочетания со словом *птицы* (*дикие птицы* и *домашние птицы*), по всей видимости, не обозначают в наивной зоологии отдельных разрядов живых существ — они представляют собой скорее свободное сочетание, чем еди-

класса «насекомые» — подклассы «бабочки», «мотыльки», «жуки», «жучки» и «мухи».

4 уровень. Внутри подкласса «звери» выделяется группа «зверь»⁴¹, внутри подкласса «домашние животные» — группа «скот».

5 уровень. Внутри группы «скот» выделяется как разновидность подгруппа «скотина».

6 уровень (виды). Внутри группы «зверь» выделяются такие виды, как волк, лиса и пр., внутри бабочек — крапивница, капустница и пр., внутри жуков — майский жук, жук-пожарник и пр., внутри жучков — жучок-древоточец, внутри мух — навозная муха, слепень и пр.

Обращают на себя внимание несколько интересных особенностей этой классификации.

А. Мы убедились, что в языковой картине мира для каждого разряда живых существ имеется некий «формальный прототип», обычно основанный на типичных внешних признаках этого класса. Те живые существа, которые не подходят под него, не могут быть отнесены к соответствующему разряду и названы соответствующим словом — так, гусениц, насекомых и червей нельзя назвать *животными*, поскольку соответствующее понятие в обиходе предполагает наличие четырех конечностей, волосяного покрова и достаточно большой размер (см. об этом в [Крылова 2019]). Вследствие этого многие группы живых существ в обиходной иерархии не входят ни в один из основных разрядов, которые существуют на данной ступени иерархии. (Например, землеройки или мыши, которые входят в класс животных, не относятся ни к одному из подклассов — ни к диким животным, ни к домашним). Кроме того, некоторые виды живых существ (например, такие, как лягушка, ящерица, краб, улитка, морской еж и пр.) вообще не входят ни в один из основных таксономических разрядов обиходно-языковой классификации (за исключением самого общего класса «живые существа») и лишены в этой классификации определенного места.

Б. Иерархия живых существ в обиходе по количеству уровней уступает научной: последняя содержит не 6, а 8 обязательных уровней (домен, царство, тип, класс, отряд, семейство, род, вид), к которым могут добавляться дополнительные уровни (например, раздел, когорта, секция, триба, а также уровни, названия которых образованы с помощью приставок под- (sub-), инфра- (infra-) и над- (super-), например подтип, инфракласс, надкласс и пр.).

В. Многие разряды в обиходной иерархии живых существ являются одиночными и не имеют соотносительного разряда, который был бы выде-

ный зооним, и, как показывает НКРЯ, в 3 раза менее употребительны, чем сочетания *дикие животные* и *домашние животные*.

⁴¹ Напомним, что форма ЕД *зверь*, в отличие от МН *звери*, обозначает разряд диких животных — хищное животное, покрытое мехом. Поскольку это значение закреплено только за формой ЕД, мы вынуждены приводить название данного разряда в этой форме, хотя названия остальных разрядов даются в форме МН; см. раздел 1.1.1.3.

лен на основании того же признака и противопоставлен ему. Одиночным является разряд «скот» (отсутствует разряд, в который входили бы домашние животные без копыт, — в частности, «домашние компаньоны» — кошки и собаки); не имеет пары также разряд «звери» (нет отдельного разряда, в который входили бы нехищные дикие животные, такие как олени, лоси, бобры и пр.).

Г. Разряды и подразряды «скот», «домашнее животное» и «дикое животное» в «классической» зоологии являются элементами фасетной, а не иерархической классификации, тогда как наивной зоологии они встроены в иерархическую классификацию.

Д. Из всех классов наиболее разработанным является класс «животные», что проявляется в максимальном количестве ступеней членения.

Е. Существуют два разряда, названия которых являются формами одного и того же слова — «звери» ('дикие животные', в форме МН; ср. *птицы и звери*) и «зверь» ('хищное дикое животное, покрытое мехом', в форме ЕД; ср. *Волк — опасный зверь*). При этом интересно, что разряд, обозначаемый формой МН *звери*, имеет более высокий ранг по сравнению с разрядом, обозначаемым формой ЕД *зверь*, т. е. «зверь» — разновидность «зверей».

7. В наивно-языковой картине мира, помимо основных таксономических групп (которым соответствуют основные родовые понятия), существует достаточно большое количество неосновных. Таков обобщенный класс «живность», который лишен четкого места в иерархии. Он занимает промежуточное положение между 1 и 2 уровнями — включает в себя ряд классов 2 уровня (птиц, рыб, змей, ящериц) и в то же время пересекается с одним из классов 2 уровня (а именно, с классом «животные» — за пределами живности остаются крупные животные). Помимо этого, к неосновным могут быть отнесены такие разряды, как хищник, зверек, зверюшка, а также мóшка, мошкара, букашка, козявка (все они находятся на 3 уровне иерархии: хищник, зверек, зверюшка являются подразрядами животных и пересекаются между собой, а мóшка, мошкара, букашка, козявка являются подразрядами насекомых).

Соответствующие понятия имеют ряд общих признаков: а) Таксономические группы, стоящие за ними, обычно лишены четкого места в иерархии и пересекаются между собой или с основными таксономическими разрядами. б) Большинство этих понятий (и обозначающих их зоонимов) содержит в своем значении различные дополнительные компоненты, нерелевантные для деления на таксономические группы (неклассифицирующие признаки, как, например, характер полета у *мошкары* и *мошки*, оценочные компоненты, собирательность), или же, наоборот, имеет слишком обобщенное значение (многие из них не охарактеризованы по основным классифицирующим признакам, в частности по внешнему строению, как, например, *живность*, *букашка*, *мóшка*, *козявка*). В результате этого описываемые понятия (и стоящие за ними таксоны) не воспринимаются

как центральные узлы классификации, поэтому соответствующие зоонимы не используются в качестве родовых слов в толкованиях зоонимов, обозначающих таксоны более низкого ранга.

8. Отличительной чертой многих понятий, специфических для обиходного языка (а также соответствующих зоонимов), является крайняя обобщенность значения. Таковы зоонимы, обозначающие мелких насекомых, а именно: *козявка*, *букашка*, *мошка*, *мошкара*, *мошкá*, в несколько меньшей мере — жучок. Слова рассматриваемой группы не содержат конкретных сведений о насекомых (помимо самой общей информации о размере, способе передвижения, а также характере их воздействия на человека). В частности, они не несут практически никакой информации о внешнем виде и строении насекомых, что отличает их от зоонимов, обозначающих классы более крупных насекомых, таких как *бабочка*, *мотылек*, *жук*. На наш взгляд, подобная неконкретность, обобщенность значения обусловлены тем, что все эти слова содержат указание на незначительный размер насекомых, из-за которого различия между их разновидностями для повседневной жизни оказываются несущественными. Таким образом, можно выдвинуть гипотезу, что размер живых существ связан с семантической проработанностью соответствующих понятий (и конкретностью значения обозначающих их зоонимов): зоонимы, обозначающие мелких живых существ (в частности, насекомых), характеризуются семантической «опустошенностью», обобщенностью значения, обусловленной тем, что говорящий считает несущественными различия между этими существами.

9. В целом в языковой картине мира объем родовых понятий в сфере зоологии уже, чем в научной картине мира, хотя, безусловно, из этого правила существуют исключения. В большинстве случаев более узкое значение родовых понятий (и соответствующих слов), которое мы фиксируем в обиходе по сравнению с научной сферой, обусловлено добавлением новых семантических компонентов (как правило, связанных с внешним видом живых существ). Помимо этого, еще одной причиной возникновения ограничений, накладываемых на употребление зоонимов в обиходном языке, по сравнению с научным, является влияние коннотаций⁴². При этом речь идет не о жестких ограничениях, а скорее о предпочтениях (см. [Крылова 2019]).

Наряду с ситуацией, когда объем понятия в обиходе уже, чем в зоологии, возможна и обратная ситуация — сужение значения понятия и соответствующего слова в научной сфере по сравнению с обиходом. Обычно это вызвано тем, что научная картина мира вводит различия, нерелевантные для обиходного сознания, или же тем, что слова, которые в обиходе

⁴² Как в случае со словом *хищник*, которое имеет коннотацию жестокости и вследствие этого не используется применительно к животным, внешний вид и повадки которых не содержат в себе ничего агрессивного, пускай даже они являются плотоядными, как, например, еж (см. [Крылова 2019]).

обозначают класс живых существ, в научной сфере приобретают более узкое значение, становясь названием конкретного вида или отряда живых существ.

10. В обиходе при отнесении какого-либо типа существ (и, соответственно, обозначающего их зоонима) к тем или иным классам мы нередко ориентируемся не столько на свойства, реально присущие тем и другим, сколько на комплекс условных представлений об этих существах или классах, сформировавшийся в обиходном сознании. При этом большое значение имеют коннотации, ассоциации и оценки — подчас именно от них зависит, к какому классу будет отнесен тот или иной тип существ, как в случае с *мотыльком*, *букашкой*, *зверюшкой* и *хищником* (см. разделы 1.1.2.1, 1.2.1; см. также [Крылова 2019]).

11. Для зоонимов (особенно разговорных) чрезвычайно характерна собирательность, причем собирательные зоонимы в обиходном языке имеют более конкретное значение, чем в научном, обозначая не совокупность видов (как, например, *фауна*, *животный мир*), а либо совокупность конкретных существ (*живность*, *скот*, *скотина*), либо скопление этих существ (последнее возможно для *мошкар*, *мошки*, *гну*).

12. Среди зоонимов, выражающих положительную оценку, таких как *букашка*, *зверек*, *зверюшка*, *мотылек*, нет ни одного слова с собирательной семантикой. На наш взгляд, это не случайно: положительная оценка исключает недифференцированный подход к объектам.

13. В обиходном языке практически у всех зоонимов, в том числе у тех, которые не специфичны для обиходного словоупотребления, развиваются различные коннотации. При этом лексемы с переносным значением, формирующиеся на их основе, в большинстве случаев обозначают отрицательно оцениваемые качества человека.

Л и т е р а т у р а

Активный словарь русского языка 2014 — В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, И. В. Галактионова, М. Я. Гловинская, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. А. Лопухина, А. В. Птенцова, А. В. Санников, Е. В. Урысон. Активный словарь русского языка. Т. 1. М., 2014.

Активный словарь русского языка 2018 — В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, И. В. Галактионова, М. Я. Гловинская, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. А. Лопухина, А. В. Птенцова, А. В. Санников, Е. В. Урысон. Активный словарь русского языка. Т. 2. М.; СПб., 2017.

Гура 1997 — А. В. Гура. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.

Крылова 2019 — Т. В. К р ы л о в а. Языковые представления о классификации живых существ: проблема определения границы, отделяющей животных от других живых существ в русской языковой картине мира // Вопросы языкознания. 2019. № 2. С. 31–46.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.

Черных 1993 — П. Я. Ч е р н ы х. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 3 т. Т. 1. М., 1993. С. 196.

Шмелев, Шмелева 2009 — А. Д. Ш м е л е в, Е. Я. Ш м е л е в а. Русская «наивная» ботаника и ее отражение в словаре // Материалы III Международной научно-практической конференции «Проблемы прикладной лингвистики». Одесса, 2009.

Шмелева, Шмелев 1997 — Е. Я. Ш м е л е в а, А. Д. Ш м е л е в. Русская «наивная» биология // Проблемы семантического анализа лексики. Тезисы докладов международной конференции. Пятые Шмелевские чтения, 23–25 февраля 2002 г. М., 2002. С. 116–117.

ЭССЯ 1993 — Этимологический словарь славянских языков. М., 1993. Т. 18. С. 137; 1994. Т. 20. С. 84–85.

Статья получена 22.10.2018

TATIANA V. KRYLOVA

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
ta-kr@yandex.ru

DIFFERENCES BETWEEN SCIENTIFIC AND NAIVE-LANGUAGE CONCEPTS OF LIVING BEINGS CLASSIFICATION

This article deals with zoonyms denoting classes of living beings (*zver'*, *zver'ok*, *zver'ushka*, *ptitsa*, *ryba*, *nasekomoye*, *skotina*, *cherv'*, *cherv'ak*, *gusenitsa*, *móshka*, *moshká*, *gnus*, *bukashka*, *koz'avka*, *motyl'ok*, *zhivnost'*, *fauna*, *zhivotnyi mir*, *zhivoye sushchestvo*). Our goal was to consider the semantics of these zoonyms in order to establish naïve classification of living beings and to determine the differences between the naïve classification and the scientific one. Along the way, we set specific lexicographic objectives: to describe the polysemy of all the considered words, to give an interpretation for each of their meanings, and to describe semantic differences between synonyms.

As we discovered, most of the differences between scientific and naïve-language concepts in the sphere of zoology are due to incongruence between sets of their relevant characteristics. In scientific sphere the most important characteristics of living beings are the place in the hierarchy, the internal structure and various biological features (in particular, the method of reproduction). For the naïve worldview the central characteristics are external features (external structure, size, tactile characteristics, kind of external cover), ability to move and manner of moving, nutrition strategy, habitat and ability to harm humans.

Keywords: semantics, lexicography, polysemy, classification, naïve language notions, zoonyms.

References

Apresyan, V. Yu., Apresyan, Yu. D., Babaeva, E. E., Boguslavskaya, O. Yu., Galaktionova, I. V., Glovinskaya, M. Ya., Iomdin, B. L., Krylova, T. V., Levontina, I. B., Lopukhina, A. A., Ptentsova, A. V., Sannikov, A. V., Uryson, E. V. (2014–2017). *Aktivnyy slovar' russkogo yazyka* (Vols. 1–2). Moscow.

Chernykh, P. Ya. (1993). *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka* (Vol. 1). Moscow: Russkiy yazyk.

Gura, A. V. (1997). *Simvolika zhivotnykh v slavyanskoy narodnoy traditsii*. Moscow: Indrik.

Krylova, T. V. (2019). Yazykovye predstavleniya o klassifikatsii zhivykh sushchestv: problema opredeleniya granitsy, otdelyayushchey zhivotnykh ot drugikh zhivykh sushchestv v russkoy yazykovoy kartine mira. *Voprosy jazykoznanija*, 2, 31–46.

Natsional'nyy korpus russkogo yazyka. Retrieved from <http://www.ruscorpora.ru>.

Shmelev, A. D., & Shmeleva, E. Ya. (2009). Russkaya «naivnaya» botanika i ee otrazhenie v slovare. In *Materialy III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Problemy prikladnoy lingvistiki»*. Odessa.

Shmeleva, E. Ya., & Shmelev, A. D. (1997). Russkaya «naivnaya» biologiya. In *Problemy semanticheskogo analiza leksiki. Tezisy dokladov mezhdunarodnoy konferentsii. Pyatye Shmelevskiy chteniya, 23–25 fevralya 2002 g.* (pp. 116–117) Moscow.

Trubachev, O. N., Zhuravlev, A. F., et al. (Eds.). (1974–). *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov* (Vols. 1–). Moscow: Nauka.

Received on 22.10.2018

М. Ю. КНЯЗЕВ

Институт лингвистических исследований РАН /
Санкт-Петербургский филиал Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» / Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, Санкт-Петербург)
mknyazev@hse.ru

Е. А. РУДАЛЕВА

Санкт-Петербургский филиал Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
(Россия, Санкт-Петербург)
earudaleva@edu.hse.ru

КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ РЕГИСТРА НА ВЫБОР СПОСОБА ОФОРМЛЕНИЯ СЕНТЕНЦИАЛЬНОГО АКТАНТА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ*

Регистр является важным фактором грамматической вариативности и может влиять на выбор одной из конструкций в ситуации конкуренции наряду с собственно грамматическими, семантико-прагматическими и прочими факторами. В данной статье на материале Национального корпуса русского языка исследуется влияние регистра на выбор стратегии оформления сентенциального актанта в индикативе (изъяснительном придаточном с союзом *что* или конструкцией с местоимением-коррелятом *то*) при глаголах, имеющих валентность на косвенное дополнение, ср. *Она настаивает (на том), что...* В качестве основной гипотезы рассматривается связь признака формальности регистра и предпочтения конструкции с коррелятом. Сравниваются пять регистров (академический, публицистический и художественный регистры письменного модуса и публицистический и непубличный регистры устного модуса) с помощью попарных плановых сравнений. Влияние регистра рассматривается тройко: а) по всей выборке (из 26 глаголов), б) по отдельным глаголам и в) по классам глаголов, выделяемых в зависимости от типа предпочтения одной (ни одной) из стратегий. Был использован «коллокационный анализ» (разработанный Ст. Грисом и А. Стефановичем), а также анализ дисперсии методом «отклонения пропорций» (разработанный Ст. Грисом). Результаты показывают небольшой рост предпочтения конструкции с коррелятом в академическом и нехудожественном регистрах (по сравнению с публицистическим и художественным регистрами) для всей выборки и для двух (из трех) классов притяжения, что в целом

* Представленное в данной статье исследование было выполнено при поддержке гранта РФФИ № 16-18-02003 «Структура значения и его отображение в системе лексических и функциональных категорий русского языка», реализованном в Московском педагогическом государственном университете (МПГУ). Авторы благодарят двух анонимных рецензентов за ценные советы и замечания.

подтверждает основную гипотезу. Влияние регистра на отдельные глаголы (операционализированное как смена класса притяжения при смене регистра), однако, незначительное. Также выявлено интересное отличие класса глаголов, не притягивающихся ни к одной из конструкций, от двух остальных классов, которое может указывать на влияние другого признака регистра, нежели формальности.

Ключевые слова: регистр, стратегии оформления сентенциального актанта, корпусные подходы, коллокационный анализ, анализ дисперсии, конкуренция.

1. Введение

В современной корпусной лингвистике принимается как данность тот факт, что тип дискурса является одним из важных параметров лингвистической вариативности [Biber 2012]. Это касается не только противопоставления между устным и письменным дискурсом, но и более тонких различий по сфере функционирования дискурса, традиционно связанных с понятием функционального стиля (ф-стиля), а также различий, обусловленных выбором речевого жанра и степенью формальности дискурса [Кибрик 2009]. В дальнейшем изложении данную группу факторов, следуя англоязычной традиции, мы будем достаточно условно называть термином «регистр» (register), используя его как наиболее общее обозначение типа дискурса, выделяемого в зависимости от конкретной ситуации его использования [Biber, Conrad 2009: 6]; для классификации дискурсов по (письменному/устному) каналу передачи информации мы будем использовать термин «модус» вслед за работой [Кибрик 2009]¹.

Хотя общепризнано, что регистр влияет на выбор лексико-грамматических средств, роль регистра в описании конкретных грамматических явлений пока представляется достаточно периферийной и уступает не только собственно грамматическим, но и семантико-прагматическим факторам, а также факторам, связанным с порождением и восприятием речи (таким как сложность обработки предложения, частотность и др.). Такое положение дел вполне оправданно при исследовании «жестких», невариативных грамматических ограничений в языке. Однако изучение более «мягких», вариативных ограничений, которые все чаще становятся предметом лингвистического описания, в большей степени требует учета роли регистра, поскольку в таких случаях последний может оказаться важным предиктором частотности/приемлемости рассматриваемых структур. Особенно важным это становится в квантитативных исследованиях (как корпусных,

¹ Регистр, как правило, подразумевает определенный модус (письменный или устный) и противопоставляется *жанру* (отражающему характеристики, связанные с типичной риторической структурой данного типа дискурса) и *стилю* (отражающему эстетические характеристики данного типа дискурса), подробнее см. [Кибрик 2009; Biber, Conrad 2009].

так и экспериментальных), где без систематического контроля регистра выявленные грамматические ограничения могут оказаться артефактом исследования, а не реальным грамматическим фактом.

Дистрибуция sentенциальных актантов в русском языке является одной из тех областей грамматики, в которой грамматические ограничения имеют нежесткий характер. Многие «запреты», приводимые в работах по русским sentенциальным актантам, либо эксплицитно помечены как неабсолютные, т. е. выявляемые только в контрасте с альтернативными стратегиями (см., например, обсуждение влияния неагентивности подлежащего на выбор sentенциального актанта [Пекелис 2014; Князев 2018]), либо оспариваются в литературе (см., в частности, обсуждение конструкции с плеонастическим *это* в [Летучий 2014], ср. [Циммерлинг 2012]). В такой ситуации регистр может легко оказаться одним из факторов вариативности, контроль которого необходим для корректной интерпретации результатов, однако для большинства исследований в этой области определение роли регистра пока остается задачей на будущее.

Прежде чем начать учитывать роль регистра в описании более сложных ограничений в области sentенциальных актантов (т. е. предполагающих взаимодействие нескольких грамматических факторов), полезно иметь представление о том, как регистр влияет на выбор актанта в более простых случаях, например в ситуации «идеальной» конкуренции двух стратегий оформления актанта. Соответственно, проблема, которую мы далее рассмотрим, будет касаться влияния типа модуса/регистра на способ оформления индикативного sentенциального актанта при глаголах речемыслительной деятельности.

Хорошо известно, что в русском языке такой sentенциальный актант может быть выражен двумя способами:

- а) непосредственно придаточным с союзом *что* (далее *что*-клаузы);
- б) конструкцией, включающей соотносительное слово (иногда называемое «коррелятом») с требуемым предложно-падежным оформлением и соответствующее придаточное (далее *то, что*-клаузы).

Каждая из этих конструкций имеет свои характерные дистрибутивные ограничения. *То, что*-клаузы в нейтральном контексте избегаются в позиции, соотносимой с позицией прямого дополнения, например при *говорить, знать* и др., как показано в (1a), см. [Шведова 1980: 483], а также при отдельных глаголах, таких как *считать, полагать, казаться* и др., подробнее см. [Кобозева 2013]². *Что*-клаузы недопустимы в позиции предглагольного подлежащего, как показано в (1b), см. [Hartman 2012], а также с глаголами, которые в силу словарных свойств требуют выра-

² В разговорной речи в нестандартных вариантах русского языка сочетание *то что* может выступать в качестве союза в этих (и других) контекстах, однако в таких случаях оно имеет особые фонетические и семантико-прагматические свойства, подробнее см. [Коротаев 2013].

женного коррелята, как показано в (1с), см. [Валгина 2003: 311; Кобозева 2013]³.

Существует и зона конкуренции, в которой возможны обе конструкции. К этой зоне, например, относится позиция послеглагольного подлежащего, как в (2а), а также позиция, соотносимая с позицией косвенного дополнения, при таких глаголах, как *надеяться*, *настаивать* и т. д., см. (2b)–(2с).

- (1) а. *Она говорит/знает (*то), что он неправ.*
 б. **(То,) что он опоздал, меня очень расстроило.*
 с. *Он начал *(с того), что поприветствовал гостей.*
- (2) а. *Меня очень расстроило (то), что он опоздал.*
 б. *Она надеется (на то), что он придет.*
 с. *Я настаиваю (на том), что они правы.*

В литературе поднимался вопрос о факторах, влияющих на предпочтение одной из конструкций в контекстах типа (2). Насколько нам известно, среди таких факторов указывались исключительно семантико-прагматические. В частности, отмечалось, что есть тенденция к выражению коррелята, если сентенциальный актант контрастивно выделен, а также если он обозначает информацию, данную в предтексте или в общем фонде знаний о мире (см. [Шведова 1980: 483; Валгина 2003: 311; Кобозева 2013]).

Вопрос о влиянии модуса/регистра на выбор типа сентенциального актанта, по нашим сведениям, ранее систематически не рассматривался. Однако есть косвенные свидетельства в пользу того, что такое влияние может иметь место. Так, одному из авторов при проведении опросов на вынесение суждений о приемлемости предложений со *что*- и *то, что*-клаузами приходилось сталкиваться с уточняющими расспросами носителей о том, в разговорной или письменной речи употреблено данное предложение. Более того, носители иногда указывали на «тяжеловесность» предложений с коррелятом при некоторых глаголах, например при *надеяться*, отмечая их «книжный» характер, ср. (2b). В других случаях, в частности при *настаивать*, носители иногда отмечали «разговорный» оттенок конструкций без коррелята, ср. (2с). Отражают ли подобные комментарии реальные различия между регистрами для соответствующих комбинаций глагола и конструкции, заранее сказать трудно. Однако мы исходили из того, что подоб-

³ *Что*-клаузы, как правило, также избегаются в позиции топика, как показано в (i), однако это ограничение кажется менее жестким и зависит от других факторов, таких как выбор глагола, тип синтаксической позиции, с которым соотносится позиция топика, наличие отрицания при главном глаголе и резюмтивного местоимения в позиции топика (подробнее см. [Кобозева 2013], а также [Knyazev 2016]).

- (i) а. *?(То,) что он опоздает, я знаю.*
 б. *??? (О том,) что мы проиграли, я не сожалею.*
 с. **Что я ему завидую, он решил.*
 д. *Что это обязательно произойдет, я *(так) не считаю.*

ные интуиции имеют под собой некую основу, и это позволяет рассматривать их в качестве рабочей гипотезы.

В качестве основного признака, различающего разные типы регистров и ассоциированных с ними дискурсов, мы взяли *формальность* как характеристику дискурса, связанную с социальной дистанцией между говорящим и слушающим [Кибрик 2009: 14]. Строго говоря, формальность является параметром, независимым от регистра, поскольку один и тот же тип регистра (по крайней мере, когда он задает максимально широкий класс дискурсов и таким образом приближается к традиционному понятию функционального стиля) может различаться по степени формальности (ср. научный регистр в рецензируемой журнальной статье и в конспекте этой же статьи). Тем не менее очевидно, что признак формальности различает не только типы дискурсов внутри данного регистра, но и регистры между собой, что позволяет говорить о более и менее формальных регистрах в целом (например, научный и публицистический регистры).

Важной характеристикой, связанной с признаком формальности дискурса, является степень фонетической редукции, к которой сильнее тяготеют менее формальные регистры [Там же]. Поскольку выбор *что*-клауз в позиции конкуренции может быть обусловлен стремлением к фонетической редукции, мы предположили, что в менее формальных регистрах, т. е. в тех, которые ближе к спонтанной устной речи, частотность *что*-клауз в сравнении с *то*, *что*-клаузами, будет выше, чем в более формальных регистрах. В обобщенном виде это можно сформулировать в (3).

(3) Основная гипотеза

В более формальных регистрах частотность *то*, *что*-клауз (в сравнении со *что*-клаузами) будет выше, чем в менее формальных регистрах.

Для проверки гипотезы (3) мы провели исследование на материале (основного подкорпуса) Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ) на выборке из 26 глаголов. Мы проверяли не только влияние регистра на выбор типа сентенциального актанта в целом, но и то, как регистр влияет на этот выбор для каждого конкретного глагола. Также мы проверяли, насколько влияние регистра будет зависеть от класса глагола, выделяемого в зависимости от общего предпочтения *что*- или *то*, *что*-клауз для данного глагола. Ключевым моментом для нас было выяснить не столько то, имеется ли влияние регистра вообще, сколько то, как именно влияет регистр и от каких факторов зависит само это влияние. Так, в качестве одного из важных результатов статьи мы обнаружили различия во влиянии регистра на глаголы с разным классом предпочтения относительно выбора типа клаузы.

В нашем исследовании мы опирались на различную методологию, предлагаемую в литературе для анализа влияния регистра, в первую очередь на так называемый «коллострукционный анализ» (collostructional analysis), см. [Gries, Stefanowitsch 2004; Stefanowitsch, Gries 2008; Кузнецо-

ва, Велейшикова 2010], а также на метод отклонения пропорций (Deviation of Proportions) для вычисления дисперсии [Gries 2008; Lijffijt, Gries 2012].

Статья структурирована следующим образом. В разделе 2 обсуждается выбор сравниваемых регистров и глаголов для дальнейшего анализа (раздел 2.1) и приводятся результаты критерия независимости хи-квадрат для факторов регистра и типа клаузы (раздел 2.2). В разделе 3 приводятся данные коллострукционного анализа, вначале для всей выборки глаголов (раздел 3.1), затем для глаголов по отдельности (раздел 3.2) и наконец для глаголов по классам притяжения (раздел 3.3). В разделе 4 обсуждается анализ дисперсии, уточняющий результаты, полученные в разделе 3. Раздел 5 содержит заключение.

2. Тесты на независимость: общее влияние регистра

2.1. Выбор сравниваемых регистров и глаголов для анализа

Для последующих сравнений мы использовали три основных письменных регистра (академический, публицистический и художественный), которые обычно фигурируют в подобных сравнениях. Эти регистры были отобраны с помощью соответствующей разметки основного подкорпуса НКРЯ, как показано в (4а). Также мы отобрали два устных регистра (публичный и непубличный), опираясь на разметку устного подкорпуса НКРЯ, как показано в (4б).

(4) а. Письменный модус

- i. Академический регистр (нехудожественные тексты учебно-научной сферы функционирования основного подкорпуса НКРЯ)
- ii. Публицистический регистр (нехудожественные тексты публицистической сферы функционирования основного подкорпуса НКРЯ)
- iii. Художественный регистр (художественные тексты основного подкорпуса НКРЯ)

б. Устный модус

- i. Публичный регистр (публичные тексты устного подкорпуса НКРЯ)
- ii. Непубличный регистр (непубличные тексты устного подкорпуса НКРЯ)

Поскольку наше исследование имело пилотный характер, при выборе сравниваемых регистров мы воспользовались заведомо очень грубой классификацией, не учитывая более дробные различия по типу (жанру) текста и тематике, доступные в разметке соответствующих подкорпусов НКРЯ. Также мы не учитывали диахронический фактор. Как справедливо отмечают рецензенты, оба решения могли отрицательно сказаться на результатах. В частности, публицистический регистр, операционализированный нами как в (4aii), включает тексты самых разнообразных типов и жанров, в том числе демонстрирующих определенную близость к художественной лите-

ратуре (например, мемуары). В итоге потенциальные различия между регистрами могли оказаться смазанными. В связи с этим для отбора публицистических текстов более оправдан, по-видимому, был бы выбор текстов газетного подкорпуса НКРЯ, как советует рецензент. Что касается диахронического фактора, то неучитывание года создания текста также потенциально могло исказить результаты, поскольку тексты разных регистров в НКРЯ не полностью сбалансированы по годам.

Принимая во внимание эти замечания, которые, безусловно, должны быть учтены в дальнейшем, надо отметить, что основным фокусом нашего исследования было не столько влияние регистра как таковое, сколько взаимодействие этого влияния с другими факторами — выбором глагольной лексики и класса глагола по предпочтению типа клаузы (иначе говоря, нас интересовали не только различия между регистрами, но и различия между глаголами и их классами). При такой постановке вопроса способ операционализации самого регистра может быть не столь существенным. В любом случае, мы надеемся, что недостаток контролируемости сторонних факторов в нашем исследовании не повлиял на его основные выводы⁴.

Вернемся к отобранному нами списку регистров в (4). Поскольку дальнейший анализ предполагал попарные сравнения, приведенные выше пять регистров были разбиты на четыре контрастные пары (по аналогии с методом ортогональных контрастов для регрессионного анализа, см. [Levshina 2015: 185–186]), как показано в (5), в каждой из которых был определен более формальный модус/регистр (что обозначено знаком «>»). Помимо очевидных контрастов между письменным и устным модусами в (5а) и публичным и непубличным регистрами устного модуса в (5г), были получены два других контраста путем деления письменного модуса на художественный и нехудожественный регистры (5б) и последнего на академический и публицистический (5в).

- (5) а. Письменный модус > Устный модус
- б. Нехудожественный регистр (Академический и Публицистический) > Художественный регистр
- в. Академический регистр > Публицистический регистр
- г. Публичный регистр (Устного модуса) > Непубличный регистр (Устного модуса)

Такое разбиение письменного модуса представляется наиболее естественным, поскольку оно опирается на существующую разметку регистров в НКРЯ (ср. категорию «нехудожественные тексты»), а также на представление о том, что в художественных текстах могут присутствовать элементы спонтанной устной речи за счет передачи диалогов, что сближает их с

⁴ В дальнейшем мы планируем проверить влияние регистра на выбор типа клаузы в контролируемом эксперименте. См. попытку сходного исследования в [Кибрик 2009: 16–18].

устными регистрами (см. [Biber, Conrad 2009: 135]). Мы также исходили из того, что академический регистр является более формальным, чем публицистический, т. к. именно он обычно выступает в роли прототипического формального регистра.

В качестве позиции конкуренции для *что*- и *то*, *что*-клауз была выбрана позиция сентенциального актанта глагола, соотносимая с позицией косвенного дополнения, см. (2b)–(2c). Составление выборки осуществлялось в два этапа. На первом этапе отбирались глаголы, допускающие оба типа клауз. При отборе использовались триграммы вида «V + *то* + *что*» и тетраграммы вида «V + Pr + *то* + *что*» (для глаголов с беспредложными и предложными дополнениями соответственно); далее полученные при выдаче глаголы проверялись на встречаемость со *что*-клаузой. При этом отбирались только такие глаголы, которые встречались в основном корпусе НКРЯ не менее 50 раз суммарно с обоими типами клауз. В результате было отобрано 26 глаголов, см. Таблицы 4 и 5 в разделе 3.1. Для каждого из глаголов было подсчитано количество примеров с обоими типами клауз в каждом из пяти регистров. Получившийся подкорпус использовался для всех последующих статистик.

2.2. Результаты тестов на независимость

Для первоначальной оценки влияния регистра были агрегированы данные по всем рассматриваемым глаголам и проведены тесты на независимость для факторов регистра и типа клаузы. В Таблице 1 представлена частотность каждого из двух типов клауз по пяти рассматриваемым регистрам. Как можно видеть, в среднем по выборке *что*-клаузы составляют 79% от всех употреблений, *то*, *что*-клаузы — 21%. Также обнаружилось, что частотность *что*-клауз значительно различается в зависимости от регистра ($\chi^2(1) = 1594$, $p < 0.001$). Так, максимальная частотность *что*-клауз наблюдается в художественном регистре (86%), а минимальная — в академическом (60%). Частотность *что*-клауз в остальных регистрах находится между этими двумя отметками (74–77%). Для наглядности соответствующие частотности приводятся в диаграмме на рисунке 1.

Попарные плановые сравнения выявили значимую связь между регистром и типом клаузы для контраста между художественным и нехудожественным регистрами и для контраста между публицистическим и академическим регистрами, как показано в Таблице 2 (соответствующие контрасты выделены заливкой). Эту связь можно охарактеризовать следующим образом: в нехудожественном и академическом регистрах шансы употребления *то*, *что*-клаузы больше, чем в художественном и публицистическом регистрах соответственно. На основе меры V Крамера (Cramer's V , см. [Levshina 2015: 203–210]) величину эффекта в этих случаях можно оценить в 0.14 и 0.16, что указывает на **слабый эффект**. Напротив, между устным и письменным модусами и публичным и непубличным регистрами устного модуса значимых различий не обнаружено.

Таблица 1

**Наблюдаемая (и ожидаемая) частотность *что*- и *то, что*-клауз
в зависимости от модуса/регистра**

Регистр	<i>Что</i> -Клауза		<i>То, что</i> -Клауза	
Академический	3025 (3961)	60%	2006 (1070)	40%
Публицистический	15 361 (15 651)	77%	4519 (4229)	23%
Художественный	15 209 (13 959)	86%	2522 (3772)	14%
Устный (публичный)	863 (879)	77%	253 (237)	23%
Устный (непубличный)	125 (133)	74%	44 (36)	26%
Итого	34 583	79%	9344	21%

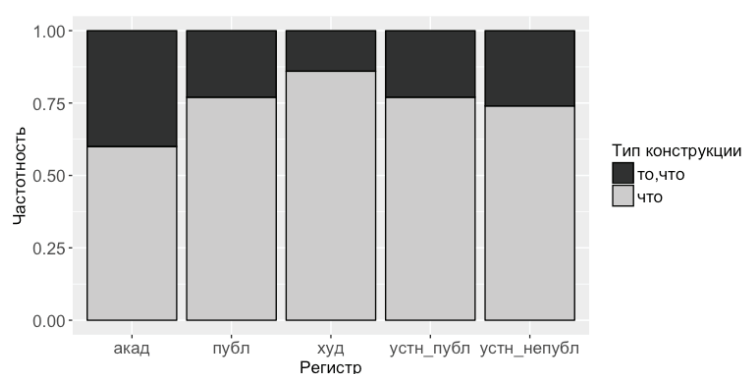
Рис. 1. Процент *что*- и *то, что*-клауз в зависимости от модуса/регистра

Таблица 2

Результаты плановых сравнений между модусами/регистрами

Устный vs. Письменный	$\chi^2 (1) = 2.57, p = 0.11$
Художественный vs. Нехудожественный	$\chi^2 (1) = 887.1, p < 0.001$, Cramer's $V = 0.14$
Публицистический vs. Академический	$\chi^2 (1) = 609.3, p < 0.001$, Cramer's $V = 0.16$
Устный (непубличный) vs. Устный (публичный)	$\chi^2 (1) = 0.76, p = 0.38$

Таким образом, для двух контрастов из четырех мы обнаружили связь в направлении, предсказанном гипотезой в (3). Отсутствие в результатах значимой связи для контраста между публичным и непубличным регистрами устного модуса оказалось несколько неожиданным. Однако можно предположить, что различие не было обнаружено в силу значительно меньшего количества данных для устного модуса. Что касается контраста между устным и письменным модусами, то на необнаружение связи в этом случае, по-видимому, повлияло то, что в составе обоих модусов имеются как более, так и менее формальные регистры. Кроме того, публичный и непубличный регистры устного модуса оказались по частотности *что*-клауз (77 и 77%) схожи друг с другом и одновременно с публицистическим регистром письменного модуса (77%), который, в свою очередь, схож с письменным модусом в среднем (79%)⁵.

С учетом этих соображений, полученные результаты в целом подтверждают гипотезу (3), однако не объясняют, за счет чего возникает влияние регистра на выбор типа клаузы. Так, например, теоретически наблюдаемый эффект может возникать как благодаря влиянию регистра на отдельные глаголы или группы глаголов (наиболее подверженные этому влиянию), так и благодаря влиянию на все глаголы равномерно. Для ответа на данный вопрос мы воспользовались так называемым коллострукционным анализом (точнее, его разновидностью, предлагаемой для исследования влияния регистра), см. [Stefanowitsch, Gries 2008].

3. Влияние регистра на отдельные глаголы и классы глаголов

3.1. Метод дистинктивных коллексем

Для анализа влияния регистра на отдельные глаголы была использована процедура, предлагаемая в работе [Ibid.]. Эта процедура основана на методе *дистинктивных коллексем* (разновидности коллострукционного анализа), предназначенном для семантической дифференциации конкурирующих конструкций, например «конструкции с двойным объектом» (ср. *Mary gave John a book*) и «конструкции с предложным дативом» (ср. *John gave a book to Mary*); подробнее об этом методе см. [Gries, Stefanowitsch 2004; Кузнецова, Велейшикова 2010; Levshina 2015: 223–239]⁶. Поскольку мы также имели дело с конкурирующими конструкциями (*что*- vs. *то*, *что*-клаузы), этот метод мог быть непосредственно перенесен и на наш материал. Вна-

⁵ Данный результат можно считать следствием не вполне удачного отбора регистров для сравнения. Возможно, более правильным решением для будущих исследований было бы исключение публичного регистра устного модуса из числа рассматриваемых регистров.

⁶ О современном состоянии коллострукционного анализа см. [Gries 2015a], о критике этого подхода и альтернативах см. [Schmid, Küchenhoff 2013].

чале мы рассмотрим, как применяется этот метод, а затем — как он применяется для анализа влияния регистра.

Суть метода заключается в том, чтобы на основе статистического анализа составить список (глагольных) лексем, которые встречаются с каждой из конструкций значимо чаще, чем ожидалось бы, если бы выбор лексемы и тип конструкции были независимы друг от друга (далее исходя из семантического анализа каждого из списков выводится семантический портрет соответствующей конструкции). В основе данного метода лежит привычный тест на независимость для таблиц сопряженности 2×2 , составленных для каждой из рассматриваемых лексем. В качестве одного из признаков в такой таблице выступает тип конструкции, а в качестве другого — выбор данной лексемы или всех остальных лексем. Пример соответствующей таблицы для лексемы *признаться* (одного из 26 отобранных глаголов) приведен в Таблице 3.

Таблица 3

Частотность *что-* и *то, что*-клауз для глагола *признаться*

	<i>признаться</i>	Остальные глаголы	Итого
<i>Что</i> -Клауза	3580 (2942)	31 003 (31641)	34 583
<i>То, что</i> -Клауза	157 (795)	9187 (8549)	9344
Итого	3737	40 190	

Далее для каждой таблицы вычисляется *p*-значение точного критерия Фишера. Если *p*-значение меньше 0.05, то можно говорить о (значимом) *притяжении* данной лексемы к одной из конструкций; при этом «притягивающая» конструкция определяется в зависимости от того, для какой из конструкций наблюдаемая частотность превышает ожидаемую (дана в скобках в Таблице 3). Далее *p*-значения трансформируются в отрицательный десятичный логарифм, служащий мерой притяжения лексемы к конструкции. В результате можно составить списки лексем, которые наиболее сильно притягиваются к каждой из конструкций.

Результаты применения метода дистинктивных коллексем к выборке глаголов приведены в Таблицах 4 и 5. Из 26 глаголов шесть не проявили притяжения ни к одной из конструкций, см. Таблицу 5. Отметим, что данные лексемы чаще встречались со *что*-клаузами, однако частотность последних при этих глаголах (указана в скобках после запятой) значимо не превышала среднюю частотность *что*-клауз (79%, см. раздел 2.2). Остальные 20 глаголов поделились на две группы: девять глаголов показали притяжение к *что*-клаузе и 11 глаголов — к *то, что*-клаузе, как видно из Таблицы 4. Следует также отметить, что поскольку *p*-значение зависит от размера выборки, позиция глагола в списке не отражает напрямую частотность *что*-клауз.

Таблица 4

**Коллексемы, притягивающиеся к *что*- или *то, что*-клаузам:
 частотность *что*- и *то, что*-клауз (в скобках перед запятой),
 процент *что*-клауз (в скобках после запятой), *p*-значение
 точного критерия Фишера и его отрицательный десятичный логарифм**

Притягиваются к <i>Что</i> -Клаузе		
Коллексема	p	$-\log_{10} p$
<i>надеяться</i> (10941:373, 96%)	0	Inf
<i>признаться</i> (3580:157, 96%)	2.50E-209	208.6
<i>сознаться</i> (1700:74, 96%)	2.31E-97	96.6
<i>жалеть</i> (2007:185, 92%)	1.37E-61	60.9
<i>испугаться</i> (901:55, 94%)	2.06E-41	40.7
<i>жаловаться</i> (1782:263, 87%)	1.02E-23	23
<i>рассчитывать</i> (1501:346, 81%)	6.31E-03	2.2
<i>злиться</i> (128:20, 86%)	2.03E-02	1.7
<i>сомневаться</i> (3159:815, 79%)	2.23E-02	0.7

Притягиваются к <i>То, что</i> -Клаузе		
Коллексема	p	$-\log_{10} p$
<i>гордиться</i> (462:1037, 31%)	0	Inf
<i>свидетельствовать</i> (1563:1863, 46%)	0	Inf
<i>добиться</i> (128:398, 24%)	1.32E-158	157.9
<i>настаивать</i> (432:607, 42%)	2.46E-153	152.6
<i>намекать</i> (492:471, 51%)	3.71E-82	81.4
<i>указывать</i> (2042:1123, 65%)	1.33E-81	80.9
<i>привыкнуть</i> (668:503, 57%)	3.97E-64	63.4
<i>возмущаться</i> (121:108, 53%)	3.32E-18	17.5
<i>сетовать</i> (216:142, 60%)	2.21E-15	14.7
<i>стыдиться</i> (116:82, 59%)	1.44E-10	9.8
<i>уповать</i> (114:56, 67%)	4.58E-4	3.3

Таблица 5

**Коллексемы, не притягивающиеся ни к одному из типов клауз:
частотность *что-* и *то, что*-клауз (в скобках перед запятой),
процент *что*-клауз (в скобках после запятой),
p-значение точного критерия Фишера
и его отрицательный десятичный логарифм**

Без притяжения		
Коллексема	<i>p</i>	$-\log_{10} p$
<i>радоваться</i> (1819:475, 79%)	5.12E-02	0.3
<i>извиниться</i> (192:47, 80%)	5.80E-02	0.2
<i>обидеться</i> (196:49, 80%)	6.95E-02	0.2
<i>хвастаться</i> (221:57, 79%)	8.25E-02	0.1
<i>дождаться</i> (66:24, 73%)	2.45E-02	0.6
<i>расстраиваться</i> (36:14, 72%)	2.31E-02	0.6

Результаты применения метода дистинктивных коллексем показывают, что глаголы неравномерно распределены по двум конкурирующим стратегиям оформления сентенциального актанта, поскольку часть глаголов притягивается к одной из конструкций, а часть — к другой. Таким образом, глагольная лексема — важный фактор для выбора типа клаузы. Наша задача, однако, состоит в том, чтобы понять, является ли таким фактором также регистр и, если да, то варьируется ли его влияние в зависимости от выбора лексемы. Чтобы ответить на этот вопрос, мы применили метод дистинктивных коллексем для анализа влияния регистра, см. [Stefanowitsch, Gries 2008].

3.2. Метод дистинктивных коллексем для анализа регистра

Чтобы проанализировать влияние регистра/модуса на выбор конкурирующих конструкций в работе [Stefanowitsch, Gries 2008], предлагается следующий метод. Для каждого из двух сравниваемых регистров/модусов создается таблица коллексем, притягивающихся к одной из двух конкурирующих конструкций, далее таблицы проверяются на предмет «эффектов перекреста», т. е. наличия лексем, которые в противоположных регистрах притягиваются к противоположным конструкциям.

Данный метод был последовательно применен к анализу каждого из четырех контрастов. Исходя из гипотезы в (3), мы ожидали, что направление изменения будет состоять в появлении притяжения к *то, что*-клаузе в более формальном регистре из пары. Результаты сведены в Таблицу 6, в которой для каждого из 26 глаголов показано, к какой из конструкций (или ни к одной из двух) этот глагол притягивается в целом по

корпусу и в сравниваемых регистрах внутри каждой из пар, а также позиция глагола в списке (исходные данные приведены в Приложении в Таблицах 10–13).

Глядя на Таблицу 6, можно сделать следующие выводы. Только четыре глагола из 26 показали эффекты перекреста, а именно: *рассчитывать*, *сомневаться*, *уповать*, *радоваться*. Отметим, что все эти глаголы имеют довольно низкие позиции в соответствующих списках с относительно невысокой степенью значимости притяжения к конструкциям. Кроме того, лишь один глагол (*сомневаться*) показывает перекрест в направлении, предсказанном гипотезой (3), — появление притяжения к *то, что*-клаузе при переходе от публицистического к академическому регистру. Более того, это притяжение в обоих случаях находится почти на границе уровня значимости (см. Таблицу 12). Можно также видеть, что стабильно не только притяжение глаголов к одной или другой конструкции в разных регистрах, но и степень этого притяжения (операционализованную как позицию в списке), что видно по очень слабому варьированию позиций по регистрам. На основе этих данных можно заключить, что данный тест в целом не показал влияния регистра на отдельные глаголы (ср. сходные результаты для других конструкций в [Stefanowitsch, Gries 2008]).

Таким образом, хотя и было обнаружено влияние регистра на выбор типа клаузы в целом, заметного влияния регистра на отдельные глаголы не выявлено. Данный вывод, однако, не противоречит гипотезе (3), поскольку сами авторы метода, предложенного в [Ibid.], объясняя необнаружение эффектов регистра для рассматриваемых ими конструкций, замечают, что этот метод, вероятно, предлагает излишне жесткое понимание эффекта регистра. В целом отсутствие «эффектов перекреста» в результатах согласуется со слабой величиной эффекта регистра (см. раздел 2.3).

3.3. Тесты на независимость по классам притяжения глаголов

Не обнаружив значительного влияния регистра на отдельные глаголы, мы решили проверить, будет ли регистр по-разному влиять на классы глаголов, полученные путем применения метода дистинктивных коллексем для всей выборки (см. раздел 3.1). Для этой цели мы провели стандартные тесты на независимость для каждого из трех классов глаголов, выделяемых исходя из наличия у глагола притяжения к одному из типов клауз. Результаты этих тестов приведены в Таблице 7 (см. исходные данные в Таблице 14 в Приложении). Для каждой из контрастных пар регистров/модусов в таблице указаны наблюдаемые (и ожидаемые) частотности *что*-клауз, позволяющие увидеть направление влияния регистра, а также *p*-значения и *V* Крамера, отражающие наличие значимой связи между типом регистра и типом клаузы, а также величину соответствующего эффекта.

Таблица 6

Сводная таблица притяжения глаголов к *что*- и *то*, *что*-клаузам по регистрам

	Класс	Устный	Письм.	Худож.	Нехуд.	Публиц.	Академ.	Публич.	Непубл.
<i>надеяться</i>	<i>что</i> (1)	<i>что</i> (1)	<i>что</i> (1)	<i>что</i> (1)	<i>что</i> (1)	<i>что</i> (1)	<i>что</i> (1)	<i>что</i> (1)	<i>что</i> (1)
<i>признаться</i>	<i>что</i> (2)	—	<i>что</i> (2)	<i>что</i> (2)	<i>что</i> (2)	<i>что</i> (2)	<i>что</i> (2)	—	—
<i>сознаться</i>	<i>что</i> (3)	—	<i>что</i> (3)	<i>что</i> (3)	<i>что</i> (3)	<i>что</i> (3)	<i>что</i> (3)	—	—
<i>жалеть</i>	<i>что</i> (4)	—	<i>что</i> (4)	<i>что</i> (4)	<i>что</i> (4)	<i>что</i> (4)	<i>что</i> (5)	<i>что</i> (2)	—
<i>испугаться</i>	<i>что</i> (5)	—	<i>что</i> (5)	<i>что</i> (5)	<i>что</i> (6)	<i>что</i> (5)	<i>что</i> (9)	—	—
<i>жаловаться</i>	<i>что</i> (6)	—	<i>что</i> (6)	<i>что</i> (6)	<i>что</i> (5)	<i>что</i> (6)	<i>что</i> (4)	—	—
<i>рассчитывать</i>	<i>что</i> (7)	<i>то, что</i> (6)	<i>что</i> (7)	—	<i>что</i> (7)	—	<i>что</i> (6)	—	<i>то, что</i> (6)
<i>злиться</i>	<i>что</i> (8)	—	<i>что</i> (8)	—	—	—	—	—	—
<i>сомневаться</i>	<i>что</i> (9)	—	—	—	—	<i>что</i> (7)	<i>то, что</i> (6)	—	—
<i>гордиться</i>	<i>то, что</i> (1–2)	<i>то, что</i> (3)	<i>то, что</i> (1–2)	<i>то, что</i> (1)	<i>то, что</i> (2)	<i>то, что</i> (2)	<i>то, что</i> (1)	<i>то, что</i> (1)	<i>то, что</i> (3)
<i>свидетельствовать</i>	<i>то, что</i> (1–2)	<i>то, что</i> (1)	<i>то, что</i> (1–2)	<i>то, что</i> (3)	<i>то, что</i> (1)	<i>то, что</i> (1)	<i>то, что</i> (2)	—	<i>то, что</i> (1)

[illegible]

Таблица 7

Наблюдаемая (ожидаемая) частотность *что*-клауз, *p*-значение χ^2 -теста и *V* Крамера для четырех попарных контрастов между модусами/регистрами по классам притяжения глаголов

	Притяжение <i>Что</i>		Притяжение <i>То, что</i>		Без притяжения
	89% (92%) — 92% (92%)	<i>p</i> = 0.004 <i>V</i> = 0.02	41% (50%) — 50% (50%)	<i>p</i> = 0.001 <i>V</i> = 0.03	
Художественный Нехудожественный	94% (92%) — 90% (92%)	<i>p</i> < 0.001 <i>V</i> = 0.06	57% (50%) — 48% (50%)	<i>p</i> < 0.001 <i>V</i> = 0.08	<i>p</i> < 0.001 <i>V</i> = 0.1
Публицистический Академический	91% (90%) — 87% (90%)	<i>p</i> < 0.001 <i>V</i> = 0.05	50% (48%) — 42% (48%)	<i>p</i> < 0.001 <i>V</i> = 0.08	<i>p</i> = 0.8
Непубличный (Устный) Публичный (Устный)	90% (89%) — 89% (89%)	<i>p</i> = 0.9	43% (41%) — 40% (41%)	<i>p</i> = 0.9	<i>p</i> = 0.07 ⁷ <i>V</i> = 0.28

⁷ Для контраста между публичным и непубличным регистрами устного модуса был применен точный критерий Фишера, поскольку в силу небольшого числа данных не были выполнены условия для применения χ^2 -теста.

Как видно из Таблицы 7, глаголы, притягивающиеся к *что*- и *то, что*-клаузам, демонстрируют довольно близкое поведение. Для первых трех контрастных пар мы видим значимое влияние регистра в одном и том же направлении для обоих классов глаголов (выделено заливкой). Для контрастов между художественным vs. нехудожественным и публицистическим vs. академическим регистрами это влияние такое же, как и для тестов на независимость по всем глаголам (см. Таблицы 1–2), а именно: для более формального регистра в паре наблюдаемая частотность *что*-клауз ниже, чем ожидается. Соответственно, наблюдаемая частотность *то, что*-клауз в более формальных регистрах (получаемая путем вычитания первой из 100%) выше, чем ожидается, что соответствует гипотезе (3). Как видно из таблицы, этот эффект несколько сильнее для глаголов, притягивающихся к *то, что*-клаузе, однако эффекты различаются не очень существенно.

Для контраста между устным и письменным модусами мы также видим значимый эффект в одинаковом направлении для этих же классов глаголов. Примечательно, что данный эффект не обнаруживался при общем анализе (см. Таблицу 2). Любопытно также, что здесь мы наблюдаем уменьшение частотности *что*-клауз (и, соответственно, увеличение частотности *то, что*-клауз) в сравнении с ожидаемым в модусе, который, по гипотезе, *менее* формален. Этот результат на первый взгляд противоречит гипотезе (3). Однако данное противоречие, по-видимому, мнимое, так как в устном модусе подавляющее большинство примеров (см. Таблицу 1) относится к публичному регистру ($87\% (= 1116/(1116+169))$). Поэтому на месте устного модуса фактически выступает публичный регистр устного модуса, а для этого регистра вполне можно ожидать, что он превосходит по степени формальности письменный модус в целом. В свою очередь, не обнаружение указанного эффекта для всей группы глаголов (см. Таблицу 2, а также примечание 2), вероятно, можно связать с тем, что в эту группу попало большое число примеров с глаголами без притяжения, для которых описанный эффект не обнаруживается (см. Таблицу 14 в Приложении).

Что касается группы глаголов без притяжения, то их поведение менее единообразно. С одной стороны, они показывают значимый эффект регистра для сравнений художественного и нехудожественного регистров в направлении гипотезы (3). Кроме того, эти глаголы демонстрируют значимый эффект в предсказанном направлении для сравнения непубличного и публичного регистров устного модуса, который не обнаружен ни у двух других классов, ни у всех глаголов в целом; впрочем, этот эффект получен на довольно небольшой выборке (всего 39 примеров, см. Таблицу 14 в Приложении). С другой стороны, для двух других контрастов те же глаголы не обнаруживают эффекта регистра.

Данные факты указывают на различие между глаголами, притягивающимися к определенному типу клауз, и глаголами, не показывающими притяжения. Это различие означает, что гипотеза (3) в целом подтверждается для первых двух классов глаголов, но не подтверждается для глаголов без притяжения. Что могло привести к такому результату?

Как видно из Таблицы 7, те контрасты, для которых был обнаружен значимый эффект регистра для глаголов без притяжения (художественный — нехудожественный и публичный — непубличный, но не устный — письменный и не академический — публицистический) имеют нечто общее: в основе и тех и других лежит противопоставление разговорной (спонтанной) речи, в том числе переданной в диалогах в художественном тексте, и подготовленной речи. Можно предположить, что на глаголы без притяжения влияет не более общий признак формальности регистра, а более частный признак близости регистра к разговорной (спонтанной) речи. Поскольку этот признак, по-видимому, нерелевантен для контраста между академическим и публицистическим регистрами (внутри письменного модуса), мы не наблюдаем здесь эффекта регистра для глаголов без притяжения. Такая же ситуация вероятна и для контраста между устным и письменным модусами. Учитывая, что в каждом из сравниваемых модусов имеется регистр с «разговорным» компонентом (непубличный в устном и художественный в письменном модусе), различие между модусами по признаку «разговорности» может отчасти нивелироваться и, соответственно, не приводить к наблюдаемому эффекту⁸. Таким образом, возникает предположение, что для глаголов без притяжения именно степень близости регистра к разговорной речи, а не степень его формальности в целом повышает частотность *что*-клауз (и уменьшает частотность *то, что*-клауз). Однако целенаправленная проверка этой гипотезы пока не осуществлена.

4. Анализ дисперсии

В предыдущем разделе мы рассмотрели, как выбор регистра/модуса внутри контрастной пары влияет на выбор типа клаузы для глаголов трех разных классов притяжения. Мы выяснили, что признак формальности регистра, операционализированный путем использования контрастных пар, сильнее влияет на глаголы, притягивающиеся к *то, что*-клаузе, чем на глаголы, притягивающиеся к *что*-клаузе. Как объясняется такое положение дел?

Можно предположить следующее. Поскольку *что*-клаузы значительно частотнее, чем *то, что*-клаузы, они являются менее маркированным способом выражения сентенциального актанта и, соответственно, более «укорененным» (entrenched) в когнитивной системе носителя (см., например, [Divjak, Caldwell-Harris 2015]). С другой стороны, известно, что важным предиктором когнитивной укорененности, наряду с частотностью, является равномерность распределения слова/конструкции по различным частям корпуса (в частности, регистрам), что обычно обозначается как «дисперсия» (см. [Gries 2008]). Можно ожидать, что *то, что*-клаузы будут в целом

⁸ Здесь мы исходим из того, что публичный регистр устного модуса не обладает высокой степенью признака «разговорности» (в указанном смысле).

иметь большую дисперсию, чем *что*-клаузы, иначе говоря, сильнее зависеть от типа регистра. Как следствие, глаголы, притягивающиеся к *то*, *что*-клаузам, будут также иметь большую дисперсию по сравнению с глаголами, притягивающимися к *что*-клаузам. Таким образом, больший эффект регистра для глаголов, притягивающихся к *то*, *что*-клаузе, предположительно, связан с большей дисперсией *то*, *что*-клауз в целом.

Что касается глаголов без притяжения, то их поведение отличается от поведения двух других групп, поскольку, как мы видели, для этих глаголов формальность регистра не имеет последовательного влияния на тип клаузы. Поэтому не имеет смысла говорить о некоем дополнительном факторе, модулирующем степень влияния регистра. Однако можно ожидать, что эти глаголы будут отличаться от двух других групп не только по характеру влияния регистра, но и по дисперсии.

Для анализа дисперсии была использована мера *отклонение пропорций* (Deviation of Proportions, или DP), предложенная в [Gries 2008; Lijffijt, Gries 2012; см. также Levshina 2015: 80—85]. Эта мера основана на разности между ожидаемыми и наблюдаемыми пропорциями определенной конструкции в разных частях (регистрах) корпуса. Ожидаемые пропорции соответствуют тем долям, которые занимают части корпуса от суммы всех частей. Наблюдаемые пропорции соответствуют долям, которые занимает соответствующая конструкция в каждой из частей корпуса. Сама мера (DP) равна сумме модуля разностей между ожидаемыми и наблюдаемыми пропорциями, деленной на два. Эту меру также принято нормализовывать (DP_{norm}) путем деления на величину (1 — минимальная доля), в результате чего она получает значения в интервале от 0 до 1.

Для вычисления DP_{norm} мы выбрали три использованных выше письменных регистра и устный модус. Мы решили не делить последний на публичный и непубличный регистры, посчитав, что доля непубличного регистра слишком мала, чтобы существенно повлиять на результат. В Таблице 8 можно видеть размер регистра/модуса в абсолютных цифрах, а также его долю в суммарном подкорпусе.

Таблица 8

Доля регистра/модуса в подкорпусе

Регистр/модус	Количество слов	Доля
АКАДЕМИЧЕСКИЙ	33,383,793	0.12
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ	108,127,689	0.4
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ	122,411,245	0.45
УСТНЫЙ	8,487,701	0.03
Итого	272,410,428	1

Далее мы получили для каждого глагола с каждым из двух типов клауз величину DP_{norm} , а затем подсчитали средние значения для классов глаголов по типу притяжения. Результаты этих подсчетов отражены в Таблице 9 (см. Таблицу 15 в Приложении с данными для отдельных глаголов) и графически представлены на диаграмме (рис. 2).

Таблица 9

Дисперсия (нормализованное отклонение пропорций) глаголов по классам притяжения и типу клаузы

Тип клаузы	Класс притяжения			
	Притяжение <i>Что</i>	Притяжение <i>То, что</i>	Без притяжения	Все глаголы
<i>Что</i>	0.06	0.18	0.23	0.05
<i>То, что</i>	0.11	0.25	0.12	0.19
среднее притяжение	0.06	0.21	0.20	0.06

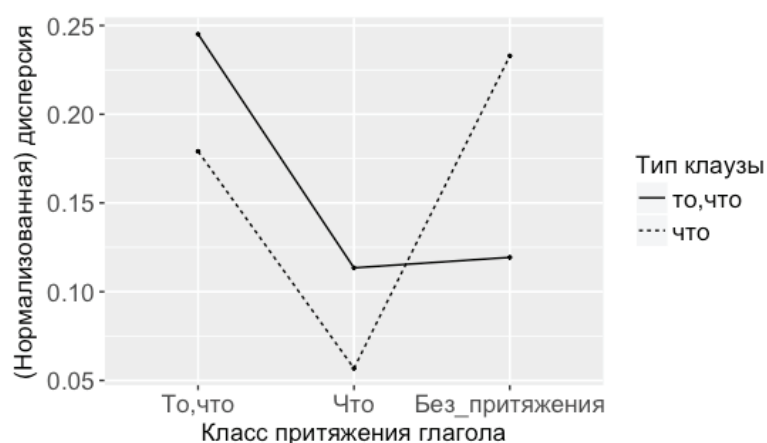

Рис. 2. Дисперсия (нормализованное отклонение пропорций) по классам притяжения глаголов

Как показывает график на рисунке 2, глаголы, притягивающиеся к *что*-клаузе, имеют значительно меньшую дисперсию, чем глаголы, притягивающиеся к *то, что*-клаузе. Кроме того, для каждого из этих классов глаголов выбор *то, что*-клаузы равномерно увеличивает величину дисперсии по сравнению со *что*-клаузой. На графике это отражено в виде двух параллельных наклонных линий. Что касается глаголов без притяжения, то они ведут себя совсем иначе. При *что*-клаузах эти глаголы имеют значительно большую дисперсию, чем при *то, что*-клаузах, вопреки ожи-

даниям, что можно описать как своеобразный эффект взаимодействия между классом глагола и типом клаузы. Как объясняются эти факты в свете различий между классами глаголов, которые мы обсуждали в разделе 3.3?

В первую очередь отметим, что наше предположение о том, что *то, что*-клаузы, а также глаголы, притягивающиеся к ним, имеют большую дисперсию (по регистрам), чем *что*-клаузы, подтвердилось. Также подтвердилась гипотеза о том, что два класса глаголов с притяжением будут вести себя иначе, чем глаголы без притяжения. Действительно, для глаголов с притяжением мы видим равномерный (линейный) эффект типа клаузы, в то время как для глаголов без притяжения мы видим эффект взаимодействия. Таким образом, результаты анализа дисперсии в целом соотносятся с результатами тестов на независимость для трех классов глаголов (см. Таблицу 7). Кроме того, большая величина дисперсии для глаголов, притягивающихся к *то, что*-клаузе, как оказалось, коррелирует с большим влиянием регистра на эти глаголы, что, очевидно, указывает на связь этих двух параметров.

Большой интерес представляет интерпретация эффекта взаимодействия для глаголов без притяжения. При анализе тестов на независимость мы предположили, что для этих глаголов релевантным фактором, повышающим предпочтение *что*-клауз, является скорее степень близости регистра к разговорной речи, нежели степень его формальности в целом. В то же время неожиданно высокая величина дисперсии *что*-клауз для данного класса глаголов указывает на то, что этот класс проявляет особую чувствительность к влиянию регистра при *что*-клаузах, иначе говоря, у таких глаголов есть некоторое свойство, вызывающее значительное предпочтение *что*-клауз в одних регистрах по отношению к другим (тогда как *то, что*-клаузы распределены по регистрам более равномерно). По-видимому, два отмеченных факта связаны следующим образом. Можно предположить, что глаголы без притяжения демонстрируют особый эффект регистра, заключающийся в том, что при этих глаголах в регистрах с большим «разговорным» компонентом будет увеличиваться предпочтение *что*-клауз. Действительно, интуитивно кажется, что при глаголах без притяжения типа *радоваться, извиняться* и др. *что*-клаузы могут иметь разговорный оттенок (ср. примеры в (6a)–(6b)), который менее заметен при глаголах других классов, — однако высказанное предположение требует дальнейшей проверки.

- (6) а. *Очень извиняюсь, что два раза наступил вам на рубашку и один раз на костюм в целом!* (Дмитрий Емец. Таня Гроттер и колодец Посейдона (2004)).
б. *Радуйтесь, что ваш сын к этому классу не принадлежит* (И. Грекова. Перелом (1987)).

Поскольку указанный эффект «разговорности» регистра (степени его близости к разговорной речи) в общем случае не совпадает с эффектом формальности регистра, глаголы без притяжения могут быть более чувст-

вительны к первому эффекту, чем ко второму (в отличие от глаголов с притяжением, для которых ситуация может быть обратная). Это могло бы объяснить различия в характере влияния регистра на глаголы с притяжением и без притяжения (см. Таблицу 7, а также обсуждение в конце раздела 3.3).

Помимо обнаруженного эффекта взаимодействия между типом клаузы и типом притяжения глагола, любопытно также отметить, что тип клаузы оказался менее важным фактором для дисперсии, чем класс глагола, что видно по большей величине наклона параллельных линий по сравнению с расстоянием между ними (по оси y). Иначе говоря, в то время как глаголы разных классов притяжения заметно отличаются по уровню дисперсии, глаголы одного класса имеют близкую дисперсию независимо от типа клаузы, с которой они употребляются. Этот факт подтверждается наличием достаточно высокой корреляции ($r = 0.6$, $p = 0.005$) уровня дисперсии при *что*- и *то*, *что*-клаузах для глаголов с притяжением, что отражено на рисунке 3. Этот результат также требует дальнейшего осмысления в будущих исследованиях.

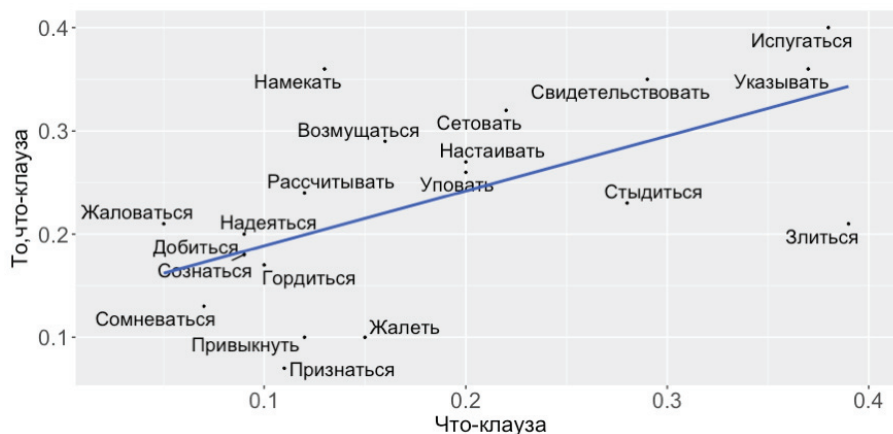

Рис. 3. Дисперсия *что*- и *то, что*-клауз для глаголов с притяжением

Подводя итог, можно сказать, что анализ дисперсии показал результаты, сопоставимые с тестами на независимость, подтвердив сходство между двумя классами глаголов с притяжением, а также больший эффект регистра для глаголов, притягивающихся к *то, что*-клаузе. Кроме того, анализ подтвердил особое поведение глаголов без притяжения (непоследовательное влияние признака формальности регистра) и позволил прояснить высказанную выше гипотезу о важности признака «разговорности» для объяснения дистрибутивного профиля данной группы глаголов.

5. Заключение

Целью настоящей статьи было рассмотреть, как регистр влияет на выбор *что*- или *то, что*-клауз в ситуации конкуренции (в позиции, соотносимой с позицией косвенного дополнения). В качестве основной гипотезы рассматривалась связь между формальностью регистра и выбором *то, что*-клаузы. Для проверки этой гипотезы были отобраны 26 глаголов и пять регистров, полученных с использованием соответствующей разметки в основном и устном подкорпусах НКРЯ, — академический, публицистический и художественный регистры письменного модуса и публичный и непубличный регистры устного модуса, — разбитые на четыре контрастные пары для плановых сравнений (устный — письменный, художественный — нехудожественный, публицистический — академический, непубличный — публичный).

Первоначальные тесты на независимость показали слабое, но значимое влияние нехудожественного и академического регистров (более формального регистра в соответствующих парах) на увеличение частотности *то, что*-клаузы, которое было интерпретировано как в целом подтверждающее основную гипотезу. Далее, для оценки влияния регистра на *отдельные* глаголы, был применен метод дистинктивных коллексем (разновидность коллокационного анализа), основанный на идее притяжения глагола к одной из конкурирующих конструкций [Gries, Stefanowitsch, 2004; Stefanowitsch, Gries 2008]. Целью этого метода являлась классификация глаголов по притяжению к *что*-клаузам vs. *то, что*-клаузам или ни к одному из типов клауз, а также идентификация глаголов, которые меняют класс притяжения (от *то, что*- к *что*-клаузе или наоборот) при изменении регистра. Этот метод показал стабильный профиль притяжения глаголов по регистрам и практически не выявил глаголов, меняющих тип притяжения, что в целом соответствует сделанному ранее выводу о *слабом* эффекте регистра. Для дальнейшего анализа были проведены тесты на независимость регистра и типа клаузы по классам притяжения, идентифицированных методом дистинктивных коллексем. Был воспроизведен эффект формальности регистра для глаголов с притяжением *что*- и *то, что*-клауз при более сильном эффекте для второй группы глаголов, при этом глаголы без притяжения показали несколько иной эффект, предположительно, связанный не с формальностью регистра как таковой, а со степенью его близости к разговорной речи. Наконец, был проведен анализ дисперсии (по регистрам) методом отклонения пропорций (см. [Gries 2008; Lijffijt, Gries 2012]) для комбинаций глаголов с двумя типами клауз. Выявлена несколько бóльшая дисперсия *то, что*-клауз, и значительно бóльшая дисперсия глаголов, притягивающихся к *то, что*-клаузе (независимо от типа клаузы), что в целом соотносится с более сильным воздействием регистра на этот класс. Кроме того, обнаружен несколько неожиданный эффект взаимодействия для глаголов без притяжения (бóльшая дисперсия *что*-клауз), что, предположи-

тельно, соотносится с их особым поведением, выявленным в тестах на независимость.

Какие выводы можно сделать из результатов проведенных тестов? В целом гипотеза о связи формальности регистра с выбором *то, что*-клауз подтвердилась; более того, оказалось, что данная связь не зависит от класса притяжения глагола (т. е. от того, с каким типом клаузы глагол встречается значимо чаще, чем «средний глагол»). Эта связь, однако, слабая и почти никогда не меняет класс притяжения глагола. Наиболее интересным результатом оказалось особое поведение глаголов без притяжения (т. е. тех, что ближе к «среднему глаголу»). Вероятно, такое поведение связано с влиянием не формальности регистра, а его «разговорности» (или некоего другого признака).

Если предложенная интерпретация в целом верна, то будущие исследования должны использовать более дробную классификацию регистров (возможно, с применением подрегистров), которая позволила бы систематически разграничить признаки формальности и «разговорности» (или какие-то другие признаки, которые окажутся релевантными для выбора типа клаузы). Продуктивным решением в этом направлении мог бы стать отказ от «априорных» делений на модусы и регистры и использование автоматической, основанной на данных (data-driven) кластеризации (например, методом главных компонент), см. [Gries 2011]. Такой метод мог бы помочь выявить релевантные признаки, по которым различаются регистры. Однако его реализация на конкретном материале пока остается задачей будущего.

Дальнейшие исследования также должны будут учесть возможное взаимодействие между классом притяжения глагола и влиянием регистра. Важно отметить, что классы притяжения, использованные в данном исследовании, отчасти являются следствием конкретной выборки глаголов (поскольку класс притяжения определялся путем сравнения с остальными глаголами из выборки); иначе говоря, другая выборка могла бы дать несколько другие классы. Возможно, для более надежного контроля этого фактора в будущем можно было бы попробовать использовать классификации глаголов на основе других мер притяжения (см., например, [Schmid, Küchenhoff 2013]), в том числе непосредственного уровня частотности каждого из типа клауз.

Наконец, еще одним направлением исследований могло бы стать использование обобщенных линейных моделей со смешанными эффектами, которые бы *одновременно* проверяли влияние различных факторов (в том числе регистра и класса глагола) на выбор типа клаузы; см. [Gries 2015b], где рекомендуется использовать именно такие модели для анализа корпусных данных, а также [Divjak 2017] в качестве примера конкретного исследования в области дистрибуции сентенциальных актантов (на материале польского языка).

Приложение

Таблица 10

Притяжения глаголов к *что-* и *то*, *что*-кляузам в письменном и устном модусах

Устный модус					
<i>Что</i> -Кляуза			<i>То</i> , <i>что</i> -Кляуза		
Коллексема	p	log ₁₀ p	Коллексема	p	log ₁₀ p
<i>надея</i> ться (590:34)	6.04E-53	52.2	<i>свидетель</i> ствовать (16:55)	1.61E-23	22.8
<i>радов</i> аться (28:1)	6.77E-3	2.2	<i>настаив</i> ать (10:33)	4.69E-14	13.3
			<i>горд</i> иться (19:35)	2.54E-11	10.6
			<i>указыв</i> ать (21:28)	1.65E-07	6.8
			<i>доб</i> иться (10:16)	2.49E-05	4.6
			<i>рассчитыв</i> ать (36:23)	6.42E-03	2.2
Письменный модус					
<i>Что</i> -Кляуза			<i>То</i> , <i>что</i> -Кляуза		
Коллексема	p	log ₁₀ p	Коллексема	p	log ₁₀ p
<i>надея</i> ться (10351:339)	0	Inf	<i>горд</i> иться (443:1002)	0	Inf
<i>призн</i> аться (3554:152)	5.15E-210	209.3	<i>свидетель</i> ствовать (1547:1808)	0	Inf
<i>созн</i> аться (1696:72)	4.54E-98	97.3	<i>доб</i> иться (118:382)	3.33E-155	154.5
<i>жале</i> ть (1973:179)	2.68E-61	60.6	<i>настаив</i> ать (422:574)	8.64E-142	141.1
<i>истуг</i> аться (893:53)	1.01E-41	41	<i>намека</i> ть (489:469)	1.74E-82	81.8
<i>жалов</i> аться (1748:252)	2.06E-24	23.7	<i>указыв</i> ать (2021:1095)	1.15E-77	76.9
<i>рассчитыв</i> ать (1465:323)	7.52E-04	3.1	<i>привыкн</i> уть (627:489)	5.52E-66	65.3

<i>злиться</i> (125:20)	3.20E-02	1.5	<i>возмущаться</i> (112:103)	4.56E-18	17.3
			<i>сетовать</i> (212:139)	4.92E-15	14.3
			<i>стыдиться</i> (116:82)	1.32E-10	9.9
			<i>уповать</i> (114:54)	8.85E-04	3.1

Таблица 11

Притяжения глаголов к *что-* и *то*, *что-*клаузам в художественном и нехудожественном регистрах

Художественный регистр					
<i>Что</i> -Клауза			<i>То</i> , <i>что</i> -Клауза		
Коллексема	p	log ₁₀ p	Коллексема	p	log ₁₀ p
<i>надеясь</i> (4559:111)	1.47E-210	209.8	<i>гордиться</i> (245:298)	1.11E-113	113
<i>признаваясь</i> (1529:74)	1.45E-38	37.8	<i>привыкнув</i> (360:277)	5.25E-75	74.3
<i>сознаться</i> (735:28)	9.12E-23	22	<i>свидетельствовать</i> (296:217)	5.59E-56	55.3
<i>жалеть</i> (1194:95)	4.53E-15	14.3	<i>добиться</i> (63:117)	2.01E-55	54.7
<i>испугаться</i> (733:46)	7.91E-14	13.1	<i>настаивать</i> (123:113)	1.60E-35	34.8
<i>жаловаться</i> (754:65)	2.02E-08	7.7	<i>указывать</i> (220:124)	1.57E-24	23.8
			<i>стыдиться</i> (83:55)	1.05E-13	13
			<i>намекать</i> (281:93)	3.36E-08	7.5
			<i>возмущаться</i> (46:28)	4.11E-07	6.4
			<i>радоваться</i> (1230:261)	2.29E-04	3.6
			<i>сетовать</i> (67:23)	3.80E-03	2.4
			<i>уповать</i> (33:13)	1.08E-02	2
			<i>дожидаться</i> (49:15)	4.63E-02	1.3

Нехудожественный регистр					
Что-Клауза			То, что-Клауза		
Коллексема	p	log ₁₀ p	Коллексема	p	log ₁₀ p
надея́ться (5792:228)	0	Inf	свидете́льствовать (1251:1591)	4.96E-284	283.3
призна́ться (2025:78)	2.48E-180	179.6	гори́ться (198:704)	4.11E-242	241.4
созна́ться (961:44)	7.450E-78	77.1	добы́ться (55:265)	4.31E-101	100.4
жале́ть (779:84)	1.38E-34	33.9	настаива́ть (299:461)	1.00E-91	91
жа́ловать (994:187)	3.45E-18	17.5	наме́кать (208:376)	1.92E-85	84.7
испу́гаться (160:7)	6.56E-14	13.2	ука́зывать (1801:971)	8.91E-28	27.1
рассчи́ывать (881:241)	1.99E-04	3.7	привы́кнуть (267:212)	9.47E-18	17
			возму́щаться (66:75)	1.30E-11	10.9
			сето́вать (145:116)	1.65E-10	9.8
			стыди́ться (33:27)	1.74E-03	2.8

Таблица 12

Притяжения глаголов к что- и то, что-клаузам в публицистическом и академическом регистрах

Публицистический регистр					
Что-Клауза			То, что-Клауза		
Коллексема	p	log ₁₀ p	Коллексема	p	log ₁₀ p
надея́ться (5000:198)	0	Inf	свидете́льствовать (877:877)	9.81E-153	152
призна́ться (1790:70)	3.83E-126	125.4	гори́ться (186:406)	6.46E-129	128.2
созна́ться (817:42)	8.75E-49	48.1	добы́ться (47:223)	4.47E-98	97.3
жале́ть (725:79)	3.30E-22	21.5	наме́кать (197:349)	6.52E-97	96.2

<i>испугаться</i> (149:6)	1.09E-10	10	<i>настаивать</i> (254:349)	9.70E-80	79
<i>жаловаться</i> (800:156)	5.90E-07	6.2	<i>привыкнуть</i> (244:196)	1.59E-24	23.8
<i>сомневаться</i> (1401:369)	4.98E-02	1.3	<i>указывать</i> (1102:493)	4.20E-15	14.4
			<i>возмущаться</i> (62:72)	6.67E-15	14.2
			<i>сетовать</i> (131:100)	3.58E-12	11.4
			<i>уповать</i> (51:36)	9.55E-05	4
			<i>стыдиться</i> (29:24)	3.89E-04	3.4
			<i>радоваться</i> (510:195)	1.84E-03	2.7
Академический регистр					
Что-Клауза			То, что-Клауза		
Коллексема	p	log ₁₀ p	Коллексема	p	log ₁₀ p
<i>надеяться</i> (792:30)	1.50E-151	150.8	<i>гордиться</i> (12:298)	4.00E-107	106.4
<i>признаваться</i> (235:8)	1.16E-42	41.9	<i>свидетельствовать</i> (374:714)	4.99E-84	83.3
<i>сознаться</i> (144:2)	1.22E-29	28.9	<i>настаивать</i> (45:112)	7.48E-16	15.1
<i>жаловаться</i> (194:31)	2.72E-18	17.6	<i>добиться</i> (8:42)	1.52E-10	9.8
<i>жалеть</i> (54:5)	1.15E-07	6.9	<i>намекать</i> (11:27)	1.58E-04	3.8
<i>рассчитывать</i> (114:35)	2.67E-05	4.6	<i>сомневаться</i> (191:157)	4.10E-02	1.4
<i>уповать</i> (30:5)	1.50E-03	2.8			
<i>радоваться</i> (51:18)	1.86E-02	1.7			
<i>испугаться</i> (11:1)	3.47E-02	1.5			

Таблица 13

Притяжения глаголов к *что-* и *то-*, *что*-кляузам в непубличном и публичном регистрах устного модуля

Непубличный регистр (Спонтанная речь)					
<i>Что</i> -Кляуза			<i>То</i> , <i>что</i> -Кляуза		
Коллексема	p	log ₁₀ p	Коллексема	p	log ₁₀ p
<i>надеялся</i> (41:4)	2.52E-03	2.6	<i>гордиться</i> (1:34)	1.50E-25	24.8
<i>жалеть</i> (14:0)	2.20E-02	1.7			
Публичный регистр (Подготовленная речь)					
<i>Что</i> -Кляуза			<i>То</i> , <i>что</i> -Кляуза		
Коллексема	p	log ₁₀ p	Коллексема	p	log ₁₀ p
<i>надеялся</i> (549:30)	1.71E-51	50.8	<i>свидетельствовать</i> (16:55)	1.61E-23	22.8
			<i>настаивать</i> (10:33)	4.69E-14	13.3
			<i>гордиться</i> (19:35)	2.54E-11	10.6
			<i>указывать</i> (21:28)	1.65E-07	6.8
			<i>добиться</i> (10:16)	2.49E-05	4.6
			<i>рассчитывать</i> (36:23)	6.42E-03	2.2
			<i>возмущаться</i> (2:5)	8.09E-03	2.1

Таблица 14

Наблюдаемая (ожидаемая) частотность *что-* и *то, что*-клауз (в пропорциях и абсолютных цифрах)
для четырех контрастов между модусами/регистрами по классам притяжения глаголов

	Притяжение <i>Что</i>		Притяжение <i>То, что</i>		Без притяжения	
	<i>Что</i>	<i>То, что</i>	<i>Что</i>	<i>То, что</i>	<i>Что</i>	<i>То, что</i>
Устный	812 (836) 89% (92%)	98 (74) 11% (8%)	133 (163) 41% (50%)	193 (163) 59% (50%)	43 (39) 88% (79%)	6 (10) 12% (21%)
Письменный	24887 (24863) 92% (92%)	2190 (2213) 8% (8%)	6221 (6191) 50% (50%)	6197 (6227) 50% (50%)	2487 (2491) 79% (79%)	660 (656) 21% (21%)
Художеств.	11684 (11463) 94% (92%)	788 (1009) 6% (8%)	1817 (1591) 57% (50%)	1358 (1584) 43% (50%)	1708 (1647) 82% (79%)	376 (437) 18% (21%)
Нехудож.	13203 (13424) 90% (92%)	1402 (1181) 10% (8%)	4404 (4630) 48% (50%)	4839 (4613) 52% (50%)	779 (840) 73% (79%)	284 (223) 27% (21%)
Публицист.	11468 (11390) 91% (90%)	1132 (1210) 9% (10%)	3180 (3004) 50% (48%)	3125 (3300) 50% (52%)	713 (715) 73% (73%)	262 (260) 27% (27%)
Академич.	1735 (1813) 87% (90%)	270 (192) 13% (10%)	1224 (1400) 42% (48%)	1714 (1538) 58% (52%)	66 (64) 75% (73%)	22 (24) 25% (27%)
Непубличный (Устный)	81 (10) 90% (89%)	9 (10) 10% (11%)	26 (25) 43% (41%)	35 (36) 57% (59%)	18 (16) 100% (88%)	0 (2) 0% (12%)
Публичный (Устный)	731 (732) 89% (89%)	89 (88) 11% (11%)	107 (108) 40% (41%)	158 (157) 60% (59%)	25 (27) 81% (88%)	6 (4) 19% (12%)

Таблица 15

Дисперсия (нормализованное отклонение пропорций) глаголов в конструкциях со *что-* и *то-* *что*-кlausами (по убыванию)

<i>Что</i> -Клауза				<i>То, что</i> -Клауза			
Глагол	Класс при- тяжения	log ₁₀ p	DP _{norm}	Глагол	Класс при- тяжения	log ₁₀ p	DP _{norm}
<i>злиться</i>	<i>что</i>	1.7	0.39	<i>намекать</i>	<i>То, что</i>	81.4	0.36
<i>испугаться</i>	<i>что</i>	40.7	0.38	<i>указывать</i>	<i>То, что</i>	80.9	0.36
<i>указывать</i>	<i>То, что</i>	80.9	0.37	<i>свидетельствовать</i>	<i>То, что</i>	Inf	0.35
<i>свидетельствовать</i>	<i>То, что</i>	Inf	0.29	<i>сетовать</i>	<i>То, что</i>	14.7	0.32
<i>стыдиться</i>	<i>То, что</i>	9.8	0.28	<i>возмущаться</i>	<i>То, что</i>	17.5	0.29
<i>радоваться</i>	—	0.3	0.23	<i>настаивать</i>	<i>То, что</i>	152.6	0.27
<i>сетовать</i>	<i>То, что</i>	14.7	0.22	<i>уповать</i>	<i>То, что</i>	3.3	0.26
<i>хвастаться</i>	—	0.1	0.22	<i>рассчитывать</i>	<i>что</i>	2.2	0.24
<i>расстраиваться</i>	—	0.6	0.19	<i>стыдиться</i>	<i>То, что</i>	9.8	0.23
<i>извиниться</i>	—	0.2	0.18	<i>жаловаться</i>	<i>что</i>	23	0.21
<i>возмущаться</i>	<i>То, что</i>	17.5	0.16	<i>злиться</i>	<i>что</i>	1.7	0.21
<i>жалеть</i>	<i>что</i>	60.9	0.15	<i>обидеться</i>	—	0.2	0.21
<i>намекать</i>	<i>То, что</i>	81.4	0.13	<i>дожидаться</i>	—	0.6	0.19
<i>привыкнуть</i>	<i>То, что</i>	63.4	0.12	<i>сознаться</i>	<i>что</i>	96.6	0.18
<i>рассчитывать</i>	<i>что</i>	2.2	0.12	<i>добиться</i>	<i>То, что</i>	157.9	0.18
<i>признаваться</i>	<i>что</i>	208.6	0.11	<i>гордиться</i>	<i>То, что</i>	Inf	0.17
<i>добиться</i>	<i>То, что</i>	157.9	0.09	<i>хвастаться</i>	—	0.1	0.17
<i>надеяться</i>	<i>что</i>	Inf	0.09	<i>сомневаться</i>	<i>что</i>	0.7	0.13

сознаться	что	96.6	0.09	радоваться	—	0.3	0.12
сомневаться	что	0.7	0.07	извиниться	—	0.2	0.11
жаловаться	что	23	0.05	расстраиваться	—	0.6	0.09
дождаться	—	0.6	0.3	признаться	что	208.6	0.07
обидеться	—	0.2	0.3	испугаться	что	40.7	0.4
настаивать	То, что	152.6	0.2	надеяться	что	Inf	0.2
уповать	То, что	3.3	0.2	жалеть	что	60.9	0.1
гордиться	То, что	Inf	0.1	привыкнуть	То, что	63.4	0.1

Л и т е р а т у р а

Валгина 2003 — Н. С. Валгина. Современный русский язык. Синтаксис. 4-е изд. М., 2003.

Кибрик 2009 — А. А. Кибрик. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // Вопросы языкознания. 2009. № 2. С. 3–21.

Князев 2018 — М. Ю. Князев. Об ограничении на сентенциальный актант с союзом *что* при деагентивных употреблениях глаголов речи // Вопросы языкознания. 2018. № 3. С. 7–39.

Кобозева 2013 — И. М. Кобозева. Условия употребления «то» перед придаточным изъяснительным с союзом «что» // *Du mot au texte. Études slavo-romanes* / O. Inkova (éd.). Bern, 2013. P. 131–150.

Коротаев 2013 — Н. А. Коротаев. Полипредикативные конструкции с *то что* в непубличной устной речи // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции «Диалог 2013» (Бекасово, 29 мая — 2 июня 2013 г.). Вып. 12 (19). М., 2013. С. 324–331.

Кузнецова, Велейшикова 2010 — Ю. Л. Кузнецова, Т. В. Велейшикова. Современные корпусные исследования языка: новые подходы // Вопросы языкознания. 2010. № 5. С. 108–124.

Летучий 2014 — А. Б. Летучий. Синтаксические свойства сентенциальных актантов при предикативах // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. 2014. № 1. С. 62–84.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.

Пекелис 2014 — О. Е. Пекелис. Инфинитив vs. придаточное с союзом *чтобы*: К вопросу о выборе способа оформления сентенциального актанта в русском языке // Вопросы языкознания. 2014. № 4. С. 13–45.

Циммерлинг 2012 — А. В. Циммерлинг. Неканонические подлежащие в русском языке // От формы к значению, от значения к форме. Сборник статей в честь 80-летия А. В. Бондарко / Отв. ред. М. Воейкова. М., 2012. С. 568–590.

Шведова 1980 — Н. Ю. Шведова (ред.). Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис. М., 1980.

Biber 2012 — D. Biber. Register as a predictor of linguistic variation. *Corpus Linguistics and Linguistic Theory*. 2012. Vol. 8. No. 1. P. 9–37.

Biber, Conrad 2009 — D. Biber, S. Conrad. Register, genre, and style. Cambridge, 2009.

Divjak 2017 — D. Divjak. The role of lexical frequency in the acceptability of syntactic variants: evidence from *that*-clauses in Polish. *Cognitive Science*. 2017. Vol. 4. No. 2. P. 354–382.

Divjak, Caldwell-Harris 2015 — D. Divjak, C. L. Caldwell-Harris. Frequency and entrenchment // *Cognitive foundations of language* / E. Dabrowska, D. Divjak (eds.). Boston, 2015. P. 53–75.

Gries 2008 — S. Th. Gries. Dispersions and adjusted frequencies in corpora. *International Journal of Corpus Linguistics*. 2008. Vol. 13. No. 4. P. 403–437.

Gries 2011 — S. Th. Gries. Corpus data in usage-based linguistics: What's the right degree of granularity for the analysis of argument structure constructions? // *Cognitive linguistics: Convergence and expansion* / M. Brdar, S. Th. Gries, M. Zič-Fuchs (eds.). Amsterdam; Philadelphia, 2011. P. 237–256.

Gries 2015a — S. Th. Gries. More (old and new) misunderstandings of collocation analysis: on Schmid & Küchenhoff (2013) // *Cognitive Linguistics*. 2015. Vol. 26. No. 3. P. 505–536.

Gries 2015b — S. Th. Gries. The most underused statistical method in corpus linguistics: Multi-level (and mixed-effects) models // *Corpora*. 2015. Vol. 10. No. 1. P. 95–125.

Gries, Stefanowitsch 2004 — S. Th. Gries, A. Stefanowitsch. Extending collocation analysis: A corpus-based perspective on ‘alternations’ // *International Journal of Corpus Linguistics*. 2004. Vol. 9. No. 1. P. 97–129.

Hartman 2012 — J. Hartman. Varieties of clausal complementation. PhD diss. Cambridge (MA): MIT, 2012.

Knyazev 2016 — M. Knyazev. Licensing clausal complements: The case of *čto*-clauses. PhD diss. Utrecht, 2016.

Levshina 2015 — N. Levshina. How to do linguistics with R. Amsterdam, 2015.

Lijffijt, Gries 2012 — J. Lijffijt, S. Th. Gries. Correction to “Dispersions and adjusted frequencies in corpora” // *International Journal of Corpus Linguistics*. 2012. Vol. 17. No. 1. P. 147–149.

Schmid, Küchenhoff 2013 — H.-J. Schmid, H. Küchenhoff. Collocation analysis and other ways of measuring lexicogrammatical attraction: Theoretical premises, practical problems and cognitive underpinnings // *Cognitive Linguistics*. 2013. Vol. 24. No. 3. P. 531–577.

Stefanowitsch, Gries 2008 — A. Stefanowitsch, S. Th. Gries. Channel and constructional meaning: A collocation case study // *Cognitive sociolinguistics* / G. Kristiansen, R. Dirven (eds.). Berlin; New York, 2008. P. 129–152.

Статья получена 07.08.2018

MIKHAIL YU. KNYAZEV

Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences /
National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg branch /
St. Petersburg State University
(Russia, St. Petersburg)
mknyazev@hse.ru

EKATERINA A. RUDALEVA

National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg branch
(Russia, St. Petersburg, Moscow)
earudaleva@edu.hse.ru

REGISTER AS A PREDICTOR OF THE COMPLEMENT CLAUSE TYPE IN RUSSIAN: A CORPUS STUDY

Register is a factor in linguistic variation and may affect the choice between competing constructions, along with grammatical, semantic, pragmatic and other factors. The paper investigates the effect of register on the realization of indicative complement clauses in Russian (as a *čto*-clause or as a special construction with the correlative *to*) with verbs selecting prepositional/oblique complements, cf. *Ona настаивает (na tom), čto...* ‘She insists (on the fact) that...’. The study is based on the data from the Russian Na-

tional Corpus. The main hypothesis is that more formal registers tend to be associated with higher preference for the construction with the correlative. Five different registers are compared (academic, news, fiction, spontaneous and non-spontaneous speech). The influence of register was investigated in three ways: on the basis of the verb sample as a whole (26 verbs); individually for separate verbs; for attraction classes of verbs according to their choice of a certain strategy. The so-called “collostructional analysis” (for distinctive collexemes), developed by Stefan Th. Gries and Anatol Stefanowitsch, as well as the analysis of dispersion measured by the Deviation of Proportions (developed by Stefan Th. Gries) were used. The results showed a small increase in the proportion of the correlative construction in the academic and non-fiction registers (as opposed to news and fiction registers) both for the sample as a whole and for the two out of three attraction classes, which on the whole supports the main hypothesis. However, the effect of register on individual verbs (operationalized as change of attraction class accompanying change of register) proved negligible. In addition, the class of verbs neutral with respect to the attracted construction showed a profile different from the two other classes, suggesting that some property of register other than formality might influence their behavior.

Keywords: register, clausal complements, corpus approaches, collostructional analysis, analysis of dispersion, syntactic alternation.

References

- Biber, D. (2012). Register as a predictor of linguistic variation. *Corpus Linguistics and Linguistic Theory*, 8(1), 9–37.
- Biber, D., & Conrad, S. (2009). *Register, genre, and style*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Divjak, D. (2017). The role of lexical frequency in the acceptability of syntactic variants: evidence from that-clauses in Polish. *Cognitive Science*, 4(2), 354–382.
- Divjak, D., & Caldwell-Harris, C. L. (2015). Frequency and entrenchment. In E. Dabrowska, & D. Divjak (Eds.), *Cognitive foundations of language*. Boston: Mouton De Gruyter.
- Gries, S. Th. (2008). Dispersions and adjusted frequencies in corpora. *International Journal of Corpus Linguistics*, 13(4), 403–437.
- Gries, S. Th. (2011). Corpus data in usage-based linguistics: What's the right degree of granularity for the analysis of argument structure constructions? In M. Brdar, S. Th. Gries, & M. Žič-Fuchs (Eds.), *Cognitive linguistics: Convergence and expansion* (pp. 237–256). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins.
- Gries, S. Th. (2013). More (old and new) misunderstandings of collostructional analysis: on Schmid & Küchenhoff (2013). *Cognitive Linguistics*, 26(3), 505–536.
- Gries, S. Th. (2015). The most underused statistical method in corpus linguistics: Multi-level (and mixed-effects) models. *Corpora*, 10(1), 95–125.
- Gries, S. Th., & Stefanowitsch, A. (2004). Extending collostructional analysis: A corpus-based perspective on ‘alternations’. *International Journal of Corpus Linguistics*, 9(1), 97–129.
- Hartman, J. (2012). *Varieties of clausal complementation* (unpublished doctoral dissertation). MIT, Cambridge (MA), USA.
- Kibrik, A. A. (2009). Modus, zhanr i drugie parametry klassifikatsii diskursov. *Voprosy jazykoznanija*, 2, 3–21.

Knyazev, M. (2016). *Licensing clausal complements: the case of čto-clauses* (unpublished doctoral dissertation). Utrecht University, Utrecht, Netherlands.

Knyazev, M. (2018). Ob ogranichenii na sententsial'nyĭ aktant s soyuzom čto pri deagentivnykh upotrebleniyakh glagolov rechi. *Voprosy jazykoznanija*, 3, 7–39.

Kobozeva, I. M. (2013). Usloviya upotrebleniya «to» pered pridatochnym iz"yasnitel'nym s soyuzom “čto”. In O. Inkova (Ed.), *Du mot au texte. Etudes slavo-romanes* (pp. 131–150). Bern: Peter Lang.

Korotaev, N. A. (2013). Polipredikativnye konstruksii s to čto v nepublichnoĭ ustnoĭ rechi. In *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: po materialam mezh-dunarodnoĭ konferentsii «Dialog 2013»*. Vyp. 12 (pp. 324–331). Moscow: Izd-vo RGGU.

Kuznetsova, Yu. L., & Veleysnikova, T. V. (2010). Sovremennye korpusnye issledovaniya yazyka: novye podkhody. *Voprosy jazykoznanija*, 5, 108–124.

Letuchiy, A. B. (2014). Sintaksicheskie svoystva sententsial'nykh aktantov pri predikativakh. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M. A. Sholokhova. Filologicheskie nauki*, 1, 62–84.

Levshina, N. (2015). *How to Do Linguistics with R: Data Exploration and Statistical Analysis*. Amsterdam: John Benjamins.

Lijijt, J., & Gries, S. Th. (2012). Correction to “Dispersions and adjusted frequencies in corpora”. *International Journal of Corpus Linguistics*, 17(1), 147–149.

Natsional'nyĭ korpus russkogo yazyka. Retrieved from <http://www.ruscorpora.ru>.

Pekelis, O. E. (2014). Infinitiv vs. pridatochnoe s soyuzom chtoby: k voprosu o vybore sposoba oformleniya sententsial'nogo aktanta v russkom yazyke. *Voprosy jazykoznanija*, 4, 13–45.

Schmid, H.-J., & Küchenhoff, H. (2013). Collostructional analysis and other ways of measuring lexicogrammatical attraction: Theoretical premises, practical problems and cognitive underpinnings. *Cognitive Linguistics*, 24(3), 531–577.

Shvedova, N. Yu. (Ed.). (1980). *Russkaya grammatika* (Vol. 2). Moscow: Nauka.

Stefanowitsch, A., & Gries, S. Th. (2008). Channel and constructional meaning: A collostructional case study. In G. Kristiansen, & R. Dirven (Eds.), *Cognitive sociolinguistics* (pp. 129–152). Berlin; New York: Mouton de Gruyter.

Tsimmerling, A. V. (2012). Nekanonicheskie podlezhashchie v russkom yazyke. In M. Voeikova (Ed.), *Ot formy k znacheniyu, ot znacheniya k forme. Sb. stateĭ v chest' 80-letiya A. V. Bondarko* (pp. 568–590). Moscow: Yazyki slavianskikh kul'tur.

Valgina, N. S. (2000). *Sintaksis sovremennogo russkogo yazyka*. Moscow: Agar.

Received on 07.08.2018

Н. Н. ЛОГВИНОВА

Санкт-Петербургский филиал Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
(Россия, Санкт-Петербург)
nnlogvinova@edu.hse.ru

КОНКУРЕНЦИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ СРОКА С ПРЕДЛОГАМИ *в* И *за* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ В XVIII–XX ВВ.

В настоящей статье на материале Национального корпуса русского языка анализируются диахронические и синхронные аспекты конкуренции предлогов *в* и *за* в русских обстоятельствах срока. Обсуждаются тенденции дистрибуции предлогов в сочетании с различными семантическими типами именных групп, способных передавать значение 'промежуток времени'. Делается вывод о происходившем в период XVIII–XX вв. переходе от преобладающего использования в обстоятельствах срока предлога *в* к большей распространенности *за*, а также о несимметричности данного перехода в различных контекстах. Кроме того, в работе на основе лингвистической метафоры «пространство—время» предлагаются возможные обоснования возникновения у рассматриваемых предлогов тенденции к комбинированию с лексическими контекстами различного типа.

Ключевые слова: предлоги, обстоятельства, корпусная лингвистика, аспектуальные классы глагола, метафора.

1. Введение

Настоящая статья посвящена проблеме конкуренции предлогов *в* и *за* в обстоятельствах срока¹ в русском языке в XVIII–XX вв. Под обстоятельствами срока понимается выделенная М. Хаспельматом [Haspelmath 1997: 38] адвербиальная функция *telic-extent* (дословно — «предельная продолжительность»). По определению М. Хаспельмата, обстоятельства срока указывают на количество времени, которое было затрачено на совершение некоторого предельного действия, в результате достигшего своей финальной точки². Так, в примере *Он съел суп за десять минут* обстоятельством

¹ Термин «обстоятельство срока» используется также в некоторых трудах по акциональности в русском языке (см., например, [Падучева 2011: 46; Горбова 2017: 221]).

² В этом отношении обстоятельства типа *telic-extent* противопоставлены обстоятельствам типа *atelic-extent* («непредельная продолжительность»), которые ис-

срока является предложная группа *за десять минут*. Обстоятельства этого типа часто используются в тестах на предельность глагольных групп [Татевосов 2010: 136] и преимущественно зависят от глаголов, в теории аспектуальных классов соотносимых с классом свершений (accomplishments) [Vendler 1957]. В большинстве языков, рассмотренных М. Хаспельматом, обстоятельственные конструкции со значением срока состоят из предлога, аналогичного английскому *in* 'в' — то есть такого, который в данном языке обычно также маркирует отношения статичного нахождения внутри (*in the room* 'в комнате'), — и зависящей от него именной группы (далее — ИГ) со значением временного интервала. Для русского языка М. Хаспельмат полагает стандартным употребление в таких конструкциях предлога *за* с пространственным значением нахождения позади чего-то (*за домом*), что, по мнению М. Хаспельмата, является исключением на типологическом фоне. Вместе с тем это утверждение нуждается в корректировке. В действительности русские обстоятельства срока допускают в этой позиции два предлога: собственно предлог *за* и предлог со значением статического нахождения внутри *в*:

- (1) Я справился с заданием *в/за минуту*.

В примере (1) использование обоих предлогов одинаково грамматично. Однако существуют и такие контексты, где свободная замена одного предлога на другой если и допустима грамматически, подчиняется некоторым стилистическим ограничениям:

- (2) Он *в/за один миг* состарился.
(3) Мне удалось собрать все документы *за/в месяц*.

Далее в настоящей статье излагаются результаты корпусного исследования дистрибутивных свойств русских предлогов *в* и *за* в адвербиалах срока в диахроническом и синхронном срезах. Анализ производится на материале текстов, представленных в Национальном корпусе русского языка (далее — НКРЯ) и охватывающих период с начала XVIII до конца XX в. Статья имеет следующую структуру. В разделе 2 кратко обсуждаются факторы, которые могли влиять на выбор того или иного предлога. В разделе 3 приводятся результаты исследования распределения *в* и *за* в различных контекстах в XVIII, XIX и XX вв. и комментарии по поводу возможных причин наблюдаемых явлений. В разделе 4 предпринимается попытка типологически ориентированного объяснения предрасположенности предлогов *в* и *за* к употреблению в характерных контекстах.

пользуются для модификации таких предикатов, описывающих принципиально нетерминативное действие, как глагол *посмотреть* в примере (i):

- (i) Я посмотрел телевизор полчаса / в течение получаса и перестал, потому что было неинтересно.

2. Предполагаемые факторы дистрибуции

В первую очередь кажется обоснованным разделять особенности дистрибуции предлогов *в* и *за* в диахронической перспективе и то, каким образом распределены эти единицы на синхронном уровне. Первостепенный интерес к диахроническому аспекту рассматриваемой проблемы обуславливается тем, что в корпусе русских текстов XVIII–XIX вв. обнаруживается достаточное количество примеров, свидетельствующих о несколько более широком использовании предлога *в* в обстоятельствах срока, в том числе и в таких контекстах, в которых современному носителю было бы привычнее употребить предлог *за*:

- (4) И так сими и другими подобными речами довела до того, что он *в год* так выучился, как и самый городской господин (Сказка восьмая о Иване-богатыре, мужицком сыне (1787)).

Во-вторых, представляется верным, что на каждом уровне (диахроническом и синхронном) фактором, влияющим на выбор предлога, с большой степенью вероятности оказываются семантические свойства ИГ со значением срока совершения действия (*минута* в примере (1)). Так, предлоги *в* и *за* могут в разной степени хорошо сочетаться с ИГ, выражающими различные по своим характеристикам временные интервалы. При этом среди признаков, по которым временные отрезки могут различаться между собой, интуитивно наиболее значимыми представляются длительность (длительные/короткие), а также наличие четко определенных границ (имеющие конвенциональные границы, например *час* / без определенных границ, например *утро*). Таким образом, настоящее исследование основывается на предположении, что существуют различия в сочетаемостных тенденциях предлогов *в* и *за* со следующими семантическими группами существительных, имеющих темпоральное значение:

1) базовые³ единицы измерения времени, различающиеся между собой по признаку длительности: *миг, мгновение, секунда, минута, час, день, сутки, неделя, месяц, год*;

- (5) Быстрый Бау мог переплыть реку *за час*, ловкий Ах за 2 часа <...> (Запись в LiveJournal-сообществе zagadki (2004));

2) циклические [Neset 2013] временные промежутки, т. е. части годового или суточного циклов, способные использоваться в обстоятельствах срока: *утро, вечер, ночь, лето, зима, весна, осень*;

- (6) И прочитал ее *за вечер*, потому что написано было неплохо <...> (Майя Кучерская. Современный патерик: чтение для впавших в уныние (2004));

³ Понятие «базовые» в данном контексте достаточно условно и включает преимущественно те лексемы, для которых выражение временного интервала разной продолжительности является основным значением.

- 3) промежутки без определенных границ: *срок, время*;
- (7) Священник Михаил Лисицын сравнительно *за короткое время* приобрел известность благодаря своим литературным статьям (Духовно-музыкальные сочинения священника М. Лисицына (2003) // «Российская музыкальная газета», 2003.06.11).

Кроме того, очевидно, что в обстоятельствах рассматриваемого типа время может обозначаться не только с помощью относительно конвенциональных выражений, но и метафорически — посредством разнообразных ИГ, потенциально способных передавать значение временного отрезка (*урок, сеанс* и т. д.):

- (8) То, что полагается узнавать всю жизнь, *за один урок* не узнать (Булат Окуджава. Новенький как с иголочки (1962)).

3. Особенности распределения предлогов *в* и *за* с различными типами именных групп в синхронном и диахроническом срезе

3.1. Базовые единицы измерения времени

Данные, полученные в ходе корпусного исследования дистрибуции предлогов *в* и *за* в обстоятельствах срока в сочетании с лексемами, называющими базовые единицы времени, суммированы в Таблице 1.

На рисунке 1 представлен график, отражающий изменение в частотности встречаемости предлога *в* в обстоятельствах срока с XVIII по XX в. (график динамики изменений в распределении предлога *за* симметричен относительно оси X).

Полученные данные свидетельствуют, что в период с XVIII по XX в. действительно имело место постепенное изменение в характере распределения предлогов *в* и *за*. Описание наблюдаемого изменения логично разделить на две части. Во-первых, отмечается заметный переход от подавляющего преобладания предлога *в* в начале рассматриваемого периода (XVIII в.) к почти полной его замене на *за* в большинстве контекстов в XX в. Так, из Таблицы 1 видно, что в текстах XVIII–XIX вв. в обстоятельствах срока преимущественно используется предлог *в*, а *за* в этой функции встречается исключительно редко⁴. Примечательно, что в текстах этого периода предлог *за* стабильно используется для выражения другого обстоятельственного

⁴ Такой вывод косвенно подтверждается и данными толковых словарей, отражающих языковую норму XVIII в. Например, и в Словаре Академии Российской [САР], и в Словаре русского языка XVIII в. [СРЯ XVIII] статьи, посвященные значению предлога *за*, не содержат указаний на возможность употребления *за* в контекстах, похожих на обстоятельства срока.

Таблица 1

Количественное распределение предлогов *в* и *за* в сочетаниях с существительными, обозначающими единицы измерения времени в XVIII–XX вв.⁵

Существительное	XVIII			XIX			XX		
	<i>в</i>	<i>за</i>	доля <i>в</i>	<i>в</i>	<i>за</i>	доля <i>в</i>	<i>в</i>	<i>за</i>	доля <i>в</i>
<i>миг</i>	1	0	1	7	0	1	15	5	0,75
<i>мгновение</i>	1	0	1	4	0	1	19	5	0,79
<i>секунда</i>	1	0	1	4	0	1	43	23	0,65
<i>минута</i>	6	0	1	41	1	0,97	42	26	0,87
<i>час</i>	1	0	1	26	3	0,89	22	75	0,22
<i>день</i>	1	0	1	10	0	1	18	55	0,24
<i>сутки</i>	1	0	1	11	0	1	9	39	0,18
<i>неделя</i>	3	1	0,75	39	0	1	35	62	0,36
<i>месяц</i>	3	0	1	23	1	0,95	22	42	0,34
<i>год</i>	6	0	1	39	1	0,97	22	62	0,26

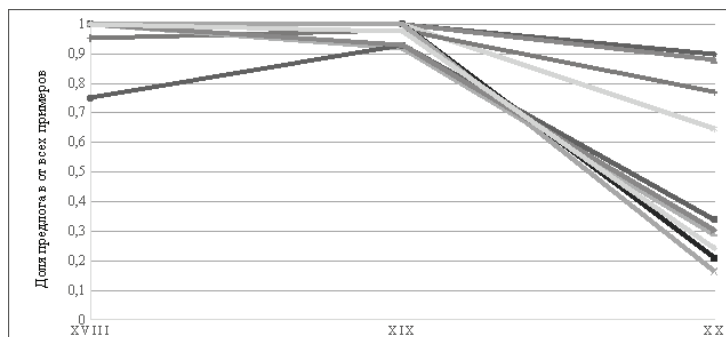

Рис. 1. Изменение в частотности употребления предлога *в* в различных контекстах в период с XVIII по XX в. (график для *за* зеркально симметричен по оси времени)

⁵ Необходимо принять во внимание, что количество полученных примеров для текстов XVIII в. является достаточно ограниченным. Этот факт объясняется главным образом сравнительно маленьким объемом самого подкорпуса XVIII в. в НКРЯ (только 1,7% словоупотреблений от всего объема корпуса). Для уточнения выводов по обозначенному временному периоду нужно предпринять более детальное рассмотрение наблюдаемых процессов на текстах, не представленных в корпусе, что, вероятно, только послужило бы подтверждению сделанных в данной статье выводов.

значения времени, а именно — предшествования на интервал без указания ориентира, как, например, (9):

- (9) Для чего она сказала это, чего она *за секунду* не думала, она никак бы не могла объяснить (Л. Н. Толстой. Анна Каренина (1878)).

Как показано в статье [Сай 2010], употребления предлога *за* в функции, иллюстрируемой примером (9), частотные в текстах XVIII — начала XIX в., не представлены в подкорпусе XX в. и являются достаточно маргинальными для современного языка, в котором в таких конструкциях обязательно наличие указания на точку, от которой производится отсчет (ср. *за секунду не думала* и *за секунду до этого не думала*). Параллельная утрата предлогом *за* способности самостоятельно (без указания на ориентир) выражать значение предшествования и его экспансия в обстоятельствах срока, не будучи связаны напрямую, очевидно, представляют собой следствие одного процесса, заключавшегося в изменении семантики и грамматических функций этого предлога.

Второй важной особенностью динамики использования предлогов *в* и *за* в обстоятельствах срока, хорошо отраженной, в частности, на рис. 1, является несимметричный характер наблюдаемого смещения. Так, очевидно, что предлог *в* все же достаточно хорошо сохраняется в сочетаниях с некоторыми лексемами (например *миг*), в том числе и в текстах XX в., но практически полностью вытесняется предлогом *за* из сочетаний с другими существительными (например *день*). На основе полученного распределения можно выделить следующие группы лексем:

1. Сочетания с **миг**, **мгновение** практически полностью сохраняют исторически свойственный обстоятельствам срока предлог *в*, сравнительно редко допуская *за*, в том числе и в текстах XX в.:

- (10) Но только ее каблучки процокали от подъезда до машины, как недуг *в миг* сдуло (А. Росляков. Мужская жертва терроризма (1997) // «Столица», 1997.08.12);
(11) В другой раз он сразу бы нашел Наташу, повел бы себя дипломатом и все б уладил *в мгновение* (В. Орлов. Альтист Данилов (1980)).

Примеры типа (12) и (13) также возможны, но не только оказываются значительно менее частотными, чем употребления с *в* (см. Таблицу 1), но и не могут быть расценены как абсолютно стилистически нейтральные.

- (12) Город американской мечты, где, если повезет, можно *за миг* стать миллионером (А. Поздняков. Завтра — День кино (2000));
(13) Уважаемого всеми человека заряд *за мгновение* в кровавые ошметки превратил (А. Грачев. Ярый против видеопиратов (1999)).

2. Существительные **секунда** и **минута** обнаруживают большую степень свободы в выборе предлога: несмотря на то, что маркирование с помощью *в* по-прежнему остается наиболее распространенной стратегией,

вхождения с *за* во второй половине XX в. встречаются приблизительно в трети исследованных контекстов. Выбор предлога отчасти определяется тем, выражается ли совершение какого-то действия буквально или информация о длительности ситуации носит не фактический, а скорее оценочный характер. Так, в предложении (14) автор подчеркивает, что указанное время является неправдоподобно коротким для реального завершения называемого действия:

- (14) По моей просьбе он без затруднения, буквально *в минуту* представил на бумаге проект необыкновенного двигателя, с которым шел когда-то к Шелесту (А. А. Бек. Талант (Жизнь Бережкова). Ч. 1–3 (1940–1956)).

Напротив, в случаях, где промежуток времени оценивается буквально, оформление с *за* оказывается предпочтительным для подчеркивания «точности» сообщаемого:

- (15) Оно производит рассевку навески угольной пыли *за секунду*, а не за полчаса, как обычные сита (О. Жолондовский. Чудеса в решете, или сила электрического ветра // «Техника — молодежи», 1976).

Следовательно, можно полагать, что в данном случае интересующая нас конкуренция зависит в том числе и от стилистического фактора, однако возможности проверить это наблюдение на материале НКРЯ ограничены.

3. Группа *час, день, сутки, неделя, месяц, год* демонстрирует существенный сдвиг в сторону сочетаемости с предлогом *за*: согласно полученным данным, конструкция с *за* в XX в. употребляется в среднем в 70% случаев со словами, обозначающими сравнительно длительные временные промежутки, т. е. более часа:

- (16) — Филька, — сказала ему Таня, — ты бы мог и один выучить эту теорему *за час*, пока я ходила к Жене (Р. И. Фраерман. Дикая собака Динго, или Повесть о первой любви (1935—1940));
- (17) Ему, видно, хорошо тут писалось, если он мог *за год* отмахать свой гигантский и чудовищный по следствиям труд (Ю. М. Нагибин. Дневник (1956)).

Предложения (16) и (17) представляются более нейтральными и соответствующими современному употреблению, чем примеры (18)–(19) с предлогом *в*:

- (18) Даже *в час* можно справиться со всеми житейскими задачами!.. (А. П. Платонов. Счастливая Москва (1936));
- (19) Вот с такими бы можно *в год* перевернуть деревню! (М. А. Шолохов. Поднятая целина. Кн. 1 (1932)).

Таким образом, предлог *в*, очевидно, не утратил способности употребляться в обстоятельствах срока, однако область его употребления заметно

сократилась в сочетаниях с существительными времени, выражающими длительные временные промежутки. Наоборот, предлог *за* стал использоваться в большем количестве контекстов, преимущественно сочетаясь с такими существительными времени, которые выражают сравнительно длительные временные интервалы.

3.2. Циклические промежутки

Обстоятельства типа *telic-extent* относительно редко строятся на основе существительных со значением циклического промежутка. Таблица 2 отражает количественное распределение предлогов *в* и *за* в сочетаниях с существительными, обозначающими циклические термины в XIX–XX вв.⁶

Таблица 2

**Количественное распределение предлогов *в* и *за*
в сочетаниях с существительными,
обозначающими циклические промежутки, в XIX–XX вв.**

Существительное	XIX			XX		
	<i>в</i>	<i>за</i>	Доля <i>в</i>	<i>в</i>	<i>за</i>	Доля <i>за</i>
<i>утро</i>	1	0	1	0	1	0
<i>вечер</i>	1	0	1	0	8	0
<i>ночь</i>	3	2	0,6	1	37	0,02
<i>лето</i>	0	7	0	1	25	0,03
<i>осень</i>	0	0	0	0	2	0
<i>зима</i>	0	2	0	0	17	0

Исходя из данных Таблицы 2, можно предположить, что циклические временные термины, в отличие от обсуждавшихся выше терминов, выражающих базовые единицы измерения, не имели тенденции сочетаться с предлогом *в*, в том числе и в языке XIX в. Подобное ограничение может объясняться непосредственно свойствами циклических временных промежутков. Существительные, обозначающие периоды суточного цикла, имеют объектом референции такие временные реалии, которые не поддаются объективному фиксированию и измерению, — их границы могут быть очерчены только пунктирно. Как следствие, термины суточного и годового циклов оказываются малоупотребительными в роли единицы времени (имеющей четко определенную длительность и использующейся для

⁶ Не удалось обнаружить ни одного примера, содержащего обстоятельство срока с одним из рассматриваемых терминов в подкорпусе XVIII в.; существительное *весна* также не было зафиксировано в искомом контексте, в связи с чем соответствующие ячейки в таблице отсутствуют.

«фрагментирования» времени) и в большой мере воспринимаются как временные промежутки без строго закрепленных границ. Такая неопределенность противоречит семантической предрасположенности предлога *в* к кратким и четко очерченным временным единицам, обусловленной его первичной ролью маркера пространственных отношений нахождения внутри ограниченного пространства [Haspelmath 1997: 130]. Сходные замечания относительно сочетаемости *в* с циклическими терминами можно найти в [Neset 2013: 36; Neset, Makarova 2013: 323], где свойства временного промежутка трактуются как ключевой фактор при выборе способа маркирования в указательной функции: *в час дня* vs. *летом* / **в лето*.

Вместе с тем сочетания с *за* в XX в. для многих указанных существительных становятся в достаточной мере частотны:

- (20) Задумаешь в мгновение, создашь *в утро*, а обработка и изложение должны ждать здоровых часов, которые стали редки (С. А. Базунов. Александр Даргомыжский. Его жизнь и музыкальная деятельность (1894));
- (21) На сестре лица не было — так она волновалась, что сразу похудела *за утро* и на щеках у нее выступил румянец (...) (Л. Ф. Зуров. Иван-да-марья (1956—1969) // «Звезда», 2005);
- (22) Сначала Николай был, мы с ним эту избенку, как сошлись и отделились от стариков, *в лето* поставили (Валентин Распутин. Женский разговор (1994));
- (23) (...) я решила попытаться выучить ее французскому *за лето* (Р. М. Фрумкина. О нас — наискосок (1995)).

Таким образом, *за* оказывается менее чувствительным к параметру строгой определенности временных границ. Можно предположить, что, развив функцию маркера обстоятельств срока, предлог *за* экстраполировал ее и на обозначения циклических временных промежутков. Подобные конструкции с *в*, возможно, избегались в силу семантически обусловленной склонности данного предлога сочетаться с временными промежутками, обладающими свойствами, соотносимыми со свойствами метафорического «контейнера» [Haspelmath 1997: 102]. В свете сказанного выше актуальным остается вопрос о средствах выражения обстоятельств срока при обозначении циклических промежутков, когда эта функция еще не была полностью освоена предлогом *за* (то есть, предположительно, до середины XIX столетия). Однако ответ на этот вопрос требует дополнительного исследования.

3.3. Сочетания с определением один

Особого внимания заслуживают обстоятельства, содержащие определение *один*, типа (24):

- (24) Ходят они очень быстро, а всю Великобританию можно пересечь *в одну ночь*, так что большинство мест — сидячие (А. Кузнецов. Между Гринвичем и Куреневкой (2002)).

Таблица 3 содержит данные о частотности каждого из рассматриваемых предлогов-конкурентов в сочетании с ИГ, содержащими определение *один* в текстах XX в. в сопоставлении с соответствующими сочетаниями без модификатора *один*.

Таблица 3

Количественное распределение предлогов *в* и *за* в сочетаниях с именными группами, содержащими определение *один*, в XX в.

Существительное	<i>в</i>		<i>за</i>		Доля <i>в</i>	
	<i>один</i>	без определения	<i>один</i>	без определения	<i>один</i>	без определения
<i>миг</i>	62	15	1	5	0,98	0,75
<i>секунда</i>	19	43	6	23	0,76	0,65
<i>минута</i>	28	42	12	26	0,70	0,65
<i>час</i>	14	22	15	75	0,48	0,22
<i>день</i>	46	18	45	55	0,50	0,22
<i>сутки</i>	10	9	10	39	0,50	0,24
<i>неделя</i>	10	35	17	62	0,37	0,36
<i>месяц</i>	9	22	22	42	0,29	0,36
<i>год</i>	37	22	34	62	0,52	0,34
<i>утро</i>	1	0	4	1	0,20	0
<i>вечер</i>	5	0	12	8	0,41	0
<i>ночь</i>	25	1	17	37	0,59	0

Из таблицы видно, что при добавлении модификатора *один* доля вхождений с предлогом *в* в каждом случае (за исключением распределения для лексемы *месяц*) увеличивалась относительно той, которая была определена для сочетаний с существительным без атрибута. На этом основании можно предположить, что появление определения *один* является фактором, способствующим выбору предлога *в*:

- (25) Собственно, все дела можно было кончить *в один день* (В. Беловусова. По субботам не стреляю (2000));
- (26) Шпалы часто клали без насыпи, прямо на мерзлоту, а где и была насыпь — совсем хилая, вода ее не то что за десять — *в один год* размывала (В. Шаров. Воскрешение Лазаря (1997—2002)).

Предложение (26) в этом отношении особенно показательное: противопоставление *за десять* (лет) — *в один год* эксплицирует контраст между выражением длительного периода с предлогом *за*, с одной стороны, и выражением неожиданно короткого, ограниченного времени с предлогом *в* —

с другой. Кроме того, примечательно, что наличие дополнительного определения в виде слова *один* облегчает образование обстоятельственных конструкций с предлогом *в* и терминами циклических временных промежутков:

- (27) <...> я согласился выполнить изучение бассейна *в одно лето* (В. А. Обручев. Мои путешествия по Сибири (1948)).

Сохранение предлога *в* в обстоятельствах срока в случае добавления модификатора с ограничительным значением *один* позволяет рассматривать такого рода уточнение в качестве отдельного параметра, влияющего на распределение предлогов *в* и *за*. В целом можно сделать вывод о большей свойственности предлога *в* таким контекстам, где именные группы обнаруживают так или иначе выраженную лимитирующую характеристику (краткость, ограниченность), в то время как *за* тяготеет к сочетаниям, обнаруживающим свойство длительности.

3.4. Неопределенные временные промежутки

Существительные *время* и *срок* используются для описания широкого спектра временных отрезков — как достаточно длительных, так и предельно кратких. В связи с этим в корпусных запросах необходимо использовать формулу, предполагающую наличие вариативного модификатора внутри ИГ в позиции между предлогом и существительным — «*в/за* + X + *время/срок*». Данные о распределении предлогов в рассматриваемом контексте XVIII–XX вв. (см. Таблицу 4) на первый взгляд обнаруживают закономерность, противоречащую той, что была описана ранее: несмотря на появление в XX в. обстоятельств срока с предлогом *за*, использование предлога *в* в таких сочетаниях остается более частотной стратегией. Фактором, объясняющим такой характер распределения, оказывается семантика определения, которым в большинстве примеров оказывается одно из слов с общей семой ‘краткий’: *короткий/краткий/кратчайший*.

Таблица 4

Количественное распределение предлогов *в* и *за* в сочетаниях с существительными, обозначающими единицы измерения времени, в XVIII–XX вв.

Существительное	XVIII			XIX			XX		
	<i>в</i>	<i>за</i>	Доля <i>в</i>	<i>в</i>	<i>за</i>	Доля <i>в</i>	<i>в</i>	<i>за</i>	Доля <i>в</i>
<i>время</i>	13	0	1	35	0	1	31	17	0,64
<i>срок</i>	0	0	—	6	0	1	77	23	0,77

Так, на примеры с прилагательным *короткий* и его синонимами приходится большая часть всех контекстов с существительными *время* и *срок* ($\approx 97\%$ для сочетаний со словом *время*, $\approx 88\%$ — со словом *срок*):

- (28) И нужное количество подписей они собирали *в короткое время* (С. Романов. Парламент (2000));
- (29) Они накапливали веками опыт вождения своих судов, постичь который *за короткое время* мы, естественно, не могли (В. Георги. Беломорская петля // «Вокруг света», 1989);
- (30) Вы спрашиваете меня: можно ли написать рассказ *в короткий срок*? (И. Э. Бабель. Воспоминания, портреты, статьи (1920–1928));
- (31) Пользуясь этим аппаратом, всю работу по определению напряженности конструкции может *за короткий срок* выполнить один человек (Ю. Александров. 1500 московских новинок // «Техника — молодежи», 1974).

Исходя из приведенных выше примеров и данных Таблицы 4, можно сказать, что в обстоятельственных конструкциях срока, содержащих определение со значением краткости (*короткий, краткий* и т. д.), употребление предлога *в* оказывается более предпочтительным не только в старой, но и в современной норме. Вместе с тем сочетания «*в* + X + *время/срок*» способны описывать и длительные временные промежутки, хотя такие конструкции встречаются ощутимо реже (только два вхождения на весь рассмотренный конкорданс НКРЯ):

- (32) Дорог для нищего мешец медниц, собранный им *в продолжительное время* с трудом и утомлением (епископ Игнатий (Брянчанинов). О прелести (1846));
- (33) <...> сколько лет эллинские философы собирали и составляли греческую грамоту и едва составили её многими трудами *в продолжительное время* <...> (Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. (XI–XV вв.) (1938)).

В противоположность *в*, предлог *за* не обнаруживает в рассматриваемом контексте ожидаемого лексического окружения — то есть довольно редко оформляет ИГ с модификаторами типа *длинный, длительный*. В НКРЯ встретился единственный пример, где конструкция «*за* + X + *время/срок*» используется для описания длительного срока при глаголе с комплетивным значением:

- (34) Возможно, это молодой источник, а промоина формируется, как и в случае земных горных рек, *за длительное время* (Л. Ксанфомалити. Горные потоки и бассейны на Марсе // «Наука и жизнь», 2009).

Для проверки приемлемости сочетаний *в/за длительное(ый)/долгое(ий) время/срок* и определения наиболее предпочтительного в соответствующем контексте предлога можно обратиться к материалам более объемного, чем НКРЯ, корпуса — Генерального Интернет-корпуса русского языка (далее — ГИКРЯ), учитывая при этом два ограничения: 1) невозможность получить сопоставимые данные для системы XVIII–XX вв. и 2) большое количество

контекстов, содержащих обстоятельства другой семантики с предлогом *за* (например, *впервые за долгое время* и т. п.), — за счет чего сильно возрастает число вхождений с *за*, но не с *в* (ср. большое количество примеров с *за* при модификаторе *короткий* в таблице и на рисунке ниже). Результаты этого исследования (без ручной фильтрации) приведены в Таблице 5.

Таблица 5

Распределение предлогов *в* и *за* в контекстах *долгое/длительное время* в современном языке (ГИКРЯ)

ИГ	<i>в</i>	<i>за</i>	Доля <i>в</i>
<i>долгое время</i>	47	18534	0,002
<i>длительное время</i>	11	455	0,023
всего	58	18989	0,003
<i>короткое время</i>	1471	9452	0,134
<i>долгий срок</i>	7	196	0,034
<i>длительный срок</i>	9	107	0,077
всего	16	303	0,050
<i>короткий срок</i>	3721	6187	0,375

Рисунок 2 ниже графически иллюстрирует данные, отраженные в Таблице 5.

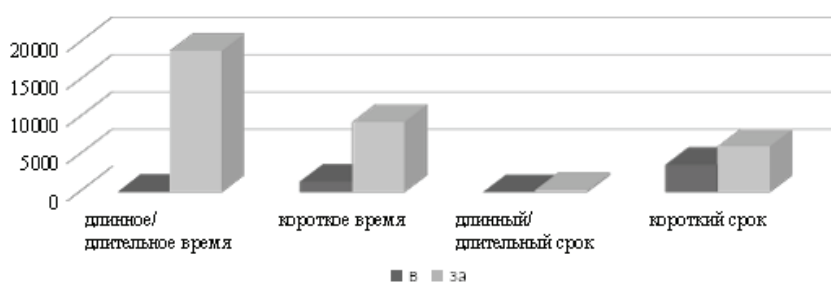

Рис. 2. Распределение предлогов *в* и *за* в контекстах *долгое(ий)/длительное(ый) время/срок* в современной языковой системе

Рисунок 2 наглядно демонстрирует закономерность, обсуждаемую в настоящей статье: в контекстах, где временной отрезок оценивается как длительный, доля употреблений с предлогом *в* ниже, чем доля употреблений с *за*. В конструкциях, где временной промежуток получает определение с семой «короткий», доля вхождений с *в* ожидаемо увеличивается.

Кроме того, семантические характеристики существительного *срок* позволяют ему, в отличие от существительного *время*, сочетаясь с некоторыми уточняющими модификаторами, описывать не только абстрактные, но и вполне конкретные по длительности временные промежутки (ср. *недельный срок* и *недельное время*). В 13-ти из 14 примеров, найденных в НКРЯ, отрезки, заданные определениями типа *n-дневный срок*, *n-месячный срок*, *годовой срок* и т. п., оформляются с помощью предлога *в*, хотя для длительных периодов ожидается появление его конкурента — предлога *за*:

- (35) Под руководством двух итальянских инженеров Батиста Плато и Проперцио Бароччи меньше чем *в годичный срок* был построен постоянный деревянный мост на свайных устоях и быках (А. Н. Крылов. О взрывах и взрывчатых веществах (1936));
- (36) Коллектив все же считал возможным поставить сложнейшую пьесу Горького *в двухмесячный срок* (Б. Григорьев. Декада театральной самодеятельности // «Красный деревообделочник», 1938.01.04);
- (37) Первая каменная Десятинная церковь была закончена *в семилетний срок* (...) (С. А. Еремеева. Лекции по русскому искусству (2000));
- (38) Надо сделать три тысячи фигур и к тому же очень скоро: *за недельный срок* (С. Вишенков. Испытатели (1947)).

В Таблице 6 показаны данные ГИКРЯ по запросу «*в/за* + X + *срок*», где X — одно из указанных в таблице определений.

Таблица 6

Распределение предлогов *в* и *за* в конструкциях, содержащих ИГ с существительным *срок* и дополнительным определением, в современном языке

ИГ	<i>в</i>	<i>за</i>	Доля <i>в</i>
<i>n-дневный срок</i>	15	1	0,93
<i>недельный/n-недельный срок</i>	10	0	1
<i>месячный/n-месячный срок</i>	9	0	1
<i>годовой/годовой срок</i>	6	3	0,66
<i>n-летний срок</i>	5	0	1

Из данных Таблицы 6 видно, что именные группы, образованные существительным *срок* и определением, указывающим на значительную длительность данного временного промежутка, часто употребляются с предлогом *в* в современном языке. Таким образом, с одной стороны, возникает не ожидаемое для современной системы приоритетное использование предлога *в* для обозначения протяженных периодов (больших, чем *секунда*, *минута*), а с другой — заметна некоторая незаконченность «адаптации» предлога *за* как оператора адвербиальной функции срока.

3.5. Идиоматические выражения

Представляется, что предлог *в* имеет свойство закрепляться в устойчивых конструкциях, по своим свойствам близких к идиомам. Например, такие сочетания, как *в рекордный срок/сроки* и *в сжатые сроки*, насколько можно судить по корпусным данным, демонстрируют слабую степень сочетаемости с предлогом *за*. Так, НКРЯ фиксирует только один случай использования конструкции *за рекордный срок* в XX в:

- (39) Конвейер и помог управиться со всеми восстановительными работами *за рекордный срок* — 10 месяцев (Ю. Юша. Фабрика на конвейере // «Техника — молодежи», 1974).

Напротив, подобные конструкции с *в* гораздо более частотны:

- (40) Опыт истории говорит, что организация армии требует многих лет труда и усилий целых поколений, но советская власть решила эту задачу *в сжатые сроки* (И. И. Минц. Великая Отечественная война Советского Союза (1947));
- (41) Каркас был спроектирован *в рекордный срок* — 3 недели (П. Н. Львов. Как делалась статуя (1937)).

Проверка частотности встречаемости рассматриваемых конструкций с *в* или с *за* в основном подкорпусе НКРЯ (см. Таблицу 7) подтверждает выводы о том, что в сочетаниях с частично идиоматизированными ИГ *рекордный/сжатый срок* выбор предлога *в* является предпочтительным.

Таблица 7

Распределение предлогов *в* и *за* в конструкциях, содержащих ИГ *сжатый/рекордный срок*, в современном языке сети Интернет

ИГ	<i>в</i>	<i>за</i>	Доля <i>в</i>
<i>рекордный срок</i>	63	1	0,984
<i>сжатый срок</i>	78	0	1

Принимая во внимание сказанное в этом разделе, можно предположить, что обстоятельства срока, содержащие существительные со значением промежутка времени без четко определенных временных границ, в современном русском языке в большинстве случаев продолжают использовать предлог *в*, несмотря на наличие очевидной тенденции к распространению в этой функции *за*. Особенно убедительно выглядят примеры (42)–(43), иллюстрирующие, насколько переход к маркированию с *за* в одних контекстах является более продуктивным, чем в других: в ситуации соседства двух обстоятельств срока, образованных на основе различных существительных (входящих соответственно в группы неопределенных промежутков и конкретных единиц измерения времени), выбор маркера отражает обнаруженные нами тенденции:

- (42) *В короткие сроки, за один-два месяца* (Е. Акимова. Московский митькополитен (1997) // «Столица», 1997.06.10);
- (43) Я рассказал, что мы предлагаем взять за основу бортовые системы «Союза», (...) и *в короткие сроки, примерно за год*, создать орбитальную станцию (К. Феоктистов. Траектория жизни (2000)).

Примеров, где бы дистрибуция отражала обратный принцип, т. е. для введения неопределенного отрезка использовался бы предлог *за*, а для конкретизации его продолжительности посредством перевода в язык единиц измерения — *в*, обнаружено не было.

3.6. Метафорические сочетания

Кроме сочетаний с существительными, обладающими собственно темпоральным значением, стоит обратить внимание и на такие обстоятельственные конструкции, которые отсылают к временному значению не прямую, а посредством референции к разного рода ситуациям или явлениям, поддающимся интерпретации в качестве меры времени. В Таблице 8 представлены данные по количеству метафорических сочетаний с тем или иным предлогом в разные исторические периоды. Несмотря на то, что для настоящего сюжета количественные соотношения не представляют первостепенной важности, они тем не менее помогают обозначить основные направления в изменении маркирования обстоятельств срока. С одной стороны, как и во всех рассмотренных ранее группах, заметно увеличение количества вхождений с предлогом *за* в примерах XX в., с другой — очевидно, что конструкции с *в* также не теряют частотности, количественно превосходя *за* даже в современных текстах.

Таблица 8

Встречаемость нетипичных сочетаний с обстоятельственной функцией в XVIII–XX вв.

Рассматриваемый период	<i>в</i>	<i>за</i>	Доля <i>в</i>
XVIII	1	0	1
XIX	18	0	1
XX	11	9	0,55

Вместе с тем попытка трактовать такое распределение в пользу повышенной сочетаемости предлога *в* с данным типом контекстов при детальном рассмотрении полученных примеров оказывается необоснованной. Самыми частотными являются ИГ, включающие существительные с общим значением «преодоление расстояния» (*переход, рейс*, а также *плавание, ходка*) и термины, используемые для обозначения времени учебной деятельности (*класс, сеанс, урок*), хотя большинство обнаруженных соче-

таний слабо поддаются категоризации и объединению в группы согласно семантическим свойствам. Примеры (44)–(52) дают основания полагать, что сочетания с *в* в контекстах с метонимическими показателями срока хотя и являются частотными в корпусе, их приходится признать уходящими на периферию современной нормы; использование предлога *за* в такого вида контекстах представляется более нейтральным.

- (44) <...> он *в одну конференцию* заключил с дворничихой следующий свободный трактат <...> (Ф. В. Ростопчин. Ох, французы! (1812));
- (45) *В одно посещение* он успел сделаться домашним человеком, несмотря на свою застенчивость (Р. М. Зотов. Два брата, или Москва в 1812 году. Ч. I (1850));
- (46) Вот коли туда пошлют, да он в гости к себе позовет! — Меня он *в один глоток* съест! — отзывается карлица Полька (М. Е. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина. Житие Никанора Затрапезного, пошехонского дворянина (1887–1889));
- (47) Уничтожьте у нас общину, и народ тотчас же будет у нас развращен *в одно поколение и в одно поколение* доставит собой матерьял для проповеди социализму и коммунизму (Ф. М. Достоевский. Записные книжки (1850–1881));
- (48) Он бы мог, однако, присоединить их к своей империи, и *в одно царствование* он бы расширил Россию от Ботнического залива до устьев Дуная (Л. Н. Толстой. Война и мир. Том третий (1867–1869));
- (49) *В один класс* мы поняли его и свободно могли изъясняться на нем (Г. Ф. Квитка-Основьяненко. Пан Халявский (1839));
- (50) И за множеством жертвователей — целые книги имен, — их не только *в одну литургию*, в неделю не прочесть! (Ф. Д. Крюков. Жажда // «Русское Богатство», 1908);
- (51) То, что полагается узнавать всю жизнь, *за один урок* не узнать (Булат Окуджава. Новенький как с иголочки (1962));
- (52) <...> у него было два взрослых сына, которые жили дома, и Быков собирался их женить *за один стол*⁷ (С. Т. Семенов. Односельцы (1917)).

Специфичность рассматриваемых контекстов существенно ограничивает возможность конструирования широких обобщений. Однако сама по себе динамика изменений, полностью согласующаяся с выявленными ранее тенденциями (увеличение числа вхождений с *за* на границе XIX–XX вв.), свидетельствует о движении если не к вытеснению *в*, то, по крайней мере, к установлению отношений относительно свободного (при игнорировании стилистической компоненты) варьирования между предлогами-конкурентами.

⁷ Очевидно, выражение следует понимать, как «женить за одно застолье», т. е. обойтись одним праздником и не накрывать праздничный стол несколько раз.

Особый интерес представляет характер конкуренции предлогов *в* и *за* внутри фразеологизованных единиц типа *в один прием* / *за один прием* и *в один присест* / *за один присест*, которые, судя по примерам, обнаруживаемым в НКРЯ, уже на сравнительно ранних этапах (XIX в.) демонстрируют достаточную степень вариативности, фиксирующейся во многих словарях [Федосов, Липницкий 2003]. В Таблице 9 приводится распределение предлогов-конкурентов внутри фразеологического сочетания *в/за один присест* в языке XIX–XX вв.

Таблица 9

**Распределение предлогов *в* и *за*
внутри фразеологического сочетания *в/за один присест***

Рассматриваемый период	<i>в</i>	<i>за</i>	Доля <i>в</i>
XIX	17	7	0,70
XX	39	13	0,75

Чтобы говорить о том, какой способ оформления является более предпочтительным для современных носителей, распределение предлогов *в* и *за* в конструкциях с фразеологическими сочетаниями *один прием*, *один присест* было проанализировано на объемном материале ГИКРЯ. Полученные данные представлены в Таблице 10.

Таблица 10

**Использование предлога *в* в конструкциях
в/за один прием, *в/за один присест***

ИГ	<i>в</i>	<i>за</i>	Доля <i>в</i>
<i>один прием</i>	932	1186	0,44
<i>один присест</i>	2862	3101	0,48

Данные Таблицы 10 согласуются с ранее заявленным тезисом о «торможении» экспансии *за* в устойчивых сочетаниях: распределение в обоих случаях является практически равным с незначительным перевесом в сторону сочетаний с *за*.

3.7. Обобщение полученных результатов

В результате проведенного корпусного исследования удалось установить тенденции в изменении характера маркирования обстоятельств срока с предлогами *в* и *за* в русском языке последних трех столетий. Таблица 11 кратко суммирует полученные результаты.

Таблица 11

Обобщение полученных результатов

Тип зависимой ИГ	XVIII–XIX	XX
Единицы измерения времени	<i>в</i>	<i>в</i> — в сочетаниях с существительными, обозначающими краткие временные промежутки; <i>за</i> — в сочетаниях с существительными, обозначающими длинные временные промежутки
Циклические временные промежутки	сочетания с <i>в</i> — маргинальны	<i>за</i>
Неопределенные временные промежутки	<i>в</i>	преимущественно <i>в</i>
Метонимические употребления	внесистемные употребления; соблюдается общая тенденция к появлению большего количества примеров с <i>за</i> в современной норме	
Идиоматические сочетания	сохранение существенной доли сочетаний с <i>в</i> , свободное варьирование	

4. Обоснование предрасположенности предлогов *в* и *за* к сочетаниям с определенными типами временных промежутков через метафору «Time is Space»

Как уже упоминалось в начале статьи, М. Хаспельмат полагает, что для обстоятельственной функции срока типологически наиболее характерно использование предлога, который в сфере пространственной ориентации задает отношения нахождения внутри (в случае русского языка — предлог *в*). Применение ключевой для данной параллели метафоры — представление предельных промежутков времени в виде контейнеров — автор объясняет следующим образом: «Данная функция [обстоятельства срока. — Н. Л.] используется для указания на границы, внутри которых происходят предельные, т. е. ограниченные события, и пространственная функция нахождения внутри оказывается наиболее близким аналогом к этому концепту, поскольку она указывает на границы вокруг вложенного объекта»⁸. Основываясь на наблюдениях над распределением русских предлогов *в* и *за*, сделанных в настоящей статье, можно предположить, что привлекаемое М. Хаспельматом сравнение было справедливо для русского языка XVIII–

⁸ «This function is employed to specify the boundaries within which a telic, i. e. bounded, event falls, and the spatial interior function happens to be the closest spatial analog of this notion in that it also specifies the outer boundaries of the located object» [Haspelmath 1997: 131].

XIX вв., однако не является точным для описания нынешней системы. Вместе с тем данная метафора может быть применена в том числе для объяснения и факта сохранения в русском языке предлога *в* в сочетаниях преимущественно с обозначениями кратких временных промежутков и его замены на предлог *за* в сочетаниях с лексемами, обозначающими более длительные временные интервалы.

Обратим внимание на следующий факт. Для передачи значения «нахождение внутри» русский язык в действительности использует синтаксическую структуру, отличную от той, которая характерна для обстоятельств срока. В этих конструкциях предлог *в* управляет разными падежами — аккузативом в случае с обстоятельством времени (*справиться с заданием в минуту*_{ACC}) и локативом в случае с обстоятельством места (*лежать в коробке*_{LOC}). При этом модель «*в* + ИГ_{ACC}», иллюстрируемая обстоятельствами срока, при выражении пространственной ориентации используется для кодирования отношений движения/помещения внутрь: *лежать в коробке*_{LOC}, но *положить в коробку*_{ACC}. Особенно значимым семантическим компонентом, привносимым аккузативным характером управления, следует признать актуализируемую таким образом идею помещения некоторого объекта в ограниченное пространство. Чем меньше имеющееся пространство, тем больше необходимость уместить внутри него некоторую целую ситуацию. Этим фактом объясняется наблюдаемая градация в частотности использования предлога *в*: от кратких временных отрезков, где необходимость вмещения оказывается значительной и где характерная синтаксическая структура (*в* + ИГ_{ACC}), как следствие, встречается чаще, — к продолжительным промежуткам, где когнитивное намерение «уместить» ситуацию в ограниченное время логическим образом ослабевает.

Склонность русского предлога *в* сочетаться с лексемами, называющими скорее короткие, чем длительные промежутки, имеет типологические параллели. Так, в работе [Declerck, Cappelle 2004: 12] рассматриваются английские конструкции типа «*in* + ИГ_{temp}» (*drink ten glasses of beer in one hour* ‘выпить десять бокалов пива за час’), а также «*for* + ИГ_{temp}» (*drink beer for one hour* ‘пить пиво час {но так и не допить}’). По мнению авторов, конструкции типа *for more than a week* ‘в течение периода большего, чем неделя’ являются гораздо более естественными и частотными, чем *for less than a week* ‘в течение периода меньшего, чем неделя’, в то время как *in less than a week* ‘за время меньшее, чем неделя’ является более частотным выражением, чем аналогичная конструкция *in more than a week* ‘за время, большее, чем неделя’. Подобные замечания напрямую соотносятся со сделанными в данной работе выводами о распределении русских предлогов *в* и *за*: Р. Деклерк и Б. Капелле полагают, что обстоятельства типа «*for X time*» (обстоятельства неопределенной продолжительности в терминологии М. Хаспельмата) ‘в течение времени X’ оказываются связаны с периодами времени более продолжительными, чем могло бы ожидаться, а обстоятельства «*in X time*» ‘за время X’ подразумевают временные отрезки с продол-

жительностью меньше, чем ожидается. Так, например, в предложении типа *I walked to school **for an hour** this morning because I was hampered by a strong wind blowing in my face* ‘Сегодня утром я шел в школу в течение (целого) часа, потому что мне препятствовал сильный ветер, дующий мне в лицо’ за счет обстоятельства вида «for X time» подчеркивается, что действие (предельное, несмотря на употребление обстоятельства, свойственного непредельным глагольным группам) заняло у субъекта больше времени, чем обычно, — замена на предлог *in* в данном случае представляется невозможной. Очевидно, что сходная мотивация лежит в основе выявленных закономерностей в дистрибуции русских предлогов: *в* сохраняется в сочетаниях с временными интервалами, обладающими признаком краткости, в то время как обстоятельства с ИГ, выражающими продолжительные временные интервалы, предпочитают предлог *за*.

Тем не менее все сказанное, по-видимому, не объясняет причин постепенной экспансии в конструкциях обстоятельств срока именно предлога *за*. Для модели «*за* + ИГ_{Асс}» со значением срока, как кажется, не существует очевидного аналога в сфере пространственных отношений: семантика обстоятельств места со схемой управления «*за* + ИГ_{Асс}» (*зайти за дом*_{Асс}, *быть за километр*_{Асс} *от дома*) плохо соотносится с семантикой обстоятельств срока. Следовательно, обретение предлогом *за* способности указывать на срок совершения предельного действия не мотивировано его значением в домене пространственной ориентации. Между тем конструкции со значением срока — не единственные обстоятельственные конструкции времени, которые используют предлог *за*. Особого внимания в связи с настоящим обсуждением заслуживают примеры типа (53):

- (53) *За год* утечёт много воды, многое изменится, Вадим Павлович скоро уедет, и эта блажь у Дины пройдёт (А. Рыбаков. Тяжелый песок (1975–1977)).

Обстоятельство в (53) очевидным образом отличается от обстоятельств срока, которые обсуждались выше. Так, *за год* в (53) выражает некоторый условный период, в течение которого может совершаться или не совершаться одно или более действий; эти действия, во-первых, не обязательно придут к своей финальной точке, а во-вторых, не равномерно распределены на данном временном промежутке. Адвербиальное значение, выражаемое предлогом *за* в примере (53) сходно со значением производного предлога *в течение*: **В течение года** утечет много воды, многое изменится... Таким образом, функцию обстоятельства с предлогом *за* в предложении (53) можно охарактеризовать как функцию **временной рамки**. Обстоятельства с этим значением, как правило, являются темой высказывания, поэтому располагаются в начале сообщения, в то время как обстоятельства срока в силу своей семантики обычно рематичны. Но в некоторых случаях однозначно определить, какое именно значение представлено в конкретном примере, может быть затруднительно, как в предложении (54):

(54) *За день* все стало зеленое (М. М. Пришвин. Дневники (1921)).

Предикат *становиться зеленым*, в том его значении, которое представлено в примере (54), очевидно, не является классическим предельным предикатом (*стать зеленым до конца*, *стать зеленым полностью*). Однако употребление местоимения *все* придает этой ситуации терминативный характер. В данном примере обстоятельство *за день* можно интерпретировать и как обстоятельство со значением временной рамки ('в течение дня все зеленело и (неожиданно) стало зеленым'), и как обстоятельство срока ('все должно было стать зеленым, и полностью стало зеленым за день'). Обстоятельствам со значением временной рамки ожидаемым образом свойственно обозначать достаточно длительные временные интервалы (ср. количество вхождений в НКРЯ для сочетания *в течение секунды* — 23, *в течение года* — 1455). Таким образом, свойство предлога *за* сочетаться с ИГ, выражающими продолжительные временные промежутки, может до некоторой степени объясняться его преимущественным использованием именно с такими ИГ в адвербиалах временной рамки. При этом неразрешенным остается вопрос о том, существует ли диахроническая связь в развитии конструкций со значением срока и конструкций со значением временной рамки, а также связано ли развитие у предлога *за* функций обстоятельства срока и временной рамки с исчезновением у данного предлога функции обозначения предшествования на интервал, упоминавшийся в начале настоящей статьи (*сказала, чего за секунду {до этого} не думала*) (см. подробнее [Сай 2010])). Изучение этих вопросов исключительно на материале НКРЯ невозможно в первую очередь по причине ограниченности текстов в подкорпусе XVIII в. Работа над этой проблемой может быть продолжена на материале более обширной коллекции разножанровых текстов, принадлежащих разным диахроническим этапам.

4. Выводы

В результате представленного в настоящей статье исследования удалось установить, что даже при сравнении относительно близких временных периодов (три столетия с XVIII по XX в.) в русском языке прослеживается тенденция к изменению состава предложно-падежных конструкций, оформляющих адвербиальную функцию срока. В процессе диахронического развития у существительных и именных групп, имеющих значение промежутка времени, предрасположенность к сочетаниям с предлогом *в* в большинстве случаев постепенно ослабевала, а способность сочетаться с предлогом *за*, наоборот, становилась все более продуктивной. Данная тенденция привела к трансформации русских обстоятельств срока, проявившейся в постепенном вытеснении более раннего в данной функции предлога *в* и его заменой на предлог-конкурент *за* в значительной части текстов. При этом наблюдаемая перестройка имела несимметричный

характер: при практически полном сохранении предлога *в* в одном типе сочетаний существуют такие контексты, где употребление указанного показателя представляется по крайней мере стилистически маркированным в современной языковой системе. Таким образом, удалось определить, что между дистрибутивными особенностями предлогов *в* и *за* в русском языке XX—XXI вв. и семантическими свойствами существительных со значением временного промежутка существует зависимость, не наблюдавшаяся на предшествующих этапах развития языка и заключающаяся в том, что выбор предлога обуславливается такими параметрами временного отрезка, как краткость/длительность и степень определенности границ.

Л и т е р а т у р а

Горбова 2017 — Е. В. Горбова. Грамматическая категория аспекта и контекст. На материале испанского и русского языков. СПб., 2017.

Падучева 2011 — Е. В. Падучева. Семантические исследования: семантика времени и вида в русском языке; семантика нарратива. 2-е изд. М., 2011.

Сай 2010 — С. С. Сай. Динамика развития обстоятельств времени со значением предшествования на интервал в русском языке // *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН* Т. VI. Ч. 2. СПб., 2010. С. 131–183.

САР — Словарь Академии Российской. Санкт-Петербург: Императорская Академия Наук, 1792.

СРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 7. Древо — Залежь / Под ред. Ю. С. Сорокина. Л., 1984.

Татевосов 2005 — С. Г. Татевосов. Акциональность: типология и теория // *Вопросы языкознания*. 2005. № 1. С. 108–141.

Татевосов 2010 — С. Г. Татевосов. Акциональность в лексике и грамматике. Дисс. ... док. филол. наук. М., 2010.

Федосов, Липницкий 2003 — И. В. Федосов, А. Н. Липницкий. Фразеологический словарь русского языка. М., 2003.

Declerck, Capelle 2004 — R. Declerck, B. Capelle. (A)telicity and (un)boundedness: Ten complications of the 'in/for X time' test. Unpublished manuscript. 2004.

Haspelmath 1997 — M. Haspelmath. From Space to Time. Temporal Adverbials in the World's Languages. München-Newcastle, 1997.

Neset 2013 — T. Neset. How Russian Became Typologically Unusual: The History of Russian Temporal Adverbials with *v* 'in(to)' // *Scando-Slavica*. 2013. Vol. 59 (1). P. 32–57.

Neset, Makarova 2013 — T. Neset, A. Makarova. Space-time asymmetries: Russian *v* 'in(to)' and the North Slavic Temporal Adverbial Continuum // *Russian Linguistics*. 2013. Vol. 37 (3). P. 317–345.

Vendler 1957 — Z. Vendler. Verbs and Times // *The Philosophical Review*. 1957. Vol. 66 (2). P. 143–160.

Статья получена 31.07.2018

NATALIA N. LOGVINOVA

National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg branch
(Russia, St. Petersburg)
nnlogvinova@edu.hse.ru

DISTRIBUTION OF RUSSIAN TELIC-EXTENT ADVERBIALS WITH THE PREPOSITIONS *В* AND *ЗА* IN THE 18–20TH CENTURIES

This article analyzes diachronic and synchronous aspects of distribution of the prepositions *в* ‘in’ and *за* ‘during’ in the Russian telic-extent adverbials in the 18–20th centuries. After discussing main tendencies in the distribution of the prepositions in combination with various semantic types of noun phrases with the meaning ‘time interval’, the conclusion is drawn that, while in the 18–19th centuries constructions with *в* prevailed, modern usage shows greater prevalence of *за*. In addition, the work suggests, on the basis of the linguistic metaphor “space–time”, possible grounds for emergent tendencies of the discussed prepositions to combine with lexical contexts of particular types.

Keywords: prepositions, adverbials, corpus linguistics, aspectuality, metaphor.

References

- Declerck, R., & Cappelle, B. (2004). *(A)telicity and (un)boundedness: ten complications of the 'in/for X time' test* (unpublished manuscript).
- Fedosov, I. V., & Lipnitskiy, A. N. (2003). *Frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka*. Moscow: Yunves.
- Gorbova, E. V. (2017). *Grammaticheskaya kategoriya aspekta i kontekst. Na materiale ispanskogo i russkogo yazykov*. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo SPbGU.
- Haspelmath, M. (1997). *From space to time. Temporal adverbials in the world's languages*. München; Newcastle: Lincom Europa.
- Neset, T. (2013). How Russian became typologically unusual: the history of Russian temporal adverbials with *в* ‘in(to)’. *Scando-Slavica*, 59(1), P. 32–57.
- Neset, T., & Makarova, A. (2013). Space-time asymmetries: Russian *в* ‘in(to)’ and the North Slavic Temporal Adverbial Continuum. *Russian Linguistics*, 37(3), 317–345.
- Paducheva, E. V. (2011). *Semanticheskie issledovaniya: semantika vremeni i vida v russkom yazyke; semantika narrativa* (2nd ed.). Moscow : Yazyki slavyanskoy kul'tury.
- Say, S. S. (2010). Dinamika razvitiya obshcheyatel'stv vremeni so znacheniem predshestvovaniya na interval v russkom yazyke. *Acta linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN*, 4(2), 131–183.
- Slovar' Akademii Rossiyskoy* (1792). Sankt-Peterburg: Imperatorskaya Akademiya Nauk.
- Sorokina, Yu. S. (Ed.). (1984). *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* (Vol. 7). Lenin-grad: Nauka.
- Tatevosov, S. G. (2005). Aktsional'nost': tipologiya i teoriya. *Voprosy jazykoznanija*, 1, 108–141.
- Tatevosov, S. G. (2010). *Aktsional'nost' v leksike i grammatike* (habilitation dissertation). Moscow State University, Moscow, Russia.
- Vendler, Z. (1957). Verbs and Times. *The Philosophical Review*, 66(2), 143–160.

Received on 31.07.2018

Хроника 50-х Виноградовских чтений в МГУ

16 января 2019 г. на филологическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова состоялись 50-е чтения, посвященные памяти академика В. В. Виноградова. Тема чтений 2019 г. — «Грамматика и поэтика образа автора (Уроки Виноградова)». Эта тема объединила лингвистов и литературоведов, представителей разных школ и направлений. Программу чтений открыл доклад **Е. В. Падучевой** (ВЦ ФИЦ ИУ РАН) «В. В. Виноградов и лингвистика нарратива», в котором было показано значение трудов академика В. В. Виноградова для современной лингвистики нарратива. Е. В. Падучева обратилась к обсуждению начала повести А. С. Пушкина «Пиковая дама», третьеличному и перволичному (в ранних набросках) вариантам, и связала интерпретацию этого фрагмента (*Однажды играли в карты у конногвардейца Нарумова...*) с проблемой эгоцентрических средств русского языка и делением эгоцентриков на первичные (жесткие) и вторичные (мягкие). Посредством вторичных эгоцентрических элементов в условиях третьеличного нарратива автор художественного текста либо помещает свою точку зрения рядом с героем (соприсутствующий повествователь), либо передает часть своих функций герою, превращая повествование в свободный косвенный дискурс.

Ю. Б. Орлицкий (РГГУ) в докладе «Автор в заглавии русской поэтической книги XVIII–XXI вв.» рассмотрел связь заглавия с литературной традицией и автором; отношение автора к заглавию; проследил эволюцию заглавий поэтических сборников от XVIII до XXI в. как в структурном аспекте, так и в семанти-

ко-поэтическом. В структурном плане были показаны варианты соотношения в заглавии собственно названия произведения и имени автора: соединение в одной объемной конструкции обеих частей и использование предлогов *через* и *от* для введения имени автора, разделение этих частей на разные фрагменты с преимущественным использованием для имени автора именительного падежа и формирование современной традиции называния сборников. В своем докладе Ю. Б. Орлицкий использовал материалы подготавливаемого им совместно с коллективом авторов словаря заглавий русских литературных произведений.

Н. Г. Мельников (МГУ) в докладе «Внутренний монолог и поток сознания как типы повествования» соединил общетеоретические и историко-литературные проблемы, предложил уточнения к нарративной типологии и способы разграничения понятий «внутренний монолог» и «поток сознания». Докладчик проследил историю термина «поток сознания»: будучи заимствованным из психологии, этот термин употреблялся критиками и литературоведами метафорически, часто в нескольких значениях: как прием психологизма и «крайняя степень внутреннего монолога», как жанр или особое межродовое образование, как «творческий принцип» и «метод изображения жизни», как «техника повествования» и как «особый вид нарративного дискурса». Анализ текста позволил автору доклада сделать вывод, что «поток сознания» является особым типом повествования. Если во «внутреннем монологе» мысли и переживания героя-повествователя так или иначе

упорядочены, то «поток сознания» отличается отсутствием повествователя, специфической временной организацией (размывание эпической дистанции, полифония временных планов, сопровождающаяся множественностью временных форм глагола), преобладанием ассоциативных, а не логических связей. В качестве иллюстрации были проанализированы фрагменты из произведений Л. Н. Толстого и Э. Дюжардена.

О. Г. Лазареску (МПГУ) в докладе «Литературное предисловие и его роль в субъектной организации художественного текста» рассмотрела феномен литературного предисловия. Литературное предисловие прошло длительный путь развития; оно выступало и как прямое авторское слово, призванное разъяснять, интерпретировать художественный текст, и как слово «непрямое», «под маской», переданное вымышленному автору (рассказчику, издателю и т. д.) и представляющее собой необходимый компонент структуры художественного произведения. В русской литературе Нового времени интерпретация произведения, содержащаяся в предисловии, перестала быть конструктивным принципом; новые формы отношений автора и читателя потребовали изменений в структуре и содержании предисловия. Функционирование такого предисловия оказалось обусловленным не внешними по отношению к произведению целями, а внутренними, сугубо литературными задачами, вследствие чего оригинальности каждого произведения соответствует оригинальность каждого предисловия.

В докладе **К. А. Баршта** (ИРЛИ РАН) «О свойствах пунктуации в записных тетрадах Ф. М. Достоевского: эдизционный и текстологический аспекты» были продемонстрированы методы комплексного лингвотекстологического анализа текста. В качестве примера была проанализирована фраза из подготовитель-

ных материалов к роману Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», опубликованная в 7-м томе Полного собрания сочинений в 30 т.: «Гнусно подражать народу не хочу» (реплика главного героя произведения). По мнению докладчика, в таком виде (без знаков препинания) фраза выглядит как идеологически противоречащая всем текстам писателя, включая и окончательную версию романа. Черновые записи Ф. М. Достоевского имеют иную текстологическую природу, нежели печатный текст произведения: в них могут содержаться пропуски знаков пунктуации, букв и слов, являющиеся не ошибками, а естественной частью избранного автором формата «автокоммуникации» — быстрой фиксации идей и вариантов в сокращенной мнемонической форме. В заключение докладчик предложил два варианта эмендации проанализированной фразы.

В докладе **З. Ю. Петровой** (ИРЯ РАН) «О некоторых особенностях олицетворения в поэзии И. Бродского» рассматривалась персонификация реалий основных семантических классов — «Вещи», «Время», «Тело», «Языковое творчество» — в связи с мировоззренческими константами картины мира поэта. Выявлены семантические классы олицетворяющих слов, наиболее характерных для рассматриваемого идиостиля: «Интеллект» и «Воля». Отмечено, что высокой частотой употребления характеризуются также слова делового, канцелярского стиля, которые в прямых значениях относятся к семантической области «Экономика, финансы, торговля, имущественные отношения». Отдельное внимание было уделено использованию И. Бродским грамматико-синтаксических способов олицетворения, а также оживлению стертых метафор и созданию новых путем словообразовательной деривации и сочетания предиката с наречиями и предложно-падежными формами существительных.

А. В. Циммерлинг (ИЯз РАН, ИРЯП) в докладе «Русские предикативы: грамматика, статистика, авторские эксперименты» обсуждал употребление русских предикативов в грамматическом и статистическом аспектах. Предикативы, или слова категории состояния, были объектом пристального внимания не только Л. В. Щербы, но и В. В. Виноградова, в книге «Русский язык (Грамматическое учение о слове)» (1947). Гипотеза о категории состояния Л. В. Щербы — пример анализа в терминах понятий, промежуточных между ‘чисто’ словарными и ‘чисто’ грамматическими. Русская грамматическая традиция предлагает модель лексико-грамматического описания категории состояния, построенную на презумпции, что эта категория существует как класс слов. Сегодня эта гипотеза может быть проверена посредством корпусного исследования, с помощью статистических методов. Статистика необходима для того, чтобы проверить валидность грамматических ограничений, степень их жесткости и оценить нестандартные употребления и индивидуальные авторские эксперименты. При этом, чтобы интерпретировать статистику употреблений, нужны модели грамматики.

Без анализа употреблений нельзя понять, какие лексические единицы в русском языке принадлежат категории состояния, а какие — нет. Предпринятое исследование на базе Национального корпуса русского языка показало, что многие авторы, стремясь к выразительному эффекту, создают парадоксальные коллокации с предикативами и расширяют сферу их употребления. Вместе с тем статистически значимых отклонений от грамматики предикативов нет. Основным критерием отнесенности словоформ к категории состояния докладчик считает возможность/невозможность сочетаться с Дат. п. лица и, соответственно, признает противопоставле-

ние производящих основ, от которых могут быть образованы предикативы, принимающие Дат. п. лица (*мне душно, приятно*), и основ, от которых такие предикативы не образуются (**мне пыльно, желто*).

Р. Б. Ахметшин (МГУ) в докладе «Проблема целостности повести А. П. Чехова “В овраге”» обратился к виноградовской теории образа автора в связи с проблемой художественной целостности. Докладчик рассмотрел чеховскую повесть в трех аспектах — биографии, писательской памяти и структуры повествования — и пришел к выводу, что целостность произведения А. П. Чехова создается не на уровне сюжета и повествовательной структуры, а на уровне авторской интонации и стиля.

Завершил программу доклад **В. Е. Чумириной** (МГУ) «Грамматика глагола как средство создания образа автора», в котором с опорой на статью В. В. Виноградова «Стиль “Пиковой дамы”» рассматривались приемы использования видо-временных форм глагола для обнаружения внутритекстовых точек зрения (рассказчика и персонажей). Было показано, что субъектная сфера героя маркируется посредством нетипичного использования глаголов — например, акциональных глаголов в бытийном значении, что выдвигает на первый план перцептивный модусный компонент в семантике этих глаголов и указывает на внутритекстовую позицию повествователя. В составе предложения с производными именами акциональные глаголы изменяют свою семантику и переходят в разряд неполнозначительных — фазовых и глаголов-интенсификаторов. Сформулированные докладчиком положения иллюстрировались анализом текстовых фрагментов из романа В. Набокова «Король, Дама, Валет», при этом были показаны варианты соединения нескольких точек зре-

ния в рамках одной сцены, а также изменение субъектной перспективы при переходе от одной сцены к другой.

50-е Виноградовские чтения в МГУ подтвердили актуальность общефилологической направленности научного метода В. В. Виноградова, соединившего в своих работах системно-лингвистическое описание языка и историко-литературоведческий анализ текста, стилистику языка и стилистику художественной речи, синхронию и диахронию, грамматику и лексикографию. Обращаясь к трудам академика В. В. Виноградова, современные лингвисты и литературоведы видят перспективу для решения трудных вопросов филологической науки.

Н. К. Онипенко

Институт русского языка им.
В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)

Получено 26.01.2019

**Highlights of the
50th Vinogradov Conference**

Nadezhda K. Onipenko

Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
onipenko_n@mail.ru

Received on 26.01.2019

РЕЦЕНЗИИ

DOI 10.31912/tjano-2019.1.8

**Е. А. Гришина. Русская жестикуляция
с лингвистической точки зрения (корпусные исследования). —
М.: Издательский ДОМ ЯСК: Языки славянской культуры, 2017. — 744 с.**

Книга «Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения» представляет собой результат многолетних исследований ее автора, Е. А. Гришиной, в области жестикуляции, сопровождающей русскую устную речь.

Жест — это в общем случае визуально воспринимаемое движение человеческого тела или его части (включая движения рук, головы, корпуса, мимику, направление взгляда), используемое для передачи информации. Под жестикуляцией, в отличие от других типов жестов (пантомимы, жестов-эмблем, жестовых языков глухих)¹, понимаются жесты, в обязательном порядке требующие для своей интерпретации сопровождающего речевого потока².

Интерес к жесту существовал с античности³, и в настоящее время исследования жестового поведения человека представляют собой обширную междисциплинарную научную область, объединяющую специалистов в различных сферах человеческого знания: лингвистике, коммуникации, социальной

психологии, антропологии, нейробиологии, истории, компьютерных науках и др. В 2002 г. была основана Международная научная ассоциация по изучению жеста, The International Society for Gesture Studies (ISGS)⁴; литература, посвященная различным аспектам жестового поведения человека, уже достаточно обширна⁵. Тем не менее изучение жеста — это научная область, в которой очень многое еще предстоит выяснить. В частности, в лингвистике, для кото-

⁴ Целью ISGS является объединение усилий представителей разных научных направлений, интеграция исследований жеста с изучением различных форм когнитивной, коммуникативной и социально-культурной деятельности людей. Основные проекты ассоциации включают организацию серии конференций ISGS, выпуск международного журнала «Gesture» и книжной серии «Gesture Studies», см. сайт ассоциации: <http://gesturestudies.com>.

⁵ Уже в обзоре [Kendon 1996], опубликованном в конце прошлого столетия, были представлены многочисленные работы, посвященные истории жестов, истории изучения жестов, взаимодействию речи и жеста, социально и культурно обусловленным особенностям жестового поведения человека, жестовым языкам глухих, «домашним» жестам (семейным системам жестового общения глухого ребенка со слышащими родителями), системам жестовой коммуникации, используемым слышащими в качестве альтернативы вербальной коммуникации (например, жестовый язык индейцев Великих Равнин) и др.

¹ Подробнее о типологии жестов см., например, [Kendon 1988; McNeill 1992, 2000].

² По отношению к жестикуляции в таком ее понимании используются также термины речевая жестикуляция (speech-gesticulation), жесты, синхронизированные с речью (speech-synchronized gestures), или речевые жесты (co-speech gestures), см., например, [Kendon 1980, 1988; McNeill 1992].

³ См., например, [Schmitt 1984, 1991], а также обзор в [Kendon 2004: 17—83].

рой традиционно внимание к письменной форме языка, жест долгое время оставался на периферии исследований. Ситуация стала меняться лишь в последние несколько десятилетий благодаря развитию когнитивной науки, в которой человеческий язык рассматривается в связи с другими когнитивными процессами: представлением знаний, памятью, мышлением, коммуникацией, эмоциями и др. С 1970-х гг., после появления работ Адама Кендона [Kendon 1972; 1980 и др.], одним из первых четко сформулировавшего мысль о том, что «жестикуляция настолько тесно связана с речью, что ее следует считать неотъемлемой частью высказывания»⁶, берет свое начало серьезное и систематическое обсуждение фундаментального единства устной речи и жестикуляции.

В отечественной лингвистике жестикуляция, сопровождающая устную речь, вплоть до недавнего времени не считалась достойным объектом исследования, хотя еще в статье Л. П. Якубинского «О диалогической речи» (1923) говорилось о важной роли невербальных средств коммуникации: «Мимика и жест, являясь постоянными спутниками всяких реагирований человека, оказываются постоянным и могучим сообщаемым средством. При непосредственном общении речевое обнаружение всегда соединяется с мимико-жестикуляционным» (цит. по: [Якубинский 1986: 28]). Появлялись лишь единичные работы, в которых обсуждались необходимость учета невербальной составляющей при анализе языкового высказывания [Николаева, Успенский 1966], роль невербальных компонентов коммуникации в мышлении и общении, порождении и восприятии речи [Горелов 1980], семиотические и социокультур-

ные аспекты невербальной коммуникации [Григорьева и др. 2001; Крейдлин 2002, 2005]. Однако в последнее десятилетие интерес отечественных лингвистов к жесту растет. Появляется все больше работ, в которых обсуждаются различные аспекты невербальных средств коммуникации, см. в числе прочих [Крейдлин 2006; 2007; 2008; 2009; Котов 2009; 2010; Кибрик 2010; 2016; Кибрик, Молчанова 2014; Николаева 2004; 2012; 2013; Николаева и др. 2015; Федорова и др. 2016]. Крупнейшим специалистом в этой области стала Е. А. Гришина — автор, помимо рецензируемой книги, целого ряда статей, посвященных русской жестикуляции⁷, а также вдохновитель и один из разработчиков уникального ресурса — Мультимедийного русского корпуса (МУРКО)⁸, открытого в 2010 г. в составе Национального корпуса русского языка.

Значение выхода в свет рецензируемой книги, где подробно анализируется роль жестикуляционной составляющей в русской устной речи, трудно переоценить. В настоящее время уже очевидно, что устная речь представляет собой столь же ценный объект лингвистического анализа, как и письменный текст. Устная форма языка является основной, фундаментальной и исходной, и представления о любом естественном языке будут неполны, если они не учитывают данных устной речи [Кибрик, Подлеская 2009: 24–26]. При этом для исследований устной речи чрезвычайно важен учет ее мультимодального⁹ харак-

⁷ См. список литературы в рецензируемой книге.

⁸ Корпус доступен по адресу <http://www.ruscorpora.ru/search-murco.html>. О структуре, составе, поисковых возможностях МУРКО и перспективах его развития см. среди прочего [Гришина 2008; 2009; 2015; Grishina 2010].

⁹ Термин *модальность* в данном случае используется в значении, принятом для него

⁶ “...gesticulation is so closely integrated with speech that it must be considered an integral part of the act of utterance” [Kendon 1988: 131].

тера (см., например, [Кибрик 2010; Fricke 2013; Müller et al. 2014]). Речь включает в себя две таких модальности — аудиальную и визуальную: при коммуникации говорящие используют не только звуковые сигналы, порождаемые при помощи артикуляторного аппарата¹⁰, но и жесты: «Нет культуры, в которой слышащие не использовали бы спонтанные движения рук, тела и лица при разговоре друг с другом»¹¹. Как отмечается в [Dick et al. 2009: 3522], «речевые жесты играют важную роль в понимании языка, предоставляя дополнительную семантическую информацию, которую слушающие могут использовать для устранения неоднозначности сообщения говорящего»¹². Эта же идея последовательно проводится и в книге Е. А. Гришиной. Уже во введении к ней говорится, что жесты «могут рассматриваться как надежные свидетельства когнитивных процессов, проходящих в мозгу говорящего, а следовательно, могут в случае неопределенности, энантиосемичности высказывания служить хорошим маркером для определения того, что именно имел в виду говорящий. И более того, они могут свидетельствовать о наличии в вы-

сказывании некоторого компонента смысла, который никаким другим способом (ни собственно лингвистическим, ни фонетико-интонационным) не выражен» (с. 12).

Используемые в высказывании звуковой и жестикуляционный каналы взаимодействуют и дополняют друг друга в процессе коммуникации достаточно сложным образом. Анализ этого взаимодействия и является основной задачей книги Е. А. Гришиной. Характер информации, передаваемой при помощи вербальных средств и жестикуляции, существенно различается. Это различие не случайно, оно обусловлено как различиями между двумя перцептивными механизмами (слух vs. зрение), так и различиями используемых артикуляторов (язык, губы, челюсть и т. д. vs. руки, мышцы лица, голова и корпус). Артикуляторы, участвующие в образовании жеста, видимы, достаточно массивны (соответственно, для их перемещения требуется больше времени по сравнению с артикуляторами, участвующими в образовании звука), и некоторые из них — руки — являются парными и могут одновременно и независимо друг от друга передавать разную информацию [Meier 2002: 7]. Слух больше приспособлен для восприятия линейно упорядоченной информации, развертывающейся во времени, тогда как зрение способно воспринимать и обрабатывать разнообразную информацию, поступающую одновременно [Brentari 2002: 61]. Кроме того, визуальная модальность, по сравнению с аудиальной, предоставляет гораздо более широкие возможности для использования иконических и индексных знаков. В своей знаменитой книге о речевых жестах Дэвид Макнилл высказывает предположение, что речь передает конвенциональную, грамматическую, последовательную, подчиненную правилам часть сообщения, в то время как жест выражает его

в психологии и нейрофизиологии, как указание на принадлежность ощущения к определенной сенсорной системе.

¹⁰ В звуковом информационном канале, в свою очередь, важно выделять сегментную (вербальную) и несегментную (просодическую) составляющие, см. об этом, например, [Кибрик 2010].

¹¹ “The culture has not been found whose hearing members do not spontaneously produce meaningful manual, bodily, and facial movements when speaking with one another” [Duncan 2003: 259].

¹² “Co-speech gestures serve an important role in language comprehension by providing additional semantic information that listeners can use to disambiguate the speaker’s message”.

образную, мгновенную и целостную часть [McNeill 1992: 2]. Е. А. Гришина в своем исследовании опирается на понятие *мультимодального кластера* (с. 27) — сочетания в речи языковых явлений разных модусов (вербального, просодического, жестового), регулярно используемого для передачи одного и того же смысла, в который каждый из модусов вносит свой собственный вклад. Именно анализ регулярно воспроизводимых сочетаний «определенное собственно лингвистическое явление — определенный жест» позволяет установить семантические характеристики жестов и их роль в организации высказывания. Следует заметить, что отдельные мультимодальные кластеры уже достаточно давно стали предметом исследований, им посвящена обширная литература. Подход Е. А. Гришиной отличается от предшествующих работ масштабностью поставленной и успешно решаемой задачи: выявлением инвентаря жестов, используемых в русской устной речи, системных отношений между этими жестами и системных связей жестов с вербальной составляющей речи.

Принципиальной для рецензируемой книги является идея о композиционном характере жеста. В смежной с жестикуляционной лингвистикой области — лингвистике жестовых языков — жест, начиная с ранних работ [Stokoe 1960; Battison 1974; 1978], рассматривается как феномен, обладающий внутренней структурой, которую образуют такие его составляющие, называемые *компонентами* или *параметрами*, как *конфигурация* (форма кисти руки), *ориентация* (положение кисти руки по отношению к корпусу тела говорящего), *движение* (его траектория и характер) и *локализация* (место исполнения жеста по отношению к телу говорящего). В одних жестах параметры выступают в качестве элементарных смысловых различительных единиц, не обладающих значе-

нием, в других те или иные параметры обладают значением, т. е. представляют собой аналоги морфем. Однако в жестикуляционной лингвистике конфигурация, ориентация, движение и локализация традиционно рассматривались только как способ описания формы жеста. Вопрос о том, состоят ли жесты из отдельных компонентов или же являются цельными по своей природе, до сих пор остается предметом дискуссий. Тем не менее в последние годы публикуется все больше исследований, показывающих, что параметры или сочетания каких-либо параметров жеста могут и должны использоваться в качестве инструмента для систематического описания жестов, что определенные параметры или их комбинации являются воспроизводимыми, т. е. регулярно соответствуют определенной семантике (ср. гипотезу о «рудиментарной морфологии» жеста, высказанную в [Müller 2004: 254])¹³. Е. А. Гришина тоже рассматривает жест как состоящий из набора исчислимых параметров (орган жестикуляции, конфигурация и ориентация ладони, направление движения и некоторые другие). Каждый параметр может принимать ограниченный набор признаков (например, по параметру ориентации ладонь может быть ориентирована вверх, вниз или вертикально), при этом, как демонстрируется на протяжении всей книги, каждый признак имеет достаточно отчетливые и регулярные связи с теми или иными смысловыми компонентами высказывания, т. е. обладает определенным значением, вносящим свой вклад в общую семантику жеста.

¹³ О регулярном соответствии параметров жеста определенным смыслам с ссылками на соответствующую литературу см. также [Mittelberg 2010; Ladewig, Bressen 2013; Ladewig 2014].

Другой важной особенностью исследования Е. А. Гришиной является корпусный подход. Устная речь динамична, языковые единицы в ней «используются в режиме онлайн для оформления мысли говорящего» [Кибрик 2016: 675]. При этом очевидно, что значения, выражаемые жестом или его компонентами, в силу самой природы жеста и его составляющих должны быть очень общими, предельно абстрактными. Соответственно, адекватный анализ жестикуляции, выявление этих значений возможны только на материале представительного корпуса видеозаписей устной речи. Книга Е. А. Гришиной написана на материале Мультимедийного русского корпуса, объем которого на момент подготовки книги к печати составлял около 4,5 млн словопотреблений.

Анализируя русскую жестикуляцию, Е. А. Гришина ставит целью не просто выявление, но и объяснение корреляций между формой жеста и его семантикой. Не случайно одним из важнейших понятий, к которому автор обращается практически во всех главах книги, — это понятие *этимона*, утилитарного движения (утилитарный, или прагматический этимон: ‘подавление’, ‘объект, находящийся в ладони’ и т. п.) или геометрической формы (геометрический этимон, или этимон-абстракция: ‘точка’, ‘прямая’, ‘плоскость’ и т. п.). Этимон — основа метафорического переноса, формирующего жест: «Жест является мотивированным знаком, форма которого может быть объяснена посредством обращения к повседневной жизни человека (что требует от исследователя в качестве обязательного этапа “этимологическую” интерпретацию жеста)» (с. 11).

Характеризуя книгу Е. А. Гришиной в целом, нельзя не отметить также стремление автора к максимальной достоверности результатов, возможности

их верификации, что обусловило широкое и последовательное применение ею статистических методов. Как поясняет автор во введении, «уверенность, что исследователю удалось определить основные семантические компоненты жеста, может дать только статистически достоверный анализ базы данных» (с. 30).

Книга состоит из четырех частей, каждая из которых включает несколько глав.

Введение (Глава 1) задает общую концептуальную направленность книги. Оно включает детальный обзор понятийно-терминологического аппарата, используемого в жестикуляционной лингвистике. Особое место уделяется ключевому для данной книги понятию мультимодальности устной речи. Характеризуются также материал исследования и методика работы с ним. В частности, с подробными пояснениями и очень ясно описываются методы статистического анализа материала, которым, как уже говорилось выше, в работе Е. А. Гришиной придается большое значение.

В первой части, «Система русских указательных жестов», анализируется инвентарь дейктических жестов, исполняемых рукой или головой. Эта часть включает в себя четыре главы: «Ручные указательные жесты», «Указание большим пальцем», «Головные указательные жесты» и «Автодейксис». Некоторые из жестикуляционных явлений, рассматриваемых в этой части книги, такие как «классические» указания указательным пальцем или ладонью, уже неоднократно становились предметом изучения на материале разных языков. Другие, — например, как указания большим пальцем или головой — изучены гораздо меньше.

Подробно характеризуются параметры, релевантные для описания того или иного указательного жеста. Для ручных

жестов это в общем случае конфигурация и ориентация ладони, степень напряженности руки или ладони и направление движения, а для головных жестов — направление движения и орган указания: профиль говорящего целиком или только часть профиля — темя или подбородок. Показано, что выбор того или иного параметра дейктического жеста не случаен, он обусловлен определенными референциальными или прагматическими факторами: материальностью / абстрактностью, одушевленностью / неодушевленностью, единичностью / множественностью, близостью / отдаленностью референта, ролью референта в информационной структуре высказывания, иллокутивной функцией высказывания, его временной отнесенностью, дистанцированием говорящего от объекта указания и т. д.

В главе «Ручные указательные жесты», посвященной классическим указаниям, автор обращает также внимание на жесты-касания, в которых конфигурация руки зависит от формы объекта указания. Классические указания и касания рассматриваются Е. А. Гришиной как две самостоятельные, но этимологически связанные подсистемы, где первые произошли от вторых (с. 53–54). Как показано в этой и последующих главах данной части книги, отсутствие / наличие у дейктического жеста соответствий в классе касаний имеет важные следствия для выражаемой им семантики, в частности для возможности выполнения им анафорической функции.

Рассматривая указания большим пальцем, автор демонстрирует существенные функционально-семантические отличия этих жестов от классических указаний, выявить которые позволяет анализ контекстов, включающих оба типа жестов, а также учет сопутствующих жестикуляционных средств, таких как характер взгляда, сопровождающего жест (с. 114–116).

Обсуждая головные указательные жесты, Е. А. Гришина касается в числе прочего и вопроса о том, как соотносятся между собой дейктические системы ручных и головных указательных жестов. Автор показывает, что системы указаний указательным пальцем или ладонью и головой являются независимыми, каждая из них выражает свойственные только ей значения, в то время как системы указаний большим пальцем и головой частично взаимозаменяемы.

Анализируя в главе «Автодейксис» указания говорящего на самого себя в ходе устного общения, автор обращает внимание на парадокс, заключающийся в том, что такие жесты достаточно регулярно выступают в сочетании с одноименными собственно языковыми средствами (*я, мы, меня* и т. п.) и тем самым на первый взгляд кажутся избыточными. Объяснения этого парадокса и предлагаются в данной главе. Как показано, жест автоуказания обычно либо вносит в высказывание некоторый дополнительный семантический компонент (например, ограничительное значение ‘именно я / я, а не кто-то другой’), либо замещает слово или словосочетание, либо выражает значение, полностью отсутствующее в параллельном речевом ряде (например, перформативный компонент ‘прошу мне поверить’). В данной главе также сопоставляются некоторые особенности классического жестикуляционного дейксиса и автодейксиса. В частности, обсуждается использование в высказываниях, тождественных по своей иллокутивной функции, разных конфигураций руки в случае классических указаний и автоуказаний.

Вторая часть, «Русские изобразительные жесты. Фрагменты системы», посвящена анализу жестов и отдельных их параметров, иконически отображающих объекты или абстрактные сущности. Она состоит из шести глав:

«Язык в декартовых координатах: поперечная и сагиттальная оси», «Глагольные приставки и корни: жестикуляционные профили», «Язык в декартовых координатах: вертикальная ось», «Сложные жестикуляционные траектории», «Конфигурация ладоней», «Жесты и точка зрения».

Первые четыре главы представляют собой семантический анализ движения жестов в трехмерном пространстве относительно трех осей человеческого тела — вертикальной, поперечной и сагиттальной, соответствующих осям декартовой прямоугольной системы координат. Этот анализ в целом выявляет довольно интересные корреляции между направлением и траекторией движения руки и/или головы и семантикой жеста. В частности, оказывается, что сагиттальная и поперечная оси ориентированы на выражение более абстрактных, грамматических значений, в то время как вертикальная ось, а также сложные траектории (колебательные или круговые движения) — на выражение более конкретных, лексических значений. При этом головные движения в целом оказываются связаны с передачей более абстрактных значений по сравнению с ручными. Другая корреляция касается соотношения сагиттальной и поперечной осей. В литературе по жестикуляции и жестовым языкам глухих неоднократно демонстрировалось, что движения жеста вдоль этих осей могут кодировать временные значения: время во многих языках мыслится как вектор, а жест, благодаря возможности использования пространства, способен иконически отражать это представление. Традиционно считается, что временной ориентации событий относительно момента речи соответствует сагиттальная ось, на ней иконически изображается распространенная языковая метафора «прошлое — позади, будущее — впереди», а временная ориен-

тация событий относительно друг друга отображается на поперечной оси. Однако исследование Е. А. Гришиной, учитывающее взаимосвязь временных значений с аспектуальными и модальными, приводит к нетривиальным выводам. В русской жестикуляционной системе кодирование значений относительного времени оказывается в большей степени связанным с вертикальной осью, в то время как сагиттальная и поперечная оси противопоставлены не как временные, а как коммуникативная и когнитивная соответственно. Сагиттальная ось ориентирована на передачу информации слушающему (значения временного дейксиса в общем случае тоже тяготеют к этой оси), а правая и левая зоны поперечной оси соответствуют противопоставлению объективных фактов и субъективного мнения говорящего. Как замечает автор, «жестикуляция, ориентированная вдоль поперечной оси, является хорошим маркером когнитивных процессов» (с. 239).

Последние две главы второй части посвящены другим аспектам изобразительных жестов. В главе «Конфигурация ладоней» анализируется семантика конфигураций руки, основанных на соприкосновении каких-либо пальцев: «кольцо», «щепоть», «кулак» и др. Некоторые из этих конфигураций уже неоднократно были предметом исследований на материале других языков [Kendon 2004; Calbris 2011 и др.], однако авторы в большинстве своем рассматривали жест как единое целое. Е. А. Гришина ставит перед собой задачу выяснить, какие значения передает именно конфигурация независимо от остальных параметров, принимая при этом во внимание этимоны, мотивирующие метафорическое развитие жестикуляционной семантики. Одним из важных выводов является то, что на семантику, выражаемую конфигурацией, в значительной степени влияет эвкли-

дова геометрия, которая «базируется на повседневном практическом опыте человека, однако представляет собой следующий, гораздо больший уровень абстракции» (с. 400).

В главе «Жесты и точка зрения» анализируется различие между жестами персонажа и жестами наблюдателя. В первом случае говорящий (или тот персонаж, с точки зрения которого говорящий жестикулирует) мысленно совмещает свое тело с телом персонажа и жестикулирует так, как будто бы он и есть этот персонаж. Во втором случае тела персонажа и говорящего разнесены в пространстве на расстояние, заданное жестикулирующей рукой. Различение этих двух типов жестов было впервые предложено Д. Макниллом [McNeill 1992]. Е. А. Гришина на примере отрицательных жестов и жестикуляции, сопровождающей употребление кванторных слов *весь, все, каждый, любой*, демонстрирует, что это различие представлено в системе жестикуляции гораздо шире и разнообразнее, чем представлялось ранее. В частности, в конструкциях стандартного отрицания выбор головного или ручного отрицательного жеста или отсутствие жестикуляционного сопровождения оказываются регулярно обусловленными позицией говорящего относительно его высказывания (персонаж vs. наблюдатель). Анализ жестикуляции, сопровождающей кванторные слова, позволяет увидеть семантические различия между лексемами, которые не видны при учете только вербального модуса. Например, тождественные на первый взгляд кванторы *весь* и *все* различаются позицией говорящего относительно именной группы (взгляд на множество извне, когда наблюдатель воспринимает множество как недискретное целое vs. позиция внутреннего наблюдателя, когда наблюдатель фиксирует наличие в множестве ряда отдельных элементов),

что иконически отражается в преимущественном использовании в первом случае жеста, обозначающего форму объекта, а во втором — квантующего (в терминологии автора) жеста, делящего пространство на составные части. Как отмечает Е. А. Гришина, изучение разновидностей точки зрения и отражения их в жестикуляции представляется одним из самых перспективных направлений в жестикуляционной лингвистике и заслуживает самого пристального внимания исследователей.

Третья часть, «Служебные жесты», посвящена жестам, выполняющим функцию организации высказывания. Она включает в себя две главы: «Грамматика взгляда» и «Закрытые глаза: пунктуация и акцентуация». К служебным жестам Е. А. Гришина относит разнородный круг явлений: перемещение взгляда, моргание, мелкую мимику (например, облизывание), а также систему подхватов (повторов жестов) и удержаний (задержек жестикулирующего органа либо в подготовительной, либо в основной фазе исполнения жеста). Подробно анализируются два типа служебных жестов. В главе «Грамматика взгляда» автор рассматривает поведение взгляда как средство организации диалога. Показано, что динамика взгляда на границах реплик подчиняется закономерностям, связанным с привлечением внимания адресата и с передачей реплики от одного участника диалога другому, в то время как направление взгляда внутри реплики связано с коммуникативным членением фразы. Глава «Закрытые глаза: пунктуация и акцентуация» представляет собой анализ морганий, демонстрирующий, что последние служат визуальными аналогами ряда просодических явлений, маркирующих границы фраз или служащих для акцентного выделения.

Четвертая часть, «Сквозные темы в жестикуляции», представляет собой

итоговый раздел, в котором обобщаются некоторые темы, обсуждавшиеся в предыдущих частях книги. Она включает в себя две главы. В первой из них, «Прагматика, семантика и синтаксис», сводятся воедино способы отражения при помощи жестикуляции различных прагматических, семантических и синтаксических компонентов высказывания. Во второй, «Жестикуляция, или Любовь к геометрии», показано, как понятия евклидовой геометрии служат в качестве этимонов указательных, образительных и служебных жестов.

К числу недостатков книги следует отнести не всегда структурированное и системное изложение (что представляется следствием большой детализации описания, обусловленной стремлением автора к всестороннему анализу исследуемого материала, к максимальной точности и достоверности результатов исследования), а также некоторые технические погрешности¹⁴. Можно не согласиться с использованием автором некоторых терминов: «уверенное будущее время», «неуверенное будущее время» (с. 216, 224, 227, 244), «языки глухонемых»¹⁵ (с. 13). Неясно, почему при анализе служебных жестов смешиваются понятия просодических характеристик высказывания и средств их обозначения на письме¹⁶. Несомненно,

текст был бы доработан, если бы не преждевременная смерть автора.

Книга «Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения» без преувеличения стала значимым событием не только для отечественной, но и для мировой жестикуляционной лингвистики. Ряд рассмотренных в ней явлений, таких как связь семантики жеста со свойствами его прагматического или геометрического этимона, корреляция осей человеческого тела с выражением значений разной степени абстрактности и др., позволяет по-новому взглянуть и на жесты, принадлежащие к другим областям жестового континуума, в частности на жесты, используемые в жестовых языках глухих. По масштабности, многоплановости и глубине описания жестикуляционной составляющей устной речи книге Е. А. Гришиной найдется очень мало аналогов. Как отметил Д. В. Сичинава, один из авторов теплого, написанного друзьями и коллегами Е. А. Гришиной послесловия к книге, «...автор открыл и описал буквально еще один русский язык — язык тела. (...) результаты ошеломляют: это еще один континент, скрытое течение в Босфоре, и вторая подземная река под Нилом» (с. 725).

Представленные в книге результаты исследования, разработанная методология анализа материала, не говоря уже о множестве сформулированных в ней гипотез, которые еще только предстоит проверить, а также о ценнейшем ресурсе — Мультимедийном русском корпусе,

ального аналога пауз и акцентных диакритик», а на с. 523 — о том, что «межсловное моргание выступает в устном тексте как пунктуационный знак: заглавная буква как начало реплики, точка и знаки, приравненные к точке (границы фраз, конец реплики)...». На наш взгляд, правомернее было бы интерпретировать данные жесты как аналоги определенных просодических средств.

¹⁴ Встречаются полные повторы абзацев (например, на с. 16 и 485); на рисунках 6_10 и 6_11 (с. 224) перепутаны названия осей.

¹⁵ Термин *глухонемые* употреблялся примерно до середины 1950-х гг. В настоящее время он считается устаревшим и не используется прежде всего в силу негативного отношения к нему самих носителей жестовых языков. Вместо него сейчас повсеместно используется термин *глухие*: *сообщество глухих, жестовые языки глухих*.

¹⁶ Например, на с. 485 говорится, что служебные жесты «выступают в качестве визу-

вносят большой вклад в развитие отечественной мультимодальной лингвистики и создают мощный фундамент для дальнейших исследований жестикуляционной составляющей устной речи. Хочется надеяться, что книга Е. А. Гришиной, ставшей одним из первопроходцев в отечественной жестикуляционной лингвистике, будет способствовать привлечению к этому направлению все большего числа исследователей. Как написали авторы статьи «Gesture for Linguists: a Handy Primer», «какой именно будет роль жеста в лингвистике ближайших десятилетий, еще только предстоит увидеть. Думается, что эту роль можно будет определить только после тщательного анализа структуры жеста и его связей с языком. Однако мы уверены, что богатая структура жеста и его многогранные, тесные отношения с языком заставят будущие поколения лингвистов держать открытыми не только уши, но и глаза»¹⁷.

Л и т е р а т у р а

Григорьева и др. 2001 — С. А. Григорьева, Н. В. Григорьев, Г. Е. Крейдлин. Словарь русских жестов. М.; Вена, 2001.

Гришина 2008 — Е. А. Гришина. Национальный корпус русского языка как источник сведений об устной речи // Речевые технологии. 2008. № 3. С. 50–62.

¹⁷ “Exactly what the role of gesture will be in linguistics in the coming decades remains to be seen. We suggest that this role can be determined only after careful consideration of the structure of gesture and its ties to language. Our bet is that the rich structure of gesture and its multi-faceted, intimate relations to language will compel future generations of linguists to keep their eyes, and not just their ears, open” [Abner et al. 2015: 445].

Гришина 2009 — Е. А. Гришина. Мультимедийный русский корпус (МУРКО): проблемы аннотации // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб., 2009. С. 175–214.

Гришина 2015 — Е. А. Гришина. Мультимодальный модуль в составе Национального корпуса русского языка // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 6 (6). Национальный корпус русского языка: 10 лет проекту. М., 2015. С. 65–88.

Горелов 1980 — И. Н. Горелов. Невербальные компоненты коммуникации. М., 1980.

Кибрик 2010 — А. А. Кибрик. Мультимодальная лингвистика // Когнитивные исследования IV / Ю. И. Александров, В. Д. Соловьев (ред.). М., 2010. С. 134–152.

Кибрик 2016 — А. А. Кибрик. Язык как он есть // Седьмая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов. Светлогорск, 20–24 июня 2016 г. М., 2016. С. 674–676.

Кибрик, Молчанова 2014 — А. А. Кибрик, Н. Б. Молчанова. Каналы мультимодальной коммуникации: относительный вклад в понимание дискурса // Мультимодальная коммуникация: теоретические и эмпирические исследования / О. В. Федорова, А. А. Кибрик (ред.). М., 2014. С. 99–114.

Кибрик, Подлеская 2009 — Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса / А. А. Кибрик, В. И. Подлеская (ред.). М., 2009.

Котов 2009 — А. А. Котов. Паттерны эмоциональных коммуникативных реакций: проблемы создания корпуса и перенос на компьютерных агентов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2009». Вып. 8 (15). М., 2009. С. 211–218.

Котов 2010 — А. А. Котов. Имитация компьютерным агентом непрерывного эмоционального коммуникативного поведения // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2010». Вып. 9 (16). М., 2010. С. 219–225.

- Крейдлин 2002 — Г. Е. Крейдлин. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М., 2002.
- Крейдлин 2005 — Г. Е. Крейдлин. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. М., 2005.
- Крейдлин 2006 — Г. Е. Крейдлин. Механизмы взаимодействия невербальных и вербальных единиц в диалоге I: Жестовые ударения // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды Международной конференции «Диалог 2006». Вып. 5 (12). М., 2006. С. 290–296.
- Крейдлин 2007 — Г. Е. Крейдлин. Механизмы взаимодействия вербальных и невербальных единиц в диалоге II А: Дейктические жесты и их типы // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды Международной конференции «Диалог 2007». Вып. 6 (13). М.: РГГУ, 2007. С. 320–327.
- Крейдлин 2008 — Г. Е. Крейдлин. Механизмы взаимодействия вербальных и невербальных единиц в диалоге II Б: Дейктические жесты и речевые акты // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2008». Вып. 7 (14). М., 2008. С. 248–253.
- Крейдлин 2009 — Г. Е. Крейдлин. Невербальное поведение людей разных культур в диалоге I: финская и русская жестовые системы // По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2009». Вып. 8 (15). М., 2009. С. 224–229.
- Николаева 2004 — Ю. В. Николаева. Функциональные и семантические особенности иллюстративных жестов в устной речи (на материале русского языка) // Вопросы языкознания. 2004. № 4. С. 48–67.
- Николаева 2012 — Ю. В. Николаева. Жестикуляция рассказчика и структура нарратива // Когнитивные исследования / А. А. Кибрик, Т. В. Черниговская, А. В. Дубасова (ред.). Вып. 5. М., 2012. С. 243–251.
- Николаева 2013 — Ю. В. Николаева. Иллюстративные жесты в русском дискурсе: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2013.
- Николаева и др. 2015 — Ю. В. Николаева, А. А. Кибрик, О. В. Федорова. Структура устного дискурса: взгляд со стороны мультимодальной лингвистики // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2015». Вып. 14. Т. 1. М., 2015. С. 487–499.
- Николаева, Успенский 1966 — Т. М. Николаева, Б. А. Успенский. Языкознание и паралингвистика // Лингвистические исследования по общей и славянской типологии / Т. М. Николаева (отв. ред.). М., 1966. С. 63–74.
- Федорова и др. 2016 — О. В. Федорова, А. А. Кибрик, Н. А. Коротаев, А. О. Литвиненко, Ю. В. Николаева. Временная координация между жестовыми и речевыми единицами в мультимодальной коммуникации // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2016». Вып. 15. М., 2016. С. 159–170.
- Якубинский 1986 — Л. П. Якубинский. О диалогической речи // Л. П. Якубинский. Избранные работы: Язык и его функционирование. М., 1986. С. 17–58.
- Abner et al. 2015 — N. Abner, K. Cooperrider, S. Goldin-Meadow. Gesture for Linguists: A Handy Primer // Language and Linguistics Compass. 2015. Vol. 9 (11). P. 437–451.
- Battison 1974 — R. Battison. Phonological Deletion in American Sign Language // Sign Language Studies. Vol. 5. 1974. P. 1–19.
- Battison 1978 — R. Battison. Lexical Borrowing in American Sign Language. Silver Spring, Md., 1978.
- Brentari 2010 — D. Brentari. Modality differences in sign language phonology and morphophonemics // Modality and Structure in Signed and Spoken Languages / R. Meier, K. Cormier, D. Quinto-Pozos (eds.). Cambridge, 2002. P. 35–64.
- Calbris 2011 — G. Calbris. Elements of meaning in gesture. Amsterdam, 2011.

- Dick et al. 2009 — A. S. Dick, S. Goldin-Meadow, U. Hasson, J. I. Skipper, S. L. Small. Co-speech gestures influence neural activity in brain regions associated with processing semantic information // *Human Brain Mapping*. 2009. Vol. 30 (11). P. 3509–3526. doi: 10.1002/hbm.20774.
- Duncan 2003 — S. Duncan. Gesture in language: Issues for sign language research // *Perspectives on Classifier Constructions in Signed Languages* / K. Emmorey (ed.). Mahwah, NJ, 2003. P. 259–268.
- Fricke 2013 — E. Fricke. Towards a unified grammar of gesture and speech: A multimodal approach // *Body — Language — Communication. An International Handbook on Multimodality in Human Interaction. (Handbooks of Linguistics and Communication Sciences 38.1)* / C. Müller, A. Cienki, E. Fricke, S. H. Ladewig, D. McNeill, S. Teßendorf (eds.). Vol. 1. Berlin, 2013. P. 733–754.
- Grishina 2010 — E. Grishina. Multimodal Russian Corpus (MURCO): First Steps [Электронный ресурс] // 7th Conference on Language Resources and Evaluation LREC'2010, Valetta, Malta: URL: <http://www.lrec-conf.org/proceedings/lrec2010/index.html> (дата обращения: 15.04.2018).
- Kendon 1972 — A. Kendon. Some relationships between body motion and speech // *Studies in Dyadic Communication* / A. Siegman, B. Pope (eds.). New York, 1972. P. 177–210.
- Kendon 1980 — A. Kendon. Gesticulation and speech: Two aspects of the process of utterance // *The Relation between Verbal and Nonverbal Communication* / M. R. Key (ed.). The Hague, 1980. P. 207–227.
- Kendon 1988 — A. Kendon. How gestures can become like words // *Cross-cultural Perspectives in Nonverbal Communication* / F. Poyatos (ed.). Toronto, 1988. P. 131–141.
- Kendon 1996 — A. Kendon. Some items for an introductory bibliography of gesture studies // *Semiotic Review of Books*. 1996. Vol. 7 (3). P. 11–12.
- Kendon 2004 — A. Kendon. *Gesture. Visible action as utterance*. Cambridge, 2004.
- Ladewig 2014 — S. H. Ladewig. Recurrent gestures // *Body — Language — Communication. An International Handbook on Multimodality in Human Interaction. (Handbooks of Linguistics and Communication Sciences 38.2)* / C. Müller, A. Cienki, E. Fricke, S. H. Ladewig, D. McNeill, J. Bressemer (eds.). Berlin; Boston, 2014. P. 1558–1574.
- Ladewig, Bressemer 2013 — S. Ladewig, J. Bressemer. New insights into the medium hand: Discovering recurrent structures in gestures // *Semiotica*. Vol. 197. 2013. P. 203–231.
- McNeill 1992 — D. McNeill. *Hand and Mind: What Gestures Reveal about Thought*. Chicago, 1992.
- McNeill 2000 — D. McNeill. Introduction // *Language and Gesture* / D. McNeill (ed.). Cambridge, 2000. P. 1–10.
- Meier 2002 — R. Meier. Why different, why the same? Explaining effects and non-effects of modality upon linguistic structure in sign and speech // *Modality and structure in signed and spoken languages* / R. Meier, K. Cormier, D. Quinto-Pozos (eds.). Cambridge, 2002. P. 1–25.
- Mittelberg 2010 — I. Mittelberg. Geometric and image-schematic patterns in gesture space // *Language, cognition, and space: The state of the art and new directions* / V. Evans, P. Chilton (eds.). London, 2010. P. 351–385.
- Müller 2004 — C. Müller. Forms and uses of the palm up open hand: A case of gesture family? // *The semantics and pragmatics of everyday gestures* / C. Müller, R. Posner (eds.). Berlin, 2004. P. 233–256.
- Müller et al. 2014 — C. Müller, E. Fricke, A. Cienki, S. H. Ladewig, D. McNeill, J. Bressemer (eds.). *Body — Language — Communication. An International Handbook on Multimodality in Human Interaction. (Handbooks of Linguistics and Communication Sciences 38.2)*. Vol. 2. Berlin, 2014.
- Schmitt 1984 — J.-C. Schmitt. Introduction and general bibliography // *History and Anthropology*. 1984. Vol. 1 (1). P. 1–28.
- Schmitt 1991 — J.-C. Schmitt. The rationale of gestures in the West: third to thirteenth centuries // *A Cultural History of Gesture* / J. N. Bremmer, H. Roodenburg (eds.). Cambridge, 1991. P. 59–70.

Stokoe 1960 — W. Stokoe. Sign Language Structure: An Outline of the Visual Communication Systems of the American Deaf. Studies in linguistics: Occasional papers, 8. Buffalo, 1960.

С. И. Буркова

Новосибирский государственный
технический университет
(Россия, Новосибирск)
burkova@corp.nstu.ru

Получено 17.05.2018

[Review of the book:] Grishina, E. A.

*Russkaya zhestikulyatsiya
s lingvisticheskoy tochki zreniya
(korpusnye issledovaniya)*

[Russian Gesticulation in Linguistic
Aspect: Corpus Studies].

Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury,
2017. 744 p.

References

- Abner, N., Cooperrider, K., & Goldin-Meadow, S. (2015). Gesture for linguists: a handy primer. *Language and Linguistics Compass*, 9(11), 437–451.
- Battison, R. (1974). Phonological deletion in American sign language. *Sign Language Studies*, 5, P. 1–19.
- Battison, R. (1978). *Lexical borrowing in American sign language*. Silver Spring: Linstok Press.
- Brentari, D. (2002). Modality differences in sign language phonology and morphophonemics. In R. Meier, K. Cormier, & D. Quinto-Pozos (Eds.), *Modality and structure in signed and spoken languages* (pp. 35–64). Cambridge: Cambridge University Press.
- Calbris, G. (2011). *Elements of meaning in gesture*. Amsterdam: John Benjamins.
- Dick, A. S., Goldin-Meadow, S., Hasson, U., Skipper, J. I., & Small, S. L. (2009). Co-speech gestures influence neural activity in brain regions associated with processing semantic information. *Human Brain Mapping*, 30 (11), 3509–3526.
- Duncan, S. (2013). Gesture in language: issues for sign language research. In K. Emmorey (Ed.), *Perspectives on classifier constructions in sign languages* (pp. 259–268). Mahwah (NJ): Lawrence Erlbaum Associates.
- Fedorova, O. V., Kibrik, A. A., Korotaev, N. A., Litvinenko, A. O., & Nikolaeva, Yu. V. (2016). Vremennaya koordinatsiya mezhdu zhestovymi i rechevymi editsami v mul'timodal'noi kommunikatsii. In V. P. Selegey et al. (Eds.), *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»* (2016) (pp. 159–170). Moscow: RGGU.
- Fricke, E. (2013). Towards a unified grammar of gesture and speech: a multimodal approach. In C. Müller, A. Cienki, E. Fricke, S. H. Ladewig, D. McNeill, & S. Teßendorf (Eds.), *Body — Language — Communication. An International Handbook on Multimodality in Human Interaction* (Vol. 1, pp. 733–754). Berlin: de Gruyter Mouton.
- Gorelov, I. N. (1980). *Neverbal'nye komponenty kommunikatsii*. Moscow: Nauka.
- Grigoryeva, S. A., Grigoryev, N. V., & Kreydlin, G. E. (2001). *Slovar' russkikh zhestov*. Moscow; Wien: Yazyki russkoi kul'tury.
- Grishina, E. (2010). Multimodal Russian Corpus (MURCO): First Steps. In 7th Conference on Language Resources and Evaluation LREC'2010. Retrieved from <http://www.lrec-conf.org/proceedings/lrec2010/index.html>
- Grishina, E. A. (2008). Mul'timediyni russkii korpus (MURKO): problemy annotatsii. In *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: 2006–2008. Novye rezul'taty i perspektivy* (pp. 175–214). St Petersburg: Nestor-Istoriya.
- Grishina, E. A. (2008). Natsional'nyi korpus russkogo yazyka kak istochnik svedenii ob ustnoi rechi. *Rechevye tekhnologii*. 3, 50–62.
- Grishina, E. A. (2015). Mul'timodal'nyi modul' v sostave Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka. In A. M. Moldovan (Ed.), *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. Vyp. 6. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: 10 let proektu* (pp. 65–88). Moscow: Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN.

- Kendon, A. (1972). Some relationships between body motion and speech. In A. Siegman, & B. Pope (Eds.), *Studies in dyadic communication* (pp. 177–210). New York: Pergamon Press.
- Kendon, A. (1980). Gesticulation and speech: two aspects of the process of utterance. In M. R. Key (Ed.), *The relation between verbal and nonverbal communication* (pp. 207–227). The Hague: Mouton.
- Kendon, A. (1988). How gestures can become like words. In F. Poyatos (Ed.), *Cross-cultural perspectives in nonverbal communication* (pp. 131–141). Toronto: Hogrefe.
- Kendon, A. (1996). Some items for an introductory bibliography of gesture studies. *Semiotic Review of Books*, 7(3), 11–12.
- Kendon, A. (2004). *Gesture. Visible action as utterance*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kibrik, A. A. (2010). Mul'timodal'naya lingvistika. In Yu. I. Aleksandrov, & V. D. Solovyev (ed.), *Kognitivnye issledovaniya — IV* (134–152). Moscow: IP RAN.
- Kibrik, A. A. (2016). Yazyk kak on est'. In *Sed'maya mezhdunarodnaya konferentsiya po kognitivnoi nauke: Tezisy dokladov* (pp. 674–676). Moscow: IP RAN.
- Kibrik, A. A., & Molchanova, N. B. (2014). Kanaly mul'timodal'noi kommunikatsii: otnositel'nyi vklad v ponimanie diskursa. In O. V. Fedorova, & A. A. Kibrik (Eds.), *Mul'timodal'naya kommunikatsiya: teoreticheskie i empiricheskie issledovaniya* (pp. 99–114). Moscow: Buki-Vedi.
- Kibrik, A. A., & Podlesskaya, V. I. (Eds.). (2009). *Rasskazy o snovideniyakh: Korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa*. Moscow: YaSK.
- Kotov, A. A. (2009). Patterny emotsional'nykh kommunikativnykh reaktsii: problemy sozdaniya korpusa i perenos na komp'yuternykh agentov. In A. E. Kibrik et al. (Eds.), *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog» (2009)* (pp. 211–218). Moscow: RGGU.
- Kotov, A. A. (2010). Imitatsiya komp'yuternym agentom nepreryvnogo emotsional'nogo kommunikativnogo povedeniya. In A. E. Kibrik et al. (Eds.), *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog» (2010)* (pp. 219–225). Moscow: RGGU.
- Kreydlin, G. E. (2002). *Neverbal'naya semiotika: Yazyk tela i estestvennyi yazyk*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Kreydlin, G. E. (2005). *Muzhchiny i zhen-shchiny v neverbal'noi kommunikatsii*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury.
- Kreydlin, G. E. (2006). Mekhanizmy vzaimodeystviya neverbal'nykh i verbal'nykh edinit v dialoge I: Zhestovye udareniya. In N. I. Laufer, A. S. Narinyani, & V. P. Selegey (Eds.), *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Trudy mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog 2006»* (pp. 290–296). Moscow: RGGU.
- Kreydlin, G. E. (2007). Mekhanizmy vzaimodeystviya verbal'nykh i neverbal'nykh edinit v dialoge II A. Deikticheskie zhesty i ikh tipy. In L. L. Iomdin et al. (Eds.), *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Trudy mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog 2007»*. Moscow: RGGU, 2007. P. 320–327.
- Kreydlin, G. E. (2008). Mekhanizmy vzaimodeystviya verbal'nykh i neverbal'nykh edinit v dialoge II B. Deikticheskie zhesty i rechevye akty. In A. E. Kibrik et al. (Eds.), *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog» (2008)* (pp. 248–253). Moscow: RGGU.
- Kreydlin, G. E. Neverbal'noe povedenie lyudei raznykh kul'tur v dialoge I: finskaya i russkaya zhestovye sistemy. In A. E. Kibrik et al. (Eds.), *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog» (2009)* (pp. 224–229). Moscow: RGGU.
- Ladewig, S. H. (2014). Recurrent gestures. In C. Müller, A. Chenki, E. Fricke, S. H. Ladewig, D. McNeill, & J. Bressemer (eds.), *Body — language — communication. An international handbook on multimodality in human interaction* (pp. 1558–1574). Berlin; Boston: De Gruyter Mouton.
- Ladewig, S., & Bressemer, J. (2013). New insights into the medium hand: discovering recurrent structures in gestures. *Semiotica*. 197, 203–231.

- McNeill, D. (1992). *Hand and mind: what gestures reveal about thought*. Chicago: University of Chicago Press.
- McNeill, D. (Ed.). *Language and gesture*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Meier, R. (2002). Why different, why the same? Explaining effects and non-effects of modality upon linguistic structure in sign and speech. In R. Meier, K. Cormier, & D. Quinto-Pozos (Eds.), *Modality and structure in signed and spoken languages* (pp. 1–25). Cambridge: Cambridge University Press.
- Mittelberg, I. (2010). Geometric and image-schematic patterns in gesture space. In V. Evans, & P. Chilton (Eds.), *Language, cognition, and space: the state of the art and new directions* (pp. 351–385). London: Equinox.
- Müller, C. (2004). Forms and uses of the palm up open hand: a case of gesture family? In C. Müller, & R. Posner (Eds.), *The semantics and pragmatics of everyday gestures* (233–256). Berlin: Weidler.
- Müller, C., Fricke, E., Cienki, A., Ladewig, S. H., McNeill, D., & Bressemer, J. (Eds.). (2014). *Body — language — communication. an international handbook on multimodality in human interaction* (Vol. 2). Berlin: Mouton de Gruyter.
- Nikolaeva, T. M., & Uspenskiy, B. A. (1966). Yazykoznanie i paralingvistika. In T. M. Nikolaeva (Ed.), *Lingvisticheskie issledovaniya po obshchei i slavyanskoi tipologii* (pp. 63–74). Moscow: Nauka.
- Nikolaeva, Yu. V. (2004). Funktsional'nye i semanticheskie osobennosti illyustrativnykh zhestov v ustnoi rechi (na materiale russkogo yazyka). *Voprosy yazykoznaniya*, 4, 48–67.
- Nikolaeva, Yu. V. (2012). Zhestikulyatsiya rasskazchika i struktura narrative. In A. A. Kibrik, T. V. Chernigovskaya, & A. V. Dubasova (Eds.), *Kognitivnye issledovaniya* (Issue 5, pp. 243–251). Moscow: IP RAN.
- Nikolaeva, Yu. V. (2013). *Illyustrativnye zhesty v russkom diskurse* (unpublished doctoral dissertation). Moscow State University, Moscow, Russia.
- Nikolaeva, Yu. V., Kibrik, A. A., & Fedorova, O. V. Struktura ustnogo diskursa: vzglyad so storony mul'timodal'noi lingvistiki. In V. P. Selegey et al. (Eds.), *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»* (2015). (Vol. 1, pp. 487–499). Moscow: RGGU.
- Schmitt, J.-C. (1984). Introduction and general bibliography. *History and Anthropology*. 1(1), 1–28.
- Schmitt, J.-C. (1991). The rationale of gestures in the West: third to thirteenth centuries. In J. N. Bremner, & H. Roodenburg (Eds.), *A cultural history of gesture* (pp. 59–70). Cambridge: Polity Press.
- Stokoe, W. (1960). *Sign language structure: an outline of the visual communication systems of the American deaf*. Buffalo: University of Buffalo.
- Yakubinskiy, L. P. (1986). *Izbrannye raboty: Yazyk i ego funktsionirovanie*. Moscow: Nauka.

Svetlana I. Burkova
Novosibirsk State Technical University
(Russia, Novosibirsk)
burkova@corp.nstu.ru

Received on 17.05.2018

DOI 10.31912/rjano-2019.1.9

Большой словарь церковнославянского языка Нового времени.

Т. I. А—Б / Под ред. А. Г. Кравецкого, А. А. Плетневой. —

М.: Словари XXI века, 2016. — 448 с.

Чуть более ста лет назад прот. Г. Дьяченко в предисловии к составленному им в конце XIX в. «Полному церковнославянскому словарю» так обосновывал необходимость своего труда: «въ настоящее время существу-

еть нѣсколько маленькихъ, отъ 1 коп. до 25 коп., церковно-славянскихъ словариковъ (...) всѣ они, своимъ появлениемъ свидѣтельствуя о неотложной потребности въ полномъ церковно-славянскомъ словарѣ, въ то же время

своимъ разнообразіемъ и скудостью словарнаго запаса показываютъ, что ни однимъ изъ нихъ не достигнута <...> цель — дать полное практическое и вмѣстѣ научное пособие къ чтенію всѣхъ библейскихъ <...> церковно-богослужебныхъ и духовно-назидательныхъ книгъ, написанныхъ на церковно-славянскомъ наречіи» [Дьяченко 1899, VII–VIII].

Ситуация в современном обществе во многом напоминает ситуацию столетней давности, о которой пишет прот. Г. Дьяченко. В настоящее время, как и сто лет назад, появляется большое количество кратких словарей наиболее часто встречающихся слов, «трудных» для понимания современного читателя-неспециалиста. В XXI в. основной сферой бытования таких кратких словарей служит сеть-интернет. Человек нынешней эпохи остро нуждается в новом словаре церковнославянского языка, который бы предлагал новую форму представления, расположения и наполнения словарных статей, доступную и понятную современному, зачастую еще менее искушенному в этой области читателю, нежели его предшественники кон. XIX — нач. XX в. Значительным шагом на этом пути был выход словаря церковнославяно-русских паронимов О. А. Седаковой [Седакова 2005], однако материал для данного словаря был собран вручную и описание как лексически, так и семантически ограничено специфическими задачами этого труда — отметить прежде всего то, в чем семантика церковнославянских слов принципиально отличается от соответствующих слов современного русского языка, т. е. те случаи, когда интуиция носителя современного русского языка приводит к неверному пониманию текста.

Принципиально иные — гораздо более масштабные — задачи призван решить «Большой словарь церковнославянского языка Нового времени» (далее —

БСЦСЯ, или Словарь) под редакцией А. Г. Кравецкого и А. А. Плетневой. Том 1 Словаря, открывающий первое многотомное академическое описание лексики церковнославянского языка русского извода, увидел свет в 2016 г. Хронологические рамки источников БСЦСЯ охватывают период с XVIII по XXI в. — эпоху, когда церковнославянский язык утрачивает функцию языка литературного, ограничиваясь литургической сферой (до 1917 г. — также сферой начального и среднего образования), но при этом продолжает изменяться, испытывая влияние современного русского языка (см. об этом подробно в монографии [Кравецкий, Плетнева 2001]). Концепция Словаря предполагает охват не только новообразований XVIII–XXI вв., но всего объема лексики, зафиксированной источниками этого периода. Оправданность такого подхода проступает со всей очевидностью при сравнении семантики и употребления общепонятных всем и существующих в языке уже более тысячи лет слов, составляющих общий лексический фонд для современного церковнославянского, старославянского, русского литературного языка XI–XVII вв. и современного русского литературного языка. Показательными примерами могут служить существительные *баба* и *ба́на*. Исконное значение первого ‘бабушка’ [SJS, I: 68–69; СлРЯ XI–XVII: 61] стало периферийным как в современном русском литературном языке, так и в современном церковнославянском (с. 123), однако семантическая эволюция проходила в разных направлениях: в современном русском языке слово стало элементом просторечия и называет преимущественно женщину из простонародья или служит пренебрежительным именованием женщины вообще; в современном церковнославянском *баба*, как правило, означает ‘повивальную бабу, повитуху’. При этом во

всех трех значениях слово употреблялось в русском языке XI–XVII вв. [СлРЯ XI–XVII: 61]. Такова же судьба слова *бѣна*. В современном русском языке оно специализировалось на обозначении особого помещения или учреждения, в котором моются, тогда как в современном церковнославянском слово означает ‘омовение, очищение’ и используется преимущественно по отношению к таинству Крещения (с. 126). Наиболее широкий спектр значений представлен у этого слова также в более ранний период — в русском языке XI–XVII вв. [Там же: 70–71].

Таким образом, БСЦСЯ связывает историю с современностью: многие лексемы, описываемые в Словаре, употребляются уже на протяжении тысячи лет, и Словарь, включающий эту лексику, завершает историко-лексикографическое описание церковнославянского языка русского извода (словарный состав предшествующего периода отражен в «Словаре русского языка XI–XVII вв.»), одновременно восполняя лакуну в отечественной лексикографии протяженностью более ста лет (с 1899 г., когда вышел «Полный церковнославянский словарь» прот. Г. Дьяченко) и существенно дополняя и уточняя предшествующую традицию. Чтобы в этом убедиться, достаточно, к примеру, сравнить словарные статьи *ѣгница* в двух словарях. У Г. Дьяченко статья занимает три с половиной строки, а примеры из текстов отсутствуют вовсе [Дьяченко 1899: 5]. В БСЦСЯ аналогичная словарная статья занимает почти полтора столбца, подробно проиллюстрированы как прямое, так и образно-символическое употребление этого имени существительного, а также устойчивые сочетания с прилагательными, различные для именованной Богородицы (*нескъбѣнна/непорочна ѣгница*) и мученицы (*словѣнна ѣгница*) (с. 56). Рассмотрим еще один пример: словарная статья на прилагательное *благій* в словаре Г. Дьяченко

вовсе отсутствует, а статья *благѣа* [Там же: 39] не превышает по объему упомянутую выше статью *ѣгница*. В БСЦСЯ прилагательному *благій* отведены почти два столбца, и в статье, помимо прочего, широко отражены субстантивированные употребления для именованной Бога, Богородицы, праведника, а также материальных благ и райского блаженства (с. 208–209).

Структура первого тома БСЦСЯ довольно проста: он открывается предисловием и другими вводными разделами, такими как «Источники словаря», «Элементы словарной статьи», «Как пользоваться словарем». Далее следуют основная часть, предваряемая указанием алфавитного порядка, принятого в Словаре, и список сокращений.

В предисловии формулируется основная задача Словаря — «служить справочным пособием для чтения церковнославянских текстов разных жанров» — и определяется тип словаря: «двуязычный с элементами толкового» (с. 7). Тип словаря напрямую связан с его ориентацией на максимально широкую читательскую аудиторию: БСЦСЯ предназначен как для специалистов-филологов, священно- и церковнослужителей, так и для всех интересующихся церковнославянским языком, изучающих церковнославянский язык и желающих иметь справочное пособие для чтения по-церковнославянски.

В разделе «Источники словаря» дается описание основного корпуса источников, включающего книги основного круга богослужения, и дополнительного корпуса, в который вошли тексты Священного Писания, Типикон, акафисты, келейные молитвы, а также некоторая святоотеческая и агиографическая литература. Основной корпус послужил источником для составления словника, дополнительный корпус — для обогащения цитатного материала

Словарная статья, помимо зоны толкований и иллюстрирующих эти толкования цитат, содержит большое количество дополнительной информации, которая может быть интересна как специалистам, так и обычным читателям. В заголовках представлены сведения о месте и вариативности ударения, об орфографических и словообразовательных вариантах и их частотности относительно друг друга, об особенностях словоизменения имен существительных, о формах 1-го и 2-го лица презенса глаголов. В том случае, если конкретное значение закреплено за определенным орфографическим или морфологическим вариантом многозначного слова, перед толкованием значения приводится соответствующий вариант, ср. словарные статьи: бѣ́гъ (бѣ́гъ, бѣ́гъ): 1. бѣ́гъ Бог; *может употребляться по отношению ко всем Лицам Св. Троицы...* 2. бѣ́гъ дух, божество, идол, кумир, предмет поклонения, языческий бог; и бѣлѣ́и (бѣлѣ́и, бѣлѣ́и), бѣлѣ́гъ: 3. бѣлѣ́е, *мн.* бѣлѣ́а, *в роли сущ.* добро,

Во-первых, структура словарной статьи подробно комментируется в разделах «Элементы словарной статьи» и «Как пользоваться словарем». В последнем разделе разъясняется особый алфавитный порядок следования заголовочных слов, ориентированный не на

ную ценность: он восполняет пробел в русской лексикографии, завершая историко-лексикографическое и одновременно выполняя синхронное описание церковнославянского языка русского извода Нового времени. Благодаря БСЦСЯ историческая и современная лексикология получают один из важных инструментов исследования эволюции семантики и изменений словарного состава церковнославянского языка, а четко сформулированная концепция Словаря, судя по всему, позволит избежать многих ошибок и трудностей, с которыми часто приходится сталкиваться многотомным историческим словарям.

С л о в а р и

Дьяченко 1899 — Г. Дьяченко, прот. Полный церковно-славянский словарь (со внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений). М., 1899.

СлРЯ XI—XVII — Словарь русского языка XI—XVII вв. Т. 1 / Под ред. С. Г. Бархударова. М., 1975.

SJS — Slovník jazyka staroslověnského. Lexicon linguae palaeoslovenicae, I / J. Kurz (ed.). Praha, 1958.

Л и т е р а т у р а

Кравецкий, Плетнева 2001 — А. Г. Кравецкий, А. А. Плетнева. История церковнославянского языка в России (XIX—XX вв.) / Отв. ред. А. М. Молдован. М., 2001.

Седакова 2005 — О. А. Седакова. Церковнославяно-русские паронимы. Материалы к словарю. М., 2005.

Чернышева 2008 — М. И. Чернышева. Семантика словообразовательных моделей с начальными *благо-* и *бого-* (новые данные) // Славянское языкознание. XIV Меж-

дународный съезд славистов. Охрид, 10–16 сентября 2008 г. Доклады российской делегации. М., 2008. С. 540–553.

Я. А. Пенькова

Институт русского языка им.
В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
amoena@inbox.ru

Получено 11.03.2017

[Review of the book:]

Kravetskiy, A. G., & Pletneva, A. A.
*Bol'shoy slovar' tserkovnoslavjanskogo
yazyka Novogo vremeni*

[The Large Dictionary of the Church
Slavonic of the New Age] (Vol. 1).

Moscow: Slovarei XXI veka, 2016. 448 p.

References

Chernysheva, M. I. (2008). Semantika slovoobrazovatel'nykh modelei s nachal'nymi blagodi bogo- (novye dannye). In A. M. Moldovan (Ed.), *Slavjanskoe jazykoznanie. XIV Mezhdu-narodnyi s'ezd slavistov. Doklady rossijskoi delegatsii* (pp. 540–553). Moscow: Indrik.

Kravetskiy, A. G., & Pletneva, A. A. (2001). *Istoriya tserkovnoslavjanskogo jazyka v Rossii (XIX—XX vv.)*. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.

Sedakova, O. A. (2005). *Tserkovnoslavjano-russkie paronimy. Materialy k slovarju*. Moscow: Greko-latinskiy kabinet.

Yana A. Penkova

Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
amoena@inbox.ru

Received on 11.03.2017

**Житие Василия Нового в древнейшем славянском переводе
(по рукописи РГБ, собр. Е. Е. Егорова 162 с параллельным
греческим текстом по рукописи Athous Dionysiou 107).
Том I: Исследования. Тексты. / Изд. подг. Т. В. Пентковская,
Л. И. Щеголева, С. А. Иванов. — Москва: ИД ЯСК. 774 с.**

Книга восполняет серьезную лакуну в ряду появившихся в последние десятилетия научных изданий древнейших переводов, выполненных в домонгольской Руси. Византийское житие Василия Нового (ЖВН) возникло в конце X века, а первый его перевод был выполнен не позднее начала XII века, так как заимствования из него обнаруживаются в уже в Повести временных лет и Синаксаре-Прологе; при этом по внутренним, языковым критериям Т. В. Пентковская относит памятник к концу XI в.

Византийская традиция ЖВН обширна, весьма разветвлена и сложна: хотя в работах последних десятилетий (Х. Ангелиди, Л. Риден) были выявлены несколько типов и редакций текста, отношения между ними остаются во многом неясными. В такой ситуации авторы новейшего издания жития (D. F. Sullivan, A.-M. Talbot, S. McGrath. *The Life of St. Basil the Younger: Critical edition and annotated translation of the Moscow version*. Washington, DC: Dumbarton Oaks, 2014) выбрали для публикации наиболее пространный, хотя и не обязательно древнейшую версию текста (Синод. гр. 249).

Рукописная традиция древнего славянского перевода ЖВН, напротив, скудна: всего шесть списков, из которых один ныне утрачен (Т. В. Пентковская объясняет это появлением в XIV в. нового, южнославянского, перевода, вытеснившего на Руси первый перевод), а два других входят в состав макарьев-

ских ВМЧ – по Софийскому и Успенскому спискам. Последний был дважды издан – С. Г. Вилинским в 1911 г. и в 2001 г. во Фрайбурге (*Monumenta linguae slavicae dialecti veteris*, T. 45).

Важным обстоятельством, определившим принципиальную новизну обозреваемого издания, является то, что Т. В. Пентковской удалось обнаружить близкую к оригиналу перевода версию греческого текста, значительно отличающуюся от публиковавшихся ранее версий и редакций византийского памятника. Ранее оба славянских перевода сопоставлялись с греческим текстом рукописи Синод. гр. 249, хотя еще С. Г. Вилинский отмечал, что она удовлетворительно объясняет особенности лишь второго перевода, в то время как первый опирается на какую-то отличную, неизвестную ему версию. Свидетелем этой версии, как установила Т. В. Пентковская, является Афонская рукопись XIV в. Dionysiou 107. Это открытие не только дает надежную основу для объяснения текста древнего славянского перевода, но и, ввиду ранней датировки славянского перевода, имеет важное значение для восстановления ранних этапов истории византийской традиции жития.

Сопоставление с греческим текстом Dionysiou 107 позволило Т. В. Пентковской ясно определить отношения между списками древнего перевода. Списком, который лучше других «сохраняет осо-

бенности архетипа перевода», был признан Егор. 162, сер. XV в., — по нему и подготовлено издание. К нему близок список ВМЧ, но не Успенский, а Софийский. В Успенском же списке, по определению Пентковской, было проведено «поверхностное редактирование... без обращения к греческому оригиналу»; его текст отразился в двух позднейших списках. Все эти списки восходят к северо-западному протографу; помимо них, извлечения древнего перевода ЖВН содержатся в Варшавском сборнике апокалиптических сочинений и апокрифов, причем здесь обнаружены первичные чтения, а также целые пассажи, опущенные в остальных рукописях. Варшавский список важен также тем, что он восходит к иному протографу — западно-русскому, являясь единственным свидетелем существования юго-западной ветви традиции. Данное обстоятельство, а также то, что лингвистический анализ памятника не позволяет связать архетип перевода ЖВН с северо-западной зоной, привели исследовательницу к предположению, что древнейший перевод ЖВН имеет киевское происхождение.

Издание включает публикацию обоих текстов — славянского и греческого — *en regard*, с минимальными разночтениями при первом и весьма обильными при втором (в соответствии со степенью сложности каждой из рукописных традиций). Каждая публикация сопровождается исследованием. Исследование, посвященное греческому тексту, выполнено Л. И. Щеголевой с учетом работ Т. В. Пентковской, и включает историографический обзор, обзор рукописей и существующих изданий памятника, новую классификацию версий и редакций с краткой характеристикой их языковых и жанрово-содержательных особенностей, а также подробное описание языка и стиля публикуемого списка Dionisiou 107.

Принадлежащее Т. В. Пентковской монографическое исследование древнего славянского перевода включает краткую историографическую и текстологическую часть (суть которой изложена выше), в основном же посвящено лингвистическому анализу памятника. Оно состоит из двух обширных разделов: в первом рассматривается лексика и словообразовательные модели, встречающиеся в памятнике, с преимущественным вниманием к региональным элементам; во втором — грамматические особенности текста. Основное содержание раздела образует ряд очерков по грамматике глагола: рассматриваются способы передачи греческого настоящего исторического, сочетания глаголов *хотѣти, имѣти, мощи, быти* с инфинитивом в различных модальных и видо-временных значениях, перифрастические конструкции с причастием; конструкции с инфинитивом в безлично-пассивном значении. При этом материал ЖВН анализируется в сопоставлении с другими древнеславянскими памятниками, а также с данными болгарского языка и восточнославянских диалектов, в контексте активно ведущихся в последнее время исследований в области синтаксической семантики глагола. За пределами этой области отмечаются отдельные морфологические и синтаксические явления (например использование супина наряду с целевым инфинитивом, а также формами, промежуточными между супином и инфинитивом, окончания имперфекта 2 л. мн. ч. *-тѣ*, повтор предлога в именных группах и сочетаниях, употребление частицы *ти*), свидетельствующие об архаичности языка ЖВН. В особом подразделе подробно разбираются способы передачи греческих конструкций с субстантивированным инфинитивом в ЖВН, также на широком фоне аналогичного материала других переводных памятников.

Данное лингвистическое исследование, обобщающее и развивающее серию работ Т. В. Пентковской последних двух десятилетий, представляет значительный прогресс в освоении языка ЖВН, место которого среди домонгольских переводов Древней Руси теперь уточнено (с. 81): по различным наборам параметров ЖВН сближается как с переводами собственно восточнославянскими, так и с относящимися к «гибридной» группе, предположительно относимой к деятельности южнославянских книжников, частично адаптировавшихся к восточнославянскому узусу. Однако, по мнению исследовательницы, определяющими языковую основу памятника являются восточнославянские элементы, а отклонения объясняются более ранним происхождением ЖВН по сравнению с большинством древнерусских переводов домонгольской эпохи: он больше ориентирован на церковнославянские нормы.

Остается пожелать авторам скорейшего завершения работы над словоупотреблениями к опубликованным текстам, которые должны войти во второй том издания.

Исследовательская часть тома завершается небольшой, но чрезвычайно содержательной статьей филолога и историка византийской культуры С. А. Иванова, в которой рассматриваются исторические, бытовые и топографические сведения и реалии, упоми-

наемые в публикуемых версиях ЖВН. На множестве примеров демонстрируется их большая, по сравнению с известными ранее версиями, ценность для реконструкции первоначального облика текста, причем славянский перевод в некоторых деталях обладает приоритетом даже перед его ближайшим греческим аналогом и, таким образом, должен стоять «еще ближе к оригиналу ЖВН».

М. С. Мушинская
Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
masha@mushinsky.net

Получено 10.06.2019

**[Review of:] Vita Basilii Iunioris: Versio
Palaeoslavica e codice Mosquensi
Egorov 162 cum textu Graeco e codice
Athous Dionysiou 107.
Vol. 1. Studia et textus.
Ed. T. V. Pentkovskaya, L. I.
Shchegoleva, S. A. Ivanov. LRC.
Moscoviae MMXIX.**

Maria S. Mushinskaya
Vinogradov Russian Language
Institute, Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
masha@mushinsky.net

Received on 10.06.2019

Адреса университетов и институтов
Adresses of universities and institutes

<i>Институт лингвистических исследований РАН</i> 199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9 <i>Institute for Linguistic Studies, RAS</i> 9 Tuchkov pereulok, St. Petersburg 199053, Russia	2900 Boulevard Edouard-Montpetit, Montréal, QC H3T 1J4, Canada
<i>Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН</i> 119019, Москва, Волхонка 18/2 <i>Vinogradov Institute of Russian Language, RAS</i> 18/2 Volkhonka, Moscow 119019, Russia	<i>Санкт-Петербургский государственный университет</i> 199034, Санкт-Петербург Университетская наб. 11 <i>Saint Petersburg State University</i> 11 Universitetskaya emb., St.-Petersburg 199034, Russia
<i>Новосибирский государственный технический университет</i> 630073, Новосибирск, пр-т К. Маркса, 20 <i>Novosibirsk State Technical University</i> 20 K. Marx Prospekt, Novosibirsk 630073, Russia	<i>Санкт-Петербургский филиал Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»</i> 190069, г. Санкт-Петербург, ул. Набережная канала Грибоедова, д. 121 <i>Saint Petersburg branch of the National Research University Higher School of Economics</i> 121 Griboedov Channel Emb., St.-Petersburg 190069, Russia
<i>Университет в Монреале</i> 2900 бульв. Эдуард-Монпети, Монреаль, QC H3T 1J4, Канада <i>Université de Montréal</i>	

ПРАВИЛА ПОДАЧИ СТАТЕЙ

1. Для публикации в журнале принимаются статьи на русском, английском и немецком языках, соответствующие научному профилю журнала и не публиковавшиеся ранее в других изданиях.
2. Материалы для публикации отбираются на основе независимого рецензирования и решения редколлегии журнала. Рецензии направляются авторам для ознакомления и учета замечаний рецензентов.
3. Все публикации для авторов бесплатны.
4. Спустя год после выхода из печати каждого номера журнала он в полном объеме публикуется на сайте www.ruslang.ru (в разделе «Издания»).
5. Рукопись предоставляется автором в электронном виде по адресу gusyaz@yandex.ru (и по запросу — в печатном виде). Если в статье используются нестандартные шрифты, их также следует прислать.
6. В сопроводительном письме должны быть указаны сведения об авторе: ФИО полностью, страна, город, телефон, электронный адрес. Редакция журнала рассылает авторские экземпляры отисков в формате PDF только по электронной почте.
7. Непринятые рукописи не возвращаются.
8. Рецензии должны присылаться в редакцию вместе с экземпляром рецензируемой книги (по просьбе автора рецензии книга ему возвращается).

Основные правила оформления текста статьи

1. Текст статьи должен быть предоставлен в формате Microsoft Word for Windows.
2. Заголовок статьи, инициалы и фамилия автора, место работы, резюме (до 10 строк) и ключевые слова в статьях, принятых к печати, приводятся на русском и английском языках.
3. Все лингвистические примеры внутри текста приводятся курсивом (слово *продажа*; суффикс *-ик* и т. п.). Примеры, выделенные в отдельный абзац, даются прямым шрифтом.
4. В хроникальных заметках о научных конференциях фамилии участников набираются полужирным шрифтом. После фамилий в круглых скобках указывается город для русских участников и город и страна для зарубежных участников конференции: **И. И. Иванов** (Москва), **Дж. Смит** (Лондон, Великобритания).
5. В тексте статьи ссылки на работы заключаются в квадратные скобки, после года выпуска ставится двоеточие и указываются страницы: [Иванов 2012: 45–58] или [Иванов 2012: 45–58; Новикова 1999: 354]. При перечислении нескольких работ одного автора его фамилия не повторяется, годы выпуска указываются через точку с запятой: [Иванов 2000: 34–38; 2012: 78–81]. Если даются ссылки на несколько работ одного автора за один и тот же год, нужно использовать буквенные сокращения: [Иванов 2012а: 45–58; 2012б: 12–15]. Если работа коллективная, указывается первое имя с добавлением «и др.», в иноязычных ссылках — «et al.»: [Иванов и др. 2003: 17; Croft et al. 2012: 57]. Если имя автора является частью текста, используется следующая форма: «А. А. Иванов [2012: 45–58] утверждает, что...».

Основные правила оформления библиографии

1. Список цитируемой литературы и источников помещается в конце статьи и упорядочивается по алфавиту.
2. Источники, в частности словари, должны быть внесены в список литературы.
3. Список литературы оформляется по образцу вышедших номеров, доступных на сайте www.ruslang.ru (в разделе «Издания»).

NOTES FOR CONTRIBUTORS

1. Manuscripts submitted to *Russian Language and linguistic theory* should be original contributions in Russian, English or German, relevant to the scope of the journal and should not have previously been published elsewhere.
2. Contributions for publication are screened in the process of peer review by independent referees and the final decision regarding publication lies with the Editorial Board. Referees' comments will be sent to authors, who will be expected to return corrections to the Editor by e-mail.
3. All publications are free of charge to authors.
4. The issues are published in full on the website www.ruslang.ru (see "Publications") one year after the publication.
5. Manuscripts should be submitted by email sent to rusyaz@yandex.ru (and also by post on request). All custom fonts used in the manuscripts should be sent by email.
6. The cover letter must include the following information about the author: full author's name, full postal mailing address, email address. All authors of full-length articles and reviews will receive the offprint in PDF format by email and one copy of the issue in which their contribution appears.
7. Rejected manuscripts will not be returned.
8. Book reviews should be sent to the Editorial Secretary together with the reviewed book (the book will be returned on author's request).

Main format rules for articles and reports

1. Contributions must be submitted in the format of Microsoft Word for Windows.
2. The first page should include the title, author's surname and initials, institutional affiliation, abstract of the article (up to 10 lines) and keywords in both Russian and English.
3. All phrases, words, affixes, letters etc. used as linguistic examples within the body of the text must be italicized (the word *prodazha*; the suffix *-ik* etc.) All examples presented in a separate paragraph must be in regular font.
4. In reports on academic conferences, names of the participants should be in bold, followed by city (for Russian participants), or city and country (for foreign participants), given in parentheses in regular font: **I. I. Ivanov** (Moscow), **J. Smith** (London, Great Britain).
5. References should be given in square brackets, designating the name of the author, year of publication, and, where relevant, after the colon, the page(s) referred to: [Ivanov 2012: 45–58], using semi-colons to separate different authors: [Ivanov 2012: 45–58; Novikova 1999: 354]. In the case of multiple references by the same author(s), the name(s) should not be repeated and the years should be listed, using semi-colons to separate different publications: [Ivanov 2000: 34–38; 2012: 78–81]. When several works by one author for the same year are referred to, lower-case letters ("a", "b", etc.) should be placed immediately after the year: [Ivanov 2012a: 45–58; 2012b: 12–15]. When a work written by two or more authors is referred to, first name should be given followed by «et al.»: [Ivanov et al. 2003: 17; Croft et al. 2012: 57]. If the reference name naturally forms part of a sentence, use the form: "A. A. Ivanov [2012: 45–58] maintained that..."

Main format rules for references

1. All works referred to must be listed at the end of the article in alphabetical order.
2. All sources of citations including dictionaries and lexicons must be added to the reference list.
3. The list of referred works should be formatted according to the published issues of the journal available on the site www.ruslang.ru (see "Publications").

Русский язык в научном освещении
№ 1. 2019

Зав. редакцией *М. С. Мушинская*
Редактор номера *Е. И. Державина*
Корректор *М. Л. Максимова*
Оригинал-макет подготовлен *В. Ю. Гусевым*

Подписано в печать 15.07.2019. Формат 70×100 ¹/₁₆
Бумага офсетная № 1, печать офсетная
Усл. п. л. 26. Заказ №